

International

Literary

магazine

ТРАМВАИ ХОДЯТ ПО РАСПИСАНИЮ

ЮРИЙ СЕРЕБРЯНСКИЙ

K R E S C H A T I K

Юрий
СЕРЕБРЯНСКИЙ

ТРАМВАИ ХОДЯТ
ПО РАСПИСАНИЮ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Юрий
СЕРЕБРЯНСКИЙ

ТРАМВАИ ХОДЯТ
ПО РАСПИСАНИЮ

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(574)-32
С-32

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована в 2023 році

Серебрянский Ю.

С-32 Трамвай ходят по расписанию / Ю. Серебрянский —
Друкарський двір Олега Федорова 2024 — 200 с.

ISBN 978-617-8252-80-9

В сборник известного казахстанского автора вошли повести и рассказы, публиковавшиеся в казахстанских, американских и европейских литературных журналах, переведенные на несколько языков и вызвавшие интерес критиков и публики разных стран мира. Основная тема в новых текстах смещается в сторону созерцательной европейской прозы, где находится место и подростковому советскому опыту, и большим взрослым переживаниям.

Наблюдательность, лиричность, эмоциональность, даже отчаяние, — таковы лишь некоторые замеченные критиками оттенки этой прозы, география которой, как всегда и бывает у автора, охватывает несколько континентов.

УДК 821.161.1'06(574)-32

МУРАВЬИНАЯ ЗЛОБА

В Алма-Ате нашу семьдесят пятую школу знали как бандитскую. Все условия для этого были созданы самой природой. Рядом кинотеатр «Спутник», спиной упирившийся в стадион и печально известный парчок¹ разборок. До бесхозного и запущенного, с плиточной обветшалой набережной озера Сайран — рукой подать. Неисцелимо трудные мои одноклассники проводили там все свободное время. Лодочник жил в деревянной будке с мухами, водкой и Александром Новиковым. Катамараны валялись как попало, лодки он пропил все, кроме одной, спасательной. Само здание школы утопало в зелени, двор расчерчен на полуистертые классики, тихий с виду, хотя именно здесь Валере прострелили задницу из самострела в счет карточных долгов. Тогда сменился директор, а пятна крови смыли с асфальта вместе с мелом. Но это ничего не решило. Поговаривали, что школа как-то связана с зеками, и даже не поговаривали, а меня самого пытались поставить на счетчик, но это уже было после выпускного. По неписаным законам учеников не трогали. Даже таких, как мы с Серегой, моим другом с первого класса. Хотя гордостью школы мы не были, учились ровно, учительница истории назвала меня как-то «Маленьким Лениным», за что после анонимно толкнули на макет «Ленин в разливе» на втором этаже. Падая, я старался не повредить шалаш. Новая директор тогда ничего не сказала, знала, что ерунда, мы с Серегой были вне подозрений, казалось, в нас не было ни капли агрессии, прославившей школу далеко в городе, до самой «Крепости».

¹ Сквер.

Можно ли поверить в существование таких изгоев? Не знаю. Я бы не поверил. Мы ни с кем больше не дружили до самого окончания школы. Бывают ведь такие люди, со дня рождения меченные клеймом одиночества.

Сергея жил тогда в частном секторе, как все, разве что огород больше, с калиткой во двор, где росла пара черешен и яблоня, красиво отделенные от асфальта кладкой булыжника по периметру. Отец мастеровой, все крепко сколочено, ванная для полива в огороде, теплый деревянный туалет, банька, и все это в городе, не так уж и далеко от центра. Где по улице Фурманова стояли номенклатурные дома, гостиница Казахстан с короной и горы — лже-свидетели истории.

Начали мы классе в пятом. С черных муравьев. Если представить какую-нибудь локальную религию в муравейниках на территории Серегина двора, то время летних каникул считалось бы в ее священных книгах часом сатаны. Самым темным, несмотря на палящее южное солнце. Мы добыли мощные лупы, уже и не помню, где, начинали часов в двенадцать. Садись на корточках у камней под деревом и вперед. Иногда каждый из нас брал шефство над своим муравейником, иногда мы нападали вместе. В свете луча гиперболоида черный муравей корчится на камне, ничего не понимая, потом дымок и короткая агония. Заканчивали мы через час, когда старенькая бабушка Сергея звала обедать. Кажется, догадывалась о том, чем мы заняты, говорила с порога время от времени совсем ей не свойственным голосом: «Сергея, надень немедленно какую-нибудь шапку!».

Однажды я с разбегу открыл дверь в туалет, застав ее, с тех пор между нами сохранялась нить напряжения, хотя человек она была добрая.

То ли потому, что черные муравьи не так интересны с позиции зрелищности, то ли из-за капитуляции муравейника под правой черешней, но через пару недель нам стало ясно, что красные муравьи не такие дураки, как те, они понимают, откуда приходит смерть, а это злит и раздражает.

Умирая в концентрированном луче, красный мураш поднимает морду, смотрит на тебя, видит над собой огромный любопытный глаз, полный азарта, а его братья кусают тебя за ноги и за руки. Хотя лупа и была совершенным и беспощадным оружием, мы развивались. Толкали спичечные головки в ходы муравейника и поджигали запалы. Тогда, если заряд был достаточно мощным, дым шел из нескольких соседних выходов, и оттуда выбегали растерянные муравьи. Они были достаточно крупными, чтобы впадать в агонию сразу, как только попадут в луч. Некоторым удавалось удрать покалеченными и обожженными, но живыми.

В школе мы с Сергеем страшно увлекались историей (это и есть одна из причин моего прозвища), учебник истории прочитывался в первый же месяц, а то и неделю. Потом мы брали в библиотеке учебник на год старше, потом в магазине недалеко от школы покупали методичку для учителей истории к учебнику, а когда заканчивались и они, читали вообще все подряд. Например, детскую энциклопедию, восьмой том, эпоха великих географических открытий. Фердинанд Кортес, Ливингстон, Капитан Грант, Пятнадцатилетний капитан были нашими героями, а Серёгин двор был заселен краснокожими дикарями. В августе лупы надоели, и мы взялись за маленькие сапожные молоточки. Ни черные, ни красные муравьи почти не искажали стука по камням, а пятна легко сметались веником.

Осенью мы увлеклись космосом. Паруса Колумба и Кортеса пожухли, как лепестки хризантемы на столе у учительницы Галины Михайловны. Упоительная космическая гонка отвлекала от всего, что происходило и творилось в школе. Тамаз упал в пролет второго этажа, сильно разбился, но пришел уже через два месяца и занялся плаванием и борьбой. У Оксаны и двух Оль выросли сиськи. Новенькие курили. Злодей «ЭР» уехал в колонию для несовершеннолетних. «Челленджер» взорвался. Дымный след в небе над мысом Канаверал разделился на три части. Два столба поменьше продолжали лететь в космос, а самый большой, как объясни-

ли уже потом — кабина пилотов, сначала выровнялся по дуге, а потом медленно, клубясь рыжими кольцами, ушел в океан. В космосе тоже есть своя драматургия, поняли мы.

Поздний сентябрь в Алма-Ате все еще лето. Только оно гораздо приятнее того лета, где плавится асфальт, а машина травит чем-то вонючим повилику у калиток и ворот, по арыкам. Соседи в прошлое воскресенье ездили на рыбалку и купались. Привезли Серегину отцу ведро раков. Радиола на ножках под навесом передавала Kraftwerk. Но мы уже были в огороде, у садовой ванны, наполненной водой до краев. Там, в глубине, в едва мутноватой после дождя воде, можно было разглядеть конструкции из флаконов от шампуня, соединенных трубками шариковых ручек, герметично запаянными. Орбитальная станция «Космос-3», заселенная красными муравьями, проводила эксперименты. Время от времени к станции пытались пристыковаться корабли, некоторые лопались, муравьи поднимались вверх с пузырьками воздуха. Некоторые, растеряв опору, начинали медленно идти ко дну, шевеля лапами, и, если спасательный бот не успевал, терялись в тонком слое придонной тины. В жизни всегда есть место подвигу. Даже в жизни муравья. Однажды нас срочно разогнали по домам, станция осталась до утра, муравьи задохнулись. Мы больше никогда этого не обсуждали, просто выбросили всю конструкцию, никто этого не хотел.

Наступил ноябрь, слякоть, дожди и даже снег. Вторая смена. Домашнее задание допоздна. Проклятая математика. Зима.

Мама уехала в Ленинград, в командировку. Привезла альбом для марок и один набор, для затравки. Мы с Сергеем стали коллекционерами. Живопись, футбол, рыбы. Лупам нашлось лучшее применение. Можно было разглядывать надписи «Poczta Polska» и «Монгол Шуудан», или грудь Данаи, например.

Весной Серега увидел огород совсем другими глазами. Ему дали лопату, а заодно и мне дали лопату. Пришлось

вскапывать грядки. Под трухлявым бревном мы нашли целую зимовку — жирные белые личинки каких-то жуков молча извивались, как спелёнатые младенцы, а небольшие мяконецкие белые яйца красные муравьи пытались спасти, как погорельцы в революцию. Тащили имущество, искали входы в подземные норы. Мы стояли с лопатами над всем этим случайно потревоженным миром и смотрели, как два бога — полубрата. Серега сходил за двухлитровой банкой, сполоснул ее в ванной, вытер досуха, и мы накидали туда отборной земли, мягкой, с трухой. Потом аккуратно переложили на поверхность внутри банки десяток муравьиных яиц, и начали собирать муравьев. Те тут же бросились разгребать кусочки трухи, пытаясь найти укрытие. Горлышко банки мы закрыли зеленоватой крышкой, с проделанными ножом мелкими дырочками. Но муравьи сбежать не пытались. Они начали копать ходы. Взять банку домой Сереге не разрешила мама. Побоялась или не поняла. Банка досталась мне. Несколько раз мы собирались у меня в комнате, у окна, на котором стояла банка, и смотрели, как муравьи, построившие там целый город затаскивают в норы кусочки листьев и хлеба — корм. Иногда белые кусочки мякиша мелькали вдоль стеклянных стен, опускаясь ходами до самого дна. Недели две после того, как Сереге надоело, и он перестал приходить ко мне по этому поводу, я смотрел за этой жизнью, не вмешиваясь. Однажды кинул в банкудохлую осу. Она не влезла ни в один вход и моголила глаза своим унылым видом. Тогда произошло первое землетрясение. Сразу — крупное. Муравьям пришлось три дня восстанавливать ходы, искать и спасать яйца. Труп осы исчез с поверхности. Снова стало интересно. Другое землетрясение никаких впечатлений не принесло. Муравьи неизменно пытались все восстановить. Их становилось все меньше. Новеньких, пойманных уже в моем небольшом палисаднике, принимали в штыки, они жались друг к другу, как пацаны, попавшие во двор чужой школы, окруженные шпаной. Случилась драка, и ничего нельзя было с этим поделать. На троих моих му-

равьев набросились сразу с десятков баночных. Пришлось выловить своих и отпустить. Те муравьи оказались настоящими гадами. Вели себя как фашисты из книги про Валю Котика. Я принес из рукотойника ковшик воды. Вода легко впитывалась в грунт, пронизанный муравьиными ходами. Я видел, как уровень поднимался, блестящее водяное кольцо почти сровнялось с поверхностью. На нее выбрались не больше пяти муравьев, они в панике бегали туда-сюда. Мне стало по-настоящему жутко. Не по себе. Я открыл окно и вытолкнул банку под сирень. Она глухо разбилась в ночи о камень. На следующий день, когда я собирал осколки, заметил только потемневший труп осы.

Мы окончили школу в девяностом году. В августе окрыли с двумя одноклассниками ночной клуб, в бывшей подсобке школы. Вернее, до открытия так и не дошло. Как-то вечером, закончив строить барную стойку, мы уже собрались уходить, но тут вбежала знакомая перспективная девчонка и позвала меня на минутку на улицу. Хочется подробнее о ней рассказать.

В темном дворе школы меня били ногами четверо. Попали и в живот и раскроили губу, но зубы так и не выбили. Нужно было платить, каждый месяц. Мой отец работал гидрогеологом в колониях и поэтому на кухне висели искусно выточенные, аляповатые резные скалки. Он обратился к зекам в другом городе, и нападавших нашли. Двое мужиков, от которых веяло подвальной опасностью и бедой, люди, каких я еще никогда не видел, выстроили передо мной подозреваемых. Не знаю, что за наказание им было, но больше меня не трогали, а клуб открыть не дали. Директор сменился.

Я вдруг понял, какой опасной может быть жизнь! Через год поступил в университет, но не на исторический факультет, а так.

СОЛЬ

— Вы что, мясо еще не выключили, Вера Леонидовна?

— Максюшенька! Ну, привет! Привет!

В прихожей все освещено настолько ярко, что бросается в глаза пыль на женских туфлях, составленных аккуратно в ряд по двухъярусной полке, словно группа невидимых танцоров ирландского кейли застыла в ожидании начала мелодии. Снятые с Максика стильные синие кроссовочки, Татьяна, няня, передала из рук в руки Вере Леонидовне одновременно с вопросом:

— Мясо еще не выключили, Вера Леонидовна?

Встретившая их в дверях немолодая женщина в коричневых брюках и черной кофте с отливом люрекса не бросающейся в глаза полноты, держала синие кроссовки, похожие на гоночные машинки, по одному в каждой руке, глядя на Максика совершенно влюбленно.

— Татьян, ну я еще не выключала, говядина же. Вы полчаса только и гуляли, а показалось вам, что долго.

Татьяна надела тапки. «Гагарина показать» Максику она, с ее ростом, боялась — потолки московской квартиры, отлично отремонтированной, из каждого угла которой выскоблено все советское прошлое, поднять никак нельзя.

— Я в Алма-Ате, — сказала громко Вера Леонидовна уже из кухни, — говядину всегда два часа варю, если она мякоть.

— Да вы что, в Москве ее надо час варить, а то она же резиновой станет. Я час готовлю, не дольше, и дома тоже так готовлю. У нас в Харькове мясо хорошее только на базаре можно купить.

Говядиной наполнен коридор, кухня, зал, в который, не смотря на специальную просьбу на такие случаи, незакрыта дверь.

— Нет, за два часа оно у нас как раз разваривается. Такое мясо у нас.

— А у нас в квартире газ, да же Масяня?

Татьяна повернулась к входу в кухню спиной, усадила Максика в кресло и протянула ему свои открытые ладони жестом, каким обычно демонстрируют руки дети в пионерском лагере перед обедом.

— А в Москве вы где говядину покупаете, Татьяна? На базаре или в магазине?

Вера Леонидовна улыбалась Максиму, стоя за спиной у няни, и он отвечал на улыбку бабушки своей: два передних зуба, смешные и белые, умные глаза и нос как у мамы.

— А у нас в квартире газ, а у вас? — Татьяна пыталась научить Максима играть в ладошки, но он явно воспринимал ситуацию иначе, сделав попытку отдаться «на ручки».

Вера Леонидовна нажала кнопку пульта, включив новости. Лысая голова диктора рассказывала что-то тревожным голосом. Больше всего Татьяна ненавидела новости об Украине.

— Вера Леонидовна, переключите, пожалуйста, Максик у нас новостей не любит — спокойный голос Татьяны действовал на ребенка завораживающе. Он кокетничал.

Ключ конвульсивно забился в замке входной двери, потом в другом, и дверь открылась, впустив молодого мужчину в нейлоновой куртке, сияющих ботинках и с короткой прической. Точнее скопировать Максима было невозможно.

— Здравствуйте всем! Привет, Максюша! — голос неустойчивый, прорываются то низкие, то средние, как у редко говорящего. Прокашлялся. Разулся и вошел, поставив пухлый пакет из супермаркета на полку для обуви, подвинув весь ряд тифель-танцоров. Потом в зал. В зал неуверенно, точно в гости.

— Здравствуйте, Григорий, мы с Максимом только с прогулки вернулись, — отчиталась Татьяна обернувшись. Ровным голосом.

— Гриша, привет! Ужин готов будет через десять минут, руки мой. Мойте руки, Татьяна, а Мاسяню давайте в детское сиденье с нами.

— Спасибо, Вера Леонидовна, я пойду уже, ужинать не буду, — Татьяна подержала сидящего в кресле Максима за ручку, покачала его — «пока-пока», и поцеловала ребенка в лоб. Он сразу же рванулся слезть с кресла, но не успел, отец взял его на руки, выходя в прихожую следом за няней.

— До завтра! — помахала всем Татьяна, обуваясь. Черные полусапожки от порога зацокали по кафельному полу коридора лестничной площадки. Черное старое пятно от потекшего соседского мусора все еще оставалось на своем месте.

Григорий задернул шторы в зале, закрыв вид на пугающую пестроту и хаос горящих окон. Сели к столу на просторной кухне, бешено освещенной встроенной в потолок люминесцентной лампой. Присутствие света казалось физическим.

— Какие здесь продукты качественные! Вера Леонидовна ухаживала за сыном. (У внука с самого рождения был редкий детский дар — созерцать происходящее вокруг, не вмешиваясь.)

— Сегодня помидоры брала — настоящие, картошка — порченной нет, говядина отличная!

— Mam, ты мне столько не накладывай, я же не съем.

— Гриш, ну, сколько съешь.

— Спасибо, садись сама, а?

— Масыня, может тебе попить дать?

— Mam, да сейчас Лиля должна подъехать, будет кормить Макса. Ты чем в июне планируешь заниматься? Лиля

говорит, у нее первый отпуск уже в июне, две недели, собираемся поехать на море на машине. Оставайся, поедем с нами, с Масяней побудешь.

Вера Леонидовна сидела полубоком, удачно, в равной досягаемости до поверхности плиты, до стульчика и кухонного стола. Небольшое темно-зеленое полотенце в руках.

— А ты почему сама не ешь?

— Лилю подожду. Надо в зале окно пока открыть, пусть проветрится, она запаха не любит.

— Сиди, я схожу, — Григорий резко встал из-за стола, захватив телефон, щелкнувший новым сообщением. Вернулся.

— Гриш, я наверное, как договаривались, до середины мая. Ты уж извини. Собаки там, отец один, Юрик, я по внучке тоже соскучилась уже.

— Мам, ну, давай ты подумаешь, а? Позвони отцу. Давай я ему скажу сам, я лечу в Алмату на той неделе. Надо подписать заявление, открепительный лист. У него не принимают в ЦОНе.

— Так доверенность же есть?

— Говорят, может, поддельная. Билет взял. Давай обсудим с ним.

— Не, Гриш, я настроилась, поеду. А вы куда собираетесь, если не секрет?

— Ну, мам, секрет, конечно! Мы через Краснодар в Сочи. Отель бронируем, все цивильно.

— Ого, далеко же.

— Полторы тысячи километров, как до Караганды, нет, почти как на Боровое съездить.

— А, ну, вам-то нормально.

Вера Леонидовна дотянулась до чайника, налив и себе тоже.

— Смотри, мам, в Сочи бы отдохнула...Тогда мы Татьяну возьмем, с Максиком проще будет. Кеша с нами с Лилей, чтобы съездить куда-нибудь там вечером.

— Смотрите сами, Татьяна молодец, безотказная. Спокойная.

— У нее у мужа онкология была, знаешь? — Григорий держал бокал в ладони, игнорируя ручку.

— Нет... Да ты что, мы как-то не говорили.

— У нее сын в Киеве взрослый, а муж где-то в Харькове, кажется, или рядом, я не понял, а она второй год здесь работает... Ты тогда, мам, про мужа ее не спрашивай, может, она только мне это сказала. Уезжала в феврале на несколько дней, отпрашивалась.

— Нет-нет, я не скажу ничего. Повезло вам, она Машню любит. Татьяна с какого года?

— Не знаю, ты у Лили спроси, у нее резюме есть.

— Мне кажется, она где-то как Юрик, чуть за сорок. Я с ним сегодня говорила по планшету, привет передает.

— Как у них?

— Да, нормально все, я уже соскучилась тоже. Тепло в Алматы, дождей много, но там-то весна всюю, если не лето.

— Да, уже пыли опять полно, они там снова асфальт на Держинского меняют. Пробки адские.

На синем диске карусели в центре детской площадки нет свободных мест. Голос чьей-то мамы пытался устыдить группу мальчишек лет десяти-двенадцати, или просто акселератов, не желающих крутиться вместе с ее ребенком. От этого голоса он выглядит идущим на синюю карусель, как на казнь. Солнце зажато между пальцами новостроек шариком из платины, залившим весь двор устойчивым светом, что в Москве означает окончательную весну. Мальчишки, не поднимая глаз, идут прочь с карусели в конец двора, к магазинчику на цокольном этаже. Под названием «Двор».

— Татьяна, а вы не можете отложить поездку на пару недель?

Лиля в черном, спортивного кроя платье, «под няшкку», волосы шишечкой, держит Максика на руках, крепче

и не надо, он обвивает руками шею мамы, в сережку попадают зайчики света, если повертеть ее.

— Думала, вы меня отпустите, Лиля, вы ведь в отпуск собираетесь. Вера Леонидовна как-то мне сказала, — Татьяна улыbnулась, встречая взгляд ребенка: потом-потом.

— Кеша! Лиля резко сменила тон, обращаясь к старшему сыну, тот уже старался разогнать карусель с воспрявшим мальчишкой, чтобы запрыгнуть на скорости самому. Услышав мать, что-то пробурчал под нос, закрылся, отпустил поручень.

— Мы вам заплатим вдвойне за эту поездку, Татьян, плюс проживание в отеле, питание. Будете с Масыней. Они же такие разные! Кеша везде просится. Вы же его знаете.

— Я в Сочи бывала, давно, — Татьяна посмотрела вслед Кеше, он явно шел домой. Без спроса он пока больше никуда не осмеливался уходить.

— Мы там в первый раз были в прошлом году, еще не знали, что в Москву переедем, как раз из отпуска прилетели и тут мне говорят про эту позицию.

— Лиля, я не против, если вам нормально. Вы подумайте... Лучше бы Вера Леонидовна с вами поехала.

— Ага, троллите меня, да, Татьяна. Лиля засмеялась.

2

— Можете тише разговаривать, Гриш, дети спят — голос Лили с заднего сидения джипа, мягко летящего по трассе, не достаивая вниманием колес редкие выбоины звучал зажатом, будто она там на заднем придавлена кирпичом, как печальный человеческий таракан.

— Окей! Татьяна, вы не заметили сейчас указатель? Сколько там до Краснодара было?

— Сто двадцать километров. Татьяна сидела в кресле рядом с водительским, его пришлось некомфортно сдвинуть вперед до максимума, слишком много нужного всего в ба-

гажнике. Очки во все лицо, старомодные, будто их отобрали у наброска силуэта манекенщицы с обложки «Бурды» восьмидесятых. Прическа каре: постриглась.

— К вечеру будем в Сочи, пообедаем под Краснодаром. Григорий, шурясь на обгонах, вел почти все время одной рукой. Другой, жестом дирижера, включая поворотник в соответствующие моменты обгонов.

— Татьян, Лиля говорит, вы в Сочи были уже?

— Да, я маленькой ездила, в школе.

— Родственники там?

— Тише, пожалуйста! — когда джип раздавал роли пассажирам, еще в Москве, Лиле досталась роль третьего ребенка, в переходном возрасте, на которого повесили младших. Максик никак не готов был смириться с маминой спиной, слишком далеко на переднем.

— Нет-нет, у подружки матери — Татьяна умела говорить и шепотом, — я в Артеке была, а потом у нее, она и сейчас там живет, наверное.

— Можем съездить. Если хотите.

Лиля держала спящего в детском кресле Максима за ручку. Кеша спал в соседнем, перевесив голую ступню через поручень своего кресла.

Татьяна следила за одинаковыми полями за окном и холмами, сквозь очки на полуденном солнце все казалось кадрами телефильма, снятого пересвеченной камерой.

Прохлада в фойе отеля оглушительна. Вся его обстановка, с диванами в стиле и фонтаном — приговор частным мини-отелям, надеющимся на жизнь и соседство. Они всегда будут хотеть только сюда, втайне ненавидя тесноту своих душевых кабинок, не подавая вида днем.

— Гриш, да с ума сошли, я говорю, я не верю! Лиля размахивала веером паспортов, разноцветных, перемешанных с мятыми ксерокопиями.

— Но есть же бронь вот, давай я схожу, поговорю — Григорий забрал только ксерокопии, надергав их, как сорняки. Татьяна с Максом на руках и Кешей в телефоне разглядывали рекламный плакат с дельфинами, выставленный не приметным стендом. Дельфин, положив баклажанную морду на край бассейна, подло лыбится.

— Молодой человек, мы забронировали два номера на девять ночей, в чем проблема? Вот бронь. Это букинг. Предоплата, — сотрудник в белой рубашке и значком с именем «Анатолий» глядел прямо и легко.

— Извините за накладку, один номер только можем дать большой, с дополнительной кроватью. Зато комната очень большая, лоджия.

— Но мы же два бронировали!

— У нас делегация, — он отвечает тоном корпоративного робота, пуляющего по внутреннему меню клиента под мелодию Kenny G.

— Жена, ну что делать, только один номер дают.

Лиля молчала.

— Поехали обратно!

— Лиля, давай в других смотреть, значит. Есть же и другие. Оставайтесь тут, я поеду смотреть.

— Все другие — говно.

— Да хрень, конечно. Хрень случается. Давай спокойно решим. Сейчас останемся здесь после дороги, с остальным я разберусь.

— Завтра обратно поедем! Лиля бессмысленно листала свой паспорт, единственный голубой, казахстанский.

— Не, я устал что-то. Давай искать здесь, в Сочи. Голос Георгия превращал диалог в тесто для пельменей.

— Да уже тогда не было нормального ничего!

— Давай попробуем. Всякие варианты случаются.

— В одном номере нам будет вообще неудобно.

— А что ты предлагаешь?

Выждав сбавления оборотов, Татьяна незаметно приблизилась, как танцор в мраморном зале, с Максом — кавалером.

— Григорий, я услышала, в чем проблема. Можете меня отвезти?

— Куда? К родственнице вашей?

— Она мамина подруга.

— Ну, давайте попробуем.

— Татьяна, спасибо за понимание, нам просто будет некомфортно... но, может, на одну ночь.

— Давайте сначала номер посмотрим? Электронный ключ — карточка в руках у Григория. Бордовый.

— Лиля, я понимаю. Что вы оправдываетесь теперь.

— Но вы сами меня взяли с собой.

— Да, извините. Кто знал, что так получится! Будем разгребать.

— Вы оставайтесь, укладывайте детишек, Григорий меня отвезет, а то уже вечер, а завтра решится все.

— Машенья, скажи пока-пока няне! Скажи — спокойной ночи, няня!

— Спокойной ночи, тетя Таня, Кеша протянул ей руку, наспившись, как обычно, пряча смущение.

Фары в сумерках чужого города не самое большое удовольствие. Частный сектор — соль земли городов, почти не меняется. Подлежит сносу, но вечен, как пирамиды. Только заборы ползут навстречу друг другу, медленно, но неумолимо, делая улицы неузнаваемыми, глотая тополя и все деревья.

— Вроде эти ворота. Остановите, пожалуйста.

Григорий выходит следом. Звонка нет. Дом за забором убедительный, двухэтажный, совсем не то, что можно было бы себе представить. В Алматы все по-другому.

Какой-то мужчина шел по дорожке к калитке. Нет, парень.

— Здравствуйте, извините, — вежливо, Татьяна это умеет, — я свою родственницу ищу, она жила здесь.

— А, проходите во двор, — духота за пределами джипа липким языком лизнула по спине. Вдоль дорожки к дому посажены тени кустов. Под навесом диван, стол, лампочка над телевизором. Есть и стулья.

— Ее зовут Тамара.

Парень сел на диван, на простыни. Задумался, опустил голову.

В экране телевизора мужчина с девушкой пытались устроить пропеллер на заднем сидении кабриолета. Что-то обсуждали. Звука почти не было слышно и картинка — словно VHS — видик.

— Вы знаете что, Тамар...

— Нет, нет, я Татьяна, а она Тамара. Я звала ее тетя Тамара.

— Да, да, я понял. Но я не знаю. Даже соседей таких нет, вроде.

— Она точно здесь жила, я помню.

— Да, возможно. Но этот дом жены, а у нее не спросишь. Теперь здесь я живу. Я Миша.

— Ну, что ж, Михаил, буду знать, спасибо вам. Григорий поднялся со стула. Кабриолет в телевизоре ехал по каким-то иностранным улицам.

Номер действительно просторный, Лиля в белом халате сидела на террасе, в плетеном кресле, глядя на то, как роскошные зонты пальм загораживают половину темноты моря.

Татьяна спала на большой кровати, вместе с детьми. Григорий на разложенном диване, в зале. Горел только свет на террасе. Как и на других террасах вокруг.

— Пойдем спать, Лилия. Позавтракаем и поедем.

Лиля распустила вымытые волосы, длинные, делающие ее хрупкой, школьницей.

— Куда же мы поедем, Гриш?

— В Крым.

— А далеко?

— Шестьсот километров еще, с одной ночевкой в пути.

— А там что?

— Давай искать. Пошли, я ноут открыл в зале. Тебе привет от мамы, кстати.

— Ага, спасибо, и ей, сейчас волосы досохнут.

Джип молча ехал по следующей дороге, меняя непривычные названия — Вишневка, Шепси, Дедеркой. Опережая предсказания навигатора. Максим теревил за большой палец няню, Кеша прилип к окну, к морю за ним. Только его оживленные комментарии время от времени нарушали тишину в салоне. Он видит корабли.

Татьяна молча смотрела в другую сторону, в другое окно, по нему пробежало лишь отражение берега, когда начались сплошной полосой деревья. Тетя Тамара шла по песку, время от времени крича — не заходи в воду, Танька, тама сразу глыбоко! Она и не заходит и даже сандалий не промочила тогда. Вот молодец у меня, вот послушная какая! Песок с белых гольфов Татьяны рассыпался по деревянному полу, и тетя Тамара смахнула его прямо в щели между неплотными досками.

И вот, наконец, после растерзанного ремонтом участка море обступило джип с обеих сторон. Одинаковые пролеты моста, как застывшие кадры качели. Российские полицейские с жезлами тормозят кого-то. Джип с московскими номерами вопросов не вызывает.

Лиля глядела на экран навигатора, перемещая указательным пальцем масштаб.

— Что такое Тузла, интересно?

— По-казахски туз — это соль, я еще не забыл. Соль, наверное, добывали, — Григорий с водительским любопытством следил за стыками на асфальте.

— Добывали?

— Выпаривали, как французы — рука Григория совершенно невозмутима на руле под равномерные стуки попадающих в канавки колес.

— А, ну, точно. Наверное, — Лиля ощупывала шишку волос. Машинально.

СОЛЬ ПРОСЫПАЕТСЯ

Почему-то многие думают, что после этой войны наступит мир. Но разве кого-то устроит мир? Ведь что такое мир? Всего лишь ожидание новой войны. Подготовка к ней. Детям — пластмассовое оружие, взрослым — армейская служба, новости и парады. Все как обычно. После войны должна наступить анти-война. Полная и безоговорочная.

Стал читать философию и размышлять в подобном ключе. После лекции Архангельского. Поняв, что не хватает эрудиции.

И вот сидишь себе на другой лекции, вернее, на презентации книги в нашей университетской библиотеке, в Ольштыне, за пазухой Европы, там, где ни в одном частном доме уже нет решеток даже на первых этажах. Впрочем, заборы тоже весьма условны. Они из можжевельника. Студентов своих тоже позвал, но, что-то никого из них не видно.

В тот четверг презентовали книгу на украинском и польском — переводы стихов. Авторы написали ее после двадцать четвертого февраля, а первые стихи даже на следующий день. К небольшой кафедре, справа от стола, за которым сидели сами поэты в искусственном свете проектора, подошел пожилой профессор, на правах критика и друга. Сразу оговорился, что он-то не поэт, а рифмоплет — виршиплет по-польски. Сбился на официоз, глянув в глаза аудитории, потом вдруг выпалил — в детстве гусь по двору идет — шваб, шваб, шваб, а мы — украинец. Теперь все изменилось. Помогаем, держимся. Ведь все мы мазуры, в общем. Одна кровь. Куда бы ни поехали. Выдержав паузу, начал развора-

чивать свернутый вчетверо лист, но редактор, взявшая на себя роль ведущей, не дала ему прочитать собственное стихотворение. Деда захлопали. Кажется, он остался недоволен, но уже не мог понять, почему именно. Следом к кафедре вышел высоченный и худой представитель городского главы, говорил просто и ясно, обращая боковым зрением к авторам, благодарил университет за то, что нашли средства издать замечательную книгу. Под конец наизусть прочел четверостишие из «Кобзаря» по-русски. Поэтесса, автор украинских стихов вскочила и прочла то же самое на украинском, пока высокий усаживался на место. Снова заплодировали. Высокому, поэтессе и Шевченко.

В ноябре 2015 года бывший профессор МГУ Виктор Х*** привел меня в рюмочную «Пшедвоенна» во Вроцлаве. Мы шли с творческой встречи украинского автора Сергия Жадана в помещении центрального архива. Холодном и монументальном. А «Пшедвоенна» в четыре часа вечера была переполнена, деревянные шаткие стулья, квакающих джаз, напитки а-ля все по пять золотых и закуска — гжик — сыр липнет на вилках. Мы сидели у огромного холодного окна во всю стену — с боковым видом на костел... И пили пиво. Вся обстановка кафе стилизована под польские тридцатые. Такими я их теперь себе представляю. Даже мебель аутентичная, скорее всего. Газетные вырезки поверх газет на стенах, полумрак настольных ламп заставляет громких гостей придвинуться ближе, как к костру и орать друг другу.

Выпив, мы ушли в тихий костел Святой Катаржины напротив. В сумрак и запах старого дерева и библий. Я ходил вдоль стен и остановился у таблички «Памяти поляков Волини, убитых украинскими националистами».

Грохнула дверь библиотеки, какой-то студент не вовремя решил проверить, что происходит. На него шикнули.

Зазвонил Whatsup. Звонком матери. Я вышел в длинный коридор.

— Привет, мам. Как дела?

— Гришу убили.

Глухой голос без эмоций.

— Мам, что ты говоришь? Что случилось?

Подумал, что мошенники могут разводиться на деньги, разные варианты есть, но зачем говорить, что убили! Бред.

— Юрик, ты в Польше?

— Мам, я, конечно, в Польше, да. Не понимаю, что, кто тебе звонил? Кто тебе такое говорит?

— Сын, надо забрать его.

— Что ты такое говоришь, мам?

— погоди, давай я ему сам позвоню. Он в Москве сейчас?

— Юр, он на Украине был. Забери его.

— Мам, на какой Украине? Ты что говоришь?

— Его мобилизовали из России, ты не знаешь, что ли?

— Нет, не писал ничего, мы же вот только общались.

Я врал, и врал уже не первый раз. Врал каждый раз, когда она спрашивала, общаемся ли с братом.

— Юр, я тебе сейчас напишу адрес и данные, найди, пожалуйста.

— Мам, я сейчас с ним спишусь и тебе перезвоню, хорошо? Успокойся. Переключись.

Мать повесила трубку.

Я вытащил из архива чат с Григорием, написал «Привет, брат, как дела?» Потом попробовал позвонить. Телефон отключен. Написал Лиле почти то же самое. «Привет, что с братом?» Попробовал позвонить, но не успел. Телефон беззвучно заерзал.

— Мам, он пока не отвечает, я дозваниваюсь, что Лилия говорит?

— Ей сообщили какие-то мобики, кто вместе с ним там был.

— Где, мам? Это шантаж, мошенники. Что они точно сказали?

— Думают, что Гришу убили. При отступлении.

- Думают. Вот видишь.
- Он не отвечает никому.
- Мам, у военных вроде нет телефонов.
- Надо его привезти в Алматы или в Москву. Как Лиля решит.
- Перестань, мам, ну, надо его найти, конечно, живым и здоровым. Он сам к тебе приедет.
- Найди, сын, пожалуйста.
- С кем связываться, мне нужны контакты, где он там и с кем, пришли, Лилия не отвечает.
- Я пришлю тебе телефон Татьяны, помнишь, няня Максима, которая во Львов вернулась. Напишу сейчас.
- И не надо думать плохое сразу, мам. Найдем его. Найду.

На следующий день я уехал поездом в Белосток. Купейные вагоны в Польше бессмысленны, как мантоварка. Пассажиры там вынуждены жаться друг к другу по трое на диване. Личное пространство очерчено только наушниками. Предпочитаю сидячие вагоны. Столика не досталось, да и работать все равно невозможно. Планировать было толком нечего, план стал понятен еще вечером, после переписки с Татьяной. Добраться до Белостока, оттуда на границу львовской области, там до Харькова, где, возможно, лагерь для свежих пленных. Почему-то Татьяна не сомневалась, что ее телеграм каналы не врут — взяли в плен много мобилизованных россиян.

За окнами неслись поля в вечерней жалобе, и маячил закат. В детстве нас братом отправляли поездом в чувашскую деревню почти каждое лето, и впечатление было совсем другим, но не из-за детства. По какой-то причине здесь, в Польше, не приняты посадки — ряды деревьев вдоль железной дороги, укрывающие пути от снежных заносов, как тогда объяснял отец нам, прилипшим к мутному окну в коридоре. Помню это темное впечатление дремучей чащи, как будто дорога прорублена сквозь лес каким-то гигантским устройством, как в кино Михалкова.

Я нашупал шуруп в боковом кармане джинсов. Все время проверяю карманы, такая привычка. Прямоугольник паспорта во внутреннем кармане куртки, бумажник в заднем.

Откуда у нее эта обреченность? Ведь нельзя до конца быть уверенными. Воюют прямо сейчас, все всё скрывают, это же объяснимо. Пленных, убитых, раненых. Все это стратегически важная информация.

Шуруп этот тупой я смахнул со шкафа, доставая чемодан с верхней полки. Пальцем все время почему-то хотелось найти острый кончик и слегка надавить до опасности. Но не колоться, просто надавить.

Мне одиннадцать, а Гришке шесть. В Алма-Ате раньше выпадал настолько крепкий снег, что можно было строить и заливать горку прямо у забора, на улице. Несколько последних лет — слякотные, город растет.

Перед самым новым годом отец залил горку, и мы, еле дождавшись, когда лед застынет, бросились кататься, не смотря на темень. Мальчишки, старший и младший, вечно дерущиеся и мирящиеся. Один столкнул другого с горки, чтобы ехать первым, катались просто на жопах. Пальто сзади покрывалось наледью. Я оказался на вершине горки, сел и поехал. Внизу уже встречал Гришка, стоял там с поднятой над головой доской, которой отец утрамбовывал бока горки. В момент проезда доска точно опустилась на лицо. У брата тогда уже был хороший глазомер, позже он увлечется охотой, будут рябчики и зайцы. Шуруп, конечно, оказался на той стороне доски случайно. Он вошел мне чуть ниже века, на сантиметр. Доску братец не удержал, она отлетела, и никто ничего не понимал. Гришка тоже. Правым глазом я не видел. Левый разглядел забрызганную кровью горку. Отец схватил нас обоих за руки и потащил домой. Гришка предусмотрительно заревел. Мама орала на всех одновременно, в том числе, почему-то и на меня, истекавшего кровью. Но влетело брату. А я хорошо спал. Утром схо-

дил к горке, присыпанной ночным снегом, нашел доску и занес во двор. Там вывинтил отверткой шуруп, хотя сначала пытался выбить молотком.

Выбросил его на верстак, там много чего валялось. Целый день я почему-то чувствовал себя виноватым перед Гришкой. Перед его покрасневшей и разбухшей от рыданий нижней губой. Он ее часто выпячивал в детстве, потом это как-то прошло.

На большой станции Эльк, когда уже стемнело и в окна можно было разглядеть только собственную физиономию, большинство пассажиров вышли. Я пересел в соседний вагон, почти пустой. Там, в предыдущем, всю дорогу напротив меня, нас разделял столик, сидел мужик в сером свитере, его рюкзак был огромен, и умещался в кресле рядом. Мужик ковырялся в ноутбуке совершенно мирно. Но запах — знаете же, как воняют военные? Смесь одеколона и кирзы. Мне это сразу было ясно. Что если это прошедший обучение на какой-нибудь базе боец ВСУ возвращается к себе? Сидел, и представлял себе, чем он там занят. Мышкой наводит дрон на люк бронетранспортера, например. Чтобы сбросить гранату кликом. Такая сейчас война. Гибридная. Электронная. Эмоции все равно на лице. Я еще подумал, что и с Белостока нам делить этот запах в автобусе.

Я поднялся, забрал пальто, сумку и ноутбук и перешел в соседний вагон, нажимая кнопки автоматических дверей переходов, как в космосе. Уходя, украдкой глянул на экран его ноутбука. Калейдоскоп семейных фотографий в каком-то редакторе. Я улыбнулся, отвернувшись.

В том вагоне, где я оказался, усевшись на пустовавшее место за столиком, атмосфера была совершенно другая. Через проход, тоже за столиком расположилась целая семья. Говорили по-русски. Отец сидел рядом с сыном лет двадцати, а напротив — бабушка и мать, мне был виден только бабушкин рукав. Но общались они не между собой. Через кресло от меня сидела какая-то девушка, речь шла о Флориде.

— Ну не наемся я жареными бананами. А что там еще? Пальмы и ветер, мне предложили работать официанткой, а я не готова была и в Канаду уехала, к другу. Там дают еще подъемные, но только я документы не оформляла, а так — можно легко получить. А в Варшаве вы где живете?

Бабушка ответила:

— Мы в Мокотове квартиру получили, это почти центр города.

— Надо же, да, почти самый центр! Какие вы молодцы.

Тут поезд остановился между станциями, и сын посмотрел на наручные часы. Поднес их прямо к глазам.

— Помню, ехали мы через Джанкой, там арбузик берешь и в купе. Вот сейчас бы арбуз сюда.

— Да, арбузик! — Она засмеялась. Беззаботность в голосе девушки заражала. — Вся эта Флорида красивая, но вот я попутешествовала и поняла, что Крым лучше всего. Скоро там буду, родители зовут.

От нечего делать я то и дело проверял машинально whatsap, и тут увидел сообщение от мамы, оно пришло уже минут десять назад, как это я не заметил. «Юрик, езжай в Белгород, там найди *****, Лёху, он тебе расскажет. Они вместе были». В голове завертелись возможности. Так, Львов отпадает. Можно до границы с Белоруссией, а оттуда на такси в Минск и потом как-нибудь Белгород.

Я стал набирать сообщение Татьяне, чтобы не беспокоить ее в Львове, поблагодарил. Ответ писался довольно долго. Сидишь так вот и понимаешь, что точки прирастают по одной — это человек на той стороне пытается сформулировать мысли. Решает, что тебе пожелать. В конце концов мне пожелали удачи в поисках. Чтоб живым нашелся.

Я снова поблагодарил.

Соседний столик о чем-то говорил во весь голос, громко, в вагоне никого не было больше. Обычно на русском здесь говорят вполголоса. Идешь так вдоль рядов в супер-

маркете и замечаешь, как жена с мужем почти шепотом масло выбирают. Да и местные сами тихо стараются говорить, хотя и не все.

Тут девушка встала со своего кресла, и оказалась неожиданно невысокого роста, в сером пальто до колен. Она посмотрела на меня так, будто чувствовала соседа за спиной. Can you please help me with... замялась, забыла, как будет чемодан. Посмотрела на полку для вещей над нами. Он как раз лежал там. Luggage.

— Да, конечно, нет проблем, я выдернул руку из кармана, и мы услышали, как шуруп покатился под кресла.

— У вас монетка выпала, — сказала девушка по-русски в ответ.

— Это не монета, так, ерунда.

Семья наблюдала за тем, как я достал чемодан и поставил его на пол.

Мы попрощались, но потом ехали до границы в одном автобусе, чемоданами там занимался водитель. Грузил при свете фонарика все вещи в багажное отделение. Я слышал, как она снова кому-то рассказывает про Крым, только уже не смеется. В автобусе царил атмосфера вечерней усталости.

Я помнил минский аэропорт вечно пустым, но точно не до такой степени, как в ту ночь.

Поднялся на второй этаж, к ряду аккуратных фанерных гостиничных домиков. Там было темно по всему этажу, только у регистратуры вип-отделения горел свет, и склонившись, сидела женщина.

— Я хотел бы домик снять до утра, можно картой заплатить?

Она выглядела бодрой, видимо только заступила. Я отчаянно пытался сделать вид, что мне, в общем-то, все равно, но, боюсь, усталость легко можно было разглядеть.

— Мы сейчас карты иностранные не можем принимать. Такое распоряжение.

— А где банкоматы?

— Вы куда летите, молодой человек?

— Мне надо до Белгорода добраться, в Воронеж лечу завтра, зачем-то я ударился в эти подробности.

— Вот вам ключик, завтра вернете. Только не пейте там, ладно?

— Спасибо вам огромное, я даже есть не буду. Использую домик исключительно по назначению.

— Вот и хорошо, спокойной ночи.

— Спасибо, вы ангел.

— Да что вы, конечно, я ангел.

После такого засыпаешь моментально.

Мы подъехали к какой-то районной больнице, утопавшей в зелени. За забором из металлических прутьев видно было людей в военной форме и людей в халатах. На проходной меня остановили.

— Вы к кому?

Я был готов ответить на этот вопрос. Полез в телефон, назвал фамилию Лёхи и имя, только полностью. В журнале что-то сверили, и я оказался в коридоре, в поисках палаты номер двенадцать. Пройдя третью, пятую, почти до конца коридора, я решил, что это вверх по лестнице. Дверь в какую-то большую комнату была открыта. Там, на кровати корчился лысый парень, рядом стояли двое мужчин в белых халатах. Я невольно остановился. Человека били судороги, я такого никогда не видел. Один из мужчин обернулся, похожий на актера, оценил обстановку и сказал довольно громко, глядя мне в глаза: «Пошел на хер отсюда». Услышав это, парень в судорогах отреагировал — взвыл.

Двенадцатая палата оказалась на первом этаже. Оказываеться, там было еще одно крыло. Мне сообщили равнодушно, что Лёха во дворе сейчас. Выйти оказалось проще, у выхода во внутренний двор-парчок никто не дежурил. Там было солнечно.

— Приветствую, Лёха это вы?

На скамейке под побеленным деревом сидел парень и рубился в игру на телефоне.

— Ну, да, я, что тебе, братан?

Под развязанным халатом виднелись джинсы и серая оттянутая на горле футболка.

— Вы писали моим по поводу Григория, Гриши. Это мой брат.

— Есть сигареты, братан?

— Не, я не курю.

— А нахуй тогда пришел?

— Ладно, могу купить.

— Да нихуя тут не купишь за деньги.

— Я достану. Вы воевали с Гришей?

Лёха передвинул левую ногу двумя руками поудобнее, а правую — вытянул размять.

— С Гришей? С бэтменом? Он улетел. Но обещал, бля, вернуться.

— Вы написали, что он здесь.

Лёха огляделся. Во дворе школы было еще несколько скамеек, на которых сидели в точно таких же халатах парни. Ничего подозрительного.

Потом посмотрел на меня внимательно.

— Я писал? Не мог я писать, понял? Понял? У меня даже телефона нет. Сам решай свои проблемы.

Я сел на стул в коридоре на что-то острое, сразу подвинулся. Пощупал джинсы на заднице, не порвались ли. Закрыв глаза. У меня порой бывает страшная интуиция. Стало вдруг ясно и спокойно. Я прислушался к этому спокойствию.

Набрал маме на whatsapp. «Он жив». Там был уже поздний вечер, она в такое время спит. Но появилась вторая галочка. Сообщение прочитано.

БАСЯ

НЕБОЛЬШОЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Эта повесть о детстве, но уже не моем, хотя место действия, так уж получилось, связано и с моими детскими воспоминаниями. В деревню Чувашская решетка нас с Гришкой отвозили на лето родители, все там с тех пор поменялось. Поменялись и мы сами. Мне повезло — работаю удаленно, и, после долгих внутрисемейных разговоров я был выбран для того, чтобы присматривать за нашими детьми в это лето. Мы решили, что неплохо бы им, наконец, познакомиться. Деревня показалась подходящим местом. Правда, сначала мы не могли найти дом, чтобы снять, а когда нашли, удивившись, сколько еще в мире городских телефонов, то еще искали хозяина, чтобы заплатить за месяц вперед. Вернее, за месяц всего. Деньги брат Владимир отказался, и мы сошлись на том, что билет на концерт Аллы Пугачевой в Москве — достойная компенсация всех расходов. А если выдержим месяц, то, может быть, и еще останемся там, и остальное уже решим деньгами. Вещи в чемоданах. Машина — только для экстренных случаев, вроде поездки за продуктами в соседний Барыш.

Июльским утром мы с Басей и ее двоюродным братом Кешей усаелись в Тойоту. Знойное Подмоскovie не вышло на улицу сказать «до свидания». Спят еще. А я гляжу в зеркало заднего вида и понимаю, что зря сказал вам о детях, на заднем сидении двое подростков, молчаливых и погруженных в собственные опасения. Все, что произошло дальше — основано на моих наблюдениях, предположениях и перемешано с воспоминаниями из собственного детства, а где-то и игрой воображения. Я же писатель, а не шалам-балям.

— Пап, долго нам еще ехать? — спросила Бася, подняв глаза от смартфона, не вынимая белого наушника. Серебристый наконечник выглядывал из-под растрепавшихся волос. В зеркале заднего вида отец заметил, само собой, что за секунду до вопроса Кеша незаметно толкнул ее в бок. Еще он заметил, что Кеша не зовет его никак. Просто обращается на «вы».

— Так, еще часа два едем, потом остановка в Барыше на обед, — отец говорил в зеркало, представляя, наверное, что там микрофон.

— А знаете что? Раз мы целый месяц будем с вами одной компанией, давайте не устраивать иерархии. Зовите меня Юрай. На «ты». Юрай Добрила, например.

Бася засмеялась, сказав: «классно».

Кеша переспросил:

— Как? Юрай? Что за Юрай еще?

— Неважно, был такой хороший человек, я тоже постараюсь быть хорошим. Давайте все стараться. Если хотите ник-неймы, намекните, как нам вас звать.

— Да меня как-то все устраивает, — сказал Кеша.

Немного подумав, Бася ответила: «меня зовите Бася».

— Договорились!

Аккуратные поля подсолнечника за окном разглядывали солнце желтыми медузами цветов, на шоссе почти никого.

Юрай глянул на экран телефона — навигатора. Делал это периодически. Остановка через час и сорок семь минут.

В Барыше Бася и Кеша ели хот-доги и печенье. Хотя он не считал это нормальной едой, возражать не стал. Все-таки в деревне такого не найдешь. Придется ездить, если что, сюда, на заправку. Единственное место в городке — Роснефть. Сам он взял кофе и, подумав, тоже хот-дог. Неизвестно, все-таки, сколько времени понадобится на обустройство, прежде чем из багажника можно будет достать пирог и остальные

припасы. Барыш почти уже сросся с несколькими окружающими его деревнями, жители которых ходили или ездили сюда на работу каждое утро. Здесь только и оставалась еще работа. Из самого Барыша много кто уехал в большие города. Сейчас некоторые возвращались, но чем заниматься, пока было неясно. Сотрудницы Роснефти выглядели сияющими монетками — работа мечты в районном центре.

Он не первый раз приезжал сюда на машине, дороги на удивление хорошие, серпантином среди зелени. Пустые, и без горизонта. Плоское море полей и деревья — край леса, клином выступающий то тут, то там. Ничего из этого не поменялось, да и потом не поменяется.

— Вот, блин, — сказал Кеша, пошарив в рюкзаке, куда только что сунул купленные на заправке батончики.

— Что там? — Юрай выруливал с парковки, пережидая, когда медленная фура, чуть ли не единственная встреченная за последний час, проползет, набирая скорость.

— Я, кажется, билет забыл, дядь Юр, он там, у меня в комнате, на столе, — сказал Кеша, — я же еще хотел книгу взять и сунул туда конверт!

— Что за книга? — спросила Бася.

— А какая разница?

— Хочется узнать, кто виноват, все-таки, — засмеялся Юрай.

— Ладно, простите меня, — Кеша выдохнул.

— Капец, — сказала Бася, — и что делать теперь?

— Давайте сначала доберемся до места, — Юрая захватило детское ощущение приключений, он вырулил за фурой, а потом сразу же обогнал ее, весело просигналив два раза.

Дорога от Барыша до Чувашской решетки оказалась похуже. Они встретили даже телегу, запряженную кобылой, с единственным седоком, стариком в черном худи с капюшоном. Дерзкий какой дед, сказала Бася.

— Дай-ка мне свой телефон, у меня сел, — он услышал, как Кеша обратился к дочери, совсем как в детстве, когда

они играли в алматинской квартире. Его тихоня-дочь и ураган-братец. Во что ей только не пришлось играть. Сейчас двоюродный брат вел себя, как будто не было пяти лет расстояния и расставания между ними. Машина аккуратно перебиралась через поперечную канаву. По-видимому, это был ручей, его веками пытались присыпать, а он все побеждал и побеждал.

— С какой стати, — ответила Бася, — могу пауэрбанк одолжить.

— Пауэрбанк, — Кеша попробовал спародировать американское произношение, — у нас переходники разные, — «Бася», так только кошек зовут в инстаграме. Что еще за «Бася»?

— Хелоу, Кэшша, — ответила Бася, — возьми-ка микрокредит наличкой. Сказала резко, и с надеждой глянула на отца через зеркало заднего вида. Тут только он понял, в какой трудной ситуации может оказаться, но промолчал. Потом заметил: — Я — Добрила, я — за добро!

Дома стояли в один ряд, выстроившись вдоль железной дороги. В деревне были, конечно, и другие улицы, и даже церковь, и школа. Чувашская решетка — не маленькая, жителей, правда, осталось совсем немного, как сказал Владимир. Несмотря на опасения, хозяйство оказалось довольно ухоженным. Юрай не мог вспомнить, кто здесь жил, когда они с Гришкой ходили по этой улице в детстве. Точно не родственники. Он не стал указывать на темный двор деда, когда проезжали мимо. Не хотелось начинать с ностальгии. Пусть своих впечатлений набираются. Остальное — позже.

Дом, в который они заносили вещи, не выделялся разнообразием архитектурных решений. Высокое крыльцо с перилами — скамейками, калиточка, ее можно легко перепрыгнуть, слева от крыльца — массивные деревянные ворота во двор. Вообще, все вокруг из дерева. Но сам сруб оштукатурен и обычно бывает побелен, но в этом доме — светлые обои. Сразу за дверью — сени. Направо вход в жилые помещения, а если пройти дальше, лестница в три сту-

пени приведет вниз, на кухню, и широкая дверь — на задний двор. Все это предстояло еще обойти. В огороде обещали баню с водокачкой. Деревянный настил во дворе, куда въехала машина — чистый, а значит никаких кур и коров. Каждому досталось по комнате. Он выглянул в окно в сторону железной дороги. Заросший палисадник. Видимо, хозяева приезжали прибраться только ради их приезда. Он заметил листок на булавке, рядом с дверью, там, где у деда с бабушкой висел календарь. Листок был распечатан на принтере. Агротуристская фирма «Машенька». Видимо, когда-то хозяева вели бизнес.

После того, как разложили вещи, стало совсем тихо. Тикали только часы на стене, и когда он сел на застеленную зеленым покрывалом кровать, скрипнули пружины. И вдруг тишину разорвал гудок поезда, сразу за ним шум проносившегося на скорости состава, телевизор на шатком столике затрясся мелко, будто испугался. Юрай сидел и улыбался — как он отвык от этого всего, совсем забыл.

Ощущение детской чистоты и покоя. Он посмотрел на застеленный скатертью стол и представил, как здесь будет здорово работать. По привычке проверил, далеко ли до розетки. Должен быть и интернет. Так написал хозяин. Мобильный интернет добывает из Барыша.

Других вариантов никаких нет.

Двери в покои Баси и Кеши вели через его комнату — номинально она была залом, но это и хорошо — в пути он думал о том, как же всем поселиться, чтобы было удобно еще и работать.

Кеша выскочил из комнаты:

— Дядь Юр, ой, Юрай, билета точно нет, я все проверил!

— А книга какая? Надо же будет объяснять кому-нибудь, как его найти.

— Да у него там одна книга на всю комнату! — следом в зале появилась Бася.

Юрай хотел засмеяться, но передумал.

— Смотрите, там кто-то пришел к нам! — сказал Кеша.

Юрай глянул в окно, оставшись сидеть на кровати. Очень удобно.

Видно было, что за палисадником стоит у забора какая-то девчонка в джинсах и темной футболке. Волосы в черном платке, в руках прямоугольный предмет — тетрапакет.

— Идемте на крыльцо, здесь так принято. Юрай открыл дверь и все вместе они вышли на крыльцо, не обуваясь.

— Здравствуйте, — сказала девочка, то ли слегка половатый подросток, то ли уже маленькая восточная женщина с черными глазами на крупном лице, — Салам алейкум!

— Уалейкум ассалам, — ответил он, — как вас зовут?

— Я Манана. У нас магазин здесь, если что надо, приходите! Я вам молоко принесла. Вы из Алма-Аты приехали?

— Ну, это долгая история, — сказал он, — да вы заходите на крыльцо, и спасибо большое за молоко! Меня зовут Юрай.

Бася усмехнулась, весело глянула на отца. Меня зовут Бася, — сказала она, принимая тетрапакет из рук девочки, — классная футболка. У меня тоже такая была... и добавила тактично, жалко, что уже ее нет.

— Меня зовут Кеша, приятно познакомиться, — я не из Алматы. Он заметил, как повзрослел голос племянника. В детстве был капризный и визгливый. Теперь в нем просвечивали ноты мужской уверенности.

— Бася, ты же не мусульманка, да?

— Ладно, вы тут пообщайтесь, а мне надо вещи разобрать на кухне, — сказал Юрай, — Манана, оставайтесь на ужин с нами. У нас пирог. Вы же недалеко живете?

— Нет, я с соседней улицы. Я могу все показать, кстати!

— Спасибо, я не первый раз здесь, но, если покажете Ба-се и Кеше, буду вам благодарен.

Он действительно пошел на кухню. А потом в огород, через задний двор. Посмотреть на баню. Хотелось в баню.

С деревянным запахом распаренного сруба и ландышевого шампуня. Рядом с баней колодец с мутноватой водой, пахущей чешуей языческих богов и малиновыми листьями.

Все, кроме ландышевого шампуня, надо в кладовке у деда глянуть, подумал Юрай.

2

Был третий вечер в деревне, критический момент. Когда даже ему самому показалось, что они точно не выдержат здесь месяц. В деревне ничего не происходит веками. Особенно в Чувашской решетке. Последнее запомнившееся событие — как гнали в девятнадцатом веке каторжников в Сибирь, отсюда и название — решетка. Недалеко есть и Заводская решетка — следующая остановка в пути, и так до самой Сибири. То, что мир за пределами деревни все так же живет, обозначают уверенной линией проносящиеся поезда. Если подойти ближе к насыпи, можно читать направления. Он помнил другие надписи — Ташкент-Ленинград, и поезда на Москву. Можно было высчитать, в какое время какой пассажирский поезд проедет. Только товарняки двигались по собственному расписанию. Ни те, ни другие в деревне не останавливались. Железная дорога создавала фон, когда он пытался работать за столом. Даже музыки не надо. Но пока не шло. За весь день одна хорошая новость — из Москвы сообщение: билет передадут поездом с Викой, знакомой. Надо будет ехать в Барыш, на станцию. Обратный путь из деревни в Алматы когда-то начинался оттуда. Кто-нибудь из родственников, проезжая мимо, забирал их с братом и еще несколько банок с консервированными грибами. Стоянка поезда три минуты.

Ребята закрылись каждый в своей комнате, скоро надо было звать их ужинать. Ложились здесь рано. Перед сном сидели на крыльце. Изредка мимо проходили соседские старушки. Здоровались, но редко заговаривали. Как будто знали все и так.

— Юрай, можно я завтра в сторону Барыша схожу?

Кеша вышел из своей комнаты, держа в руках телефон, как будто решил что-то показать.

— Почему только в сторону, в Барыш не хочешь? Сходим.

— Я с пацаном в контакте познакомился из Барыша. Заобщаемся. Давайте я его приведу к нам, если захочет.

Он взвесил риски. Но никаких особенных рисков в голову не приходило.

— Да, давай. Приходите. К обеду?

— Ой, да, я его обедать позову.

На обед вареная картошка с курицей и салат.

Все уже было готово, а Кеша еще не появился. Юрай написал сообщение. Скоро будем.

— Так, значит, гостей ждем, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бася время от времени выглядывала в окно. Одевалась она всегда продуманно. Приди гости в любой момент, переодеваться не побежит.

— Кто-то пришел! — она пошла открывать, — это Манана.

— Зови ее тоже за стол, — сказал он внезапно.

— Ну, конечно, позову.

Девочки вернулись вместе. Манана оглядывалась в зале.

— Какой у вас компьютер современный, — сказала она Юраю, поздоровавшись.

От Мананы можно было бы ожидать акцента в голосе, но никакого акцента не было, говорила она точь-в-точь, как местные деревенские девчонки в детстве. Слегка тянула речь и могла запросто закончить фразу словечком «чайть».

Они услышали шаги на крыльце, потом скрип двери, и в комнату вошли, смеясь, Кеша и светловолосый парень, примерно его возраста, только худой и длиннорукий. Такое

впечатление складывалось из-за того, что одет он был в джинсы и джинсовую рубашку с длинным рукавом, какие обычно закатывают по локоть. Ее можно было даже назвать винтажной.

Сразу представился — Дима.

Перезнакомились по пути на кухню, проходя сени. Наверное, для такого случая можно было бы обед перенести в зал, но как-то никто не подумал об этом, и сели тесно, но дружно.

Передавали тарелки с парящей картошкой, Юрай радовался, что настроение у ребят уже совсем не вчерашнее. Дима рассказывал про Барыш. Потом они с Кешей переглянулись и он, с молчаливого согласия, рассказал, что встретились на нейтральной территории между Барышом и Чувашской решеткой. Потому что барышские пацаны — отдельная история. Мирные, но есть свои ритуалы. А на нейтральной территории можно с кем хочешь встречаться.

Манана добавила: можно со мной в Барыш пойти, я всех знаю. Там и молодежи-то не много. Не тронут нас.

— А кто в курсе, что недалеко отсюда есть красное озеро? — Юраю пришла в голову идея.

Оказалось, что ни Манана, ни Дима ничего толком не знают, но Манана что-то там слышала.

— Что за красное озеро, Юрай? — спросила Бася, глянув на него так, что он даже растерялся. Но вспомнил о правилах тут же.

— В Поливаново есть озеро с красной водой в лесу, идти недалеко. Мы купались там в детстве.

— Так вы тут в детстве бывали? — спросил Дима. Разговорчивый, открытый парень, не по возрасту серьезный. Хорошая компания, подумал Юрай.

— Да, несколько раз приезжал. На деревню к дедушке. Ничего не поменялось. Надеюсь, и вода в озере еще красная. Давайте съездим на днях? На машине до Поливаново. Потом пешком, через лес. Кто за?

— Может, не стоит в лес? — Манана произнесла это как-то осторожно.

Юрай подумал, что, наверное, это влияние родителей.

— Там сосны, лес просматривается на километр. Он светлый, как холл в гостинице. Не заблудимся.

— Я спрошу у родителей. А когда едем?

«Значит, так оно и есть», — заключил Юрай.

Правило было простым — ничего никуда не откладывать. Всего месяц. Ехать решили завтра же. Но утром пошел дождь, и пришлось отменить, вернее, перенести озеро на один день.

К обеду еще моросило, ни Бася, ни Кеша не захотели выходить из дома. По комнатам не сидели. Играли в карты в зале при свете лампочки. Юрай нашел в кладовке резиновые сапоги подходящего размера и решил, что ничего плохого не случится, если он их немного позаимствует. Гулять с зонтиком по деревне глупо, и он просто облачился в куртку, накинув капюшон. Сапоги оченьгодились. Главная деревенская обувь в такую погоду! Единственное, что позволяло передвигаться по размокшему бездорожью. Но он быстро миновал колодец, шоркая по траве, пересек коричневую грязь дороги, и дальше уже шел рядом с тропинкой, превратившейся в грязную колею. Начались старые плодовые деревья, скрюченные, просевшие, он вспомнил фразу «деревья умирают стоя», но содержания отыскать в памяти не мог, отвлекаясь все время на то, что эти деревья уже умерли, но существуют. В пустыне они давно бы уже сохлись. Впрочем, в пустыне и не бывает яблонь и черешен.

Он вышел к берегу речки, туда, где был брод для стада. В таких сапогах не перейдешь. Капли били по поверхности воды, наполняя следы копыт, которыми был исколот песок на обоих берегах. Вдруг Юрай услышал звонкий лай, потом топот, и с того берега в воду ворвалась сначала одна копна брызг, а почти сразу за ней другая.

Крупные собаки стали резвиться, кусать друг друга, но видно было, что эти собаки — друзья. Лайка наверняка ра-

довалась погоде, а вторая собака радовалась за компанию. Когда они выскочили на противоположный берег и начали по-собачьи отряхиваться Юрай предусмотрительно отошел подальше.

На том берегу показался хозяин собак, в сапогах — штанах, какие носят рыбаки, легко перешел вброд. В зеленой куртке без капюшона. Седые волосы липли ко лбу, и, что поразительно, он держал в зубах зажженную сигарету. Капли не сбивали огонь. Такое умеют только те, кто курит давно.

— Здравствуйте, — Юрай подал руку.

— Добрый день, — незнакомец поздоровался, — спокойно, Чанг, Ханг, бесы!

— Вот вы меня и с собаками познакомили.

— Они умные, не тронут, — сказал незнакомец. Я — Юрий.

— Я ваш тезка, — сказал Юрай.

— Это какая деревня?

— Чувашская решетка.

— Ясно, ясно, у вас церковь новая.

— Да, лет пять назад открыли.

— Открыли...

— Что-то я вас здесь не видел раньше, приезжий? — новый знакомый резко хлопнул ладонью по мокрым штанам и собаки, собравшиеся было украдкой снова залезть в воду, присмирели, высунув языки.

— Что-то я вас тоже раньше здесь не видел, — засмеялся Юрай.

— Да, хороший ответ. Я живу в Степановке, знаете?

— Далековато вам еще гулять.

— Ничего, собаки любят такие прогулки. Даже в дождь.

Юрай заметил, что псы переглядываются, ждут, когда же хозяин наговорится. На него они внимания не обращали.

— Им здесь хорошо.

— Здесь всем хорошо. Деревня. Новый знакомый достал из кармана целлофановый пакет, там уже виднелись

несколько окурков. Он бросил туда еще один. Юрай не заметил, когда погасла сигарета, но дыма не было. Значит, все-таки дождь.

— Ну, всего доброго, — сказал Юрий и свернул вдоль речки. Собаки сорвались с места и тут же скрылись в кустах, слышен был только лай.

— До свидания, — сказал Юрай вслед компании.

3

Следующее утро было таким, будто предыдущего дня и не существовало. Даже трава просохла под ярким солнцем. В открытый багажник машины медитативно влетел шмель, сделал круг по салону и спокойно воспользовался водительским окном, чтобы отправиться дальше. Они сложили две сумки, дождались Манану, которая пришла налегке, заявив, что купаться она не будет, и выехали по направлению к Барышу. Из окна автомобиля мир кажется другим, появляется куча возможностей остановиться на пару минут где-угодно, правда никто их не использует.

Проехали Барыш и на дальнем переезде забрали Диму с рюкзачком. Бася сидела на переднем, остальные уместились сзади, смеялись каким-то дорожным шуткам, о которых потом не вспомнить. До Поливаново оказалось езды полчаса. Юрай смотрел карту, знал, что до самого красного озера, и даже вдоль его берега теперь проложили трассу, это слегка разочаровало, но он решил воспользоваться лесной тропой через. О трассе, конечно, никому ничего не сказал. Машину оставили на окраине деревни, и дальше уже шли пешком километра три, сначала по широкой просеке, а потом тропинка повела среди высоких сосен. Торжественный светлый и веселый лес — солнце играет в верхушках, и когда идешь, слышно, как где-то над головой трещат и обламываются ветки, но ничего не падает. Под ногами тоже своя жизнь. Трухлявые сине-фиолетовые грибы, ядовитые, наполненные спорами, и если пнуть, облачко спор выстреливает синим,

а если попадается грибница — то уже целая туча, не выше колена, как бесшумный выстрел мушкета. Все увлеклись поиском синюшек. Пинали уже наперегонки. Потом захотелось петь и спели, не хором, каждый свое. Оказалось, что у Мананы хороший голос. Она старалась. Сосновый лес создает интересную акустику. Не глушит звуки. Как концертный зал. Только не все слушатели рады новым чужим голосам.

Попадались и обычные грибы, но собирать их не стали, никто не умел отличать ядовитые от съедобных. Вроде, этот похож на подберезовик, но берез нет, а этот — белый, но вот растут ли белые грибы в соснах?

— Ну, вот это уж точно съедобно! — Дима сорвал с низкого куста дикую малину. Скоро ее стало попадаться все больше, и еще земляника кое-где.

Набрели на небольшое болото, и рядом старое кладбище с проржавевшими металлическими памятниками без надписей. Только ржавые звезды сверху. Но две могилы ухоженные.

— Болото означает, что озеро близко! — заключил Кеша.

— Я уже вижу, кажется, — сказала Бася, — вон там.

— На озере еще водокачка должна быть, или была, — Юрай дороги не помнил, но тропинка больше никуда вести не могла.

— Значит, и купаться можно, если воду берут питьевую, или наоборот — нельзя! — Дима нес синий рюкзак на спине. Юрай и Кеша по сумке. Девчонки шли налегке.

Озеро открылось неожиданно. Все такая же вода цвета компота. Большое. Деревья подступали к самой воде, только трасса шла по высокой насыпи на том берегу.

— Так мы доехать могли! — Бася показала на дорогу.

— Ну, тогда без романтики, можно вообще на парковке багажник открыть и перекусить, — Юрай поставил сумку в траву.

— Вода красная, жуть, — Манана сидела на берегу. Боялась опустить руку в воду.

— Это из-за одноклеточных водорослей. Я купался несколько раз, видите, ничего вот. Только видеть стал в темноте, — Юрай прикидывал, куда бросить подстилку.

Сдержанно засмеялись.

— Давайте сразу перекусим, — Кеша начал разбирать вторую сумку.

— Обязательно, — я проголодался, кто еще? — Юрай разулся и приминал расстеленное одеяло, трава хрустела под ногами.

Достали бутерброды, вареные яйца, колу, просто резаный хлеб, огурцы и помидоры, все в центр стола, на пакет.

Купаться решили все, кроме Мананы, та сказала, что будет стеречь продукты.

— Хорошо, зайцев отгоняй! — Дима первым вбежал в воду.

Глубокое озеро. В паре метров от берега начинался обрыв. Дно илистое. Плавать умели все, мальчишки даже ныряли с головой. Юрай и Бася в стороне.

Нижняя ветка высоченной сосны склонилась над водой чуть дальше, там, где кусты подходили к самому берегу. Кеша полез на нее первый. Потом Дима. По очереди стали нырять. Бася не хотела мочить волосы, глядела на мальчишек и хохотала.

— Хорошая у вас компания, правда? — спросил Юрай.

— Да, классные чуваки, и Манана, — они наблюдали, как Манана добросовестно исполняет свой долг на берегу. Сидит на краю одеяла, поджав ноги, и осматривает лес. С комично серьезным лицом.

— Сейчас снова проголодаемся, вода холодная, — Юрай поплыл на спине. Он вспомнил, как они с Басей попали под волну на Самуи. Сколько ей тогда было? Два года. Накрыло у самого берега так, что потеряли панамку. А она смеялась. С тех пор воды не боится совершенно и плавает прекрасно.

Он гордился дочкой, такой рассудительной и задумчивой, а иногда беззаботно веселой.

Вышли на берег, сразу — в полотенца.

В будний день на озере никого. Только изредка проезжают легковые по трассе.

— Давайте зажуем еще чего-нибудь, я — за! — Кеша топтался по траве босиком, она кололась, да еще и сосновые иголки липли к ступням.

— Я тоже готов, тоже за! — Дима уже оделся.

— Дим, откуда у тебя такая «г», а? — Кеша сел рядом с Мананой, которая раскладывала оставшиеся — хлеб, отдельные колесики колбасы и несколько яиц.

— Я не в Барыше родился. Я из Сум. Там все так говорят, ничего особенного.

Юрай посмотрел в лес.

— Давайте есть, хорошо, что хлеба много взяли, — Кеша взялся разливать колу из большой бутылки по стаканчикам.

— Семья сама из Барыша, — Дима тоже на хлеб налегал, — у них и своя дочка есть. Саша.

— Сколько в школе у вас в Барыше учеников? — спросила его Бася.

— Не много, в моем классе шесть человек. Три девчонки, три пацана. В младших побольше. Барыш растет понемногу. Завод вон открывают лесоперерабатывающий.

— А я решеткинская, — сказала Манана, — учусь в Барыше, а началку у себя заканчивала, нас было пятеро в классе.

— Родители переехали в Решетку, папа осетин, мама вообще из Грузии. Давно уже переехали, — Манана сощурилась. Солнце повисло, казалось, над самым озером.

— И чем вы занимались здесь раньше, Юрай? — Бася сидела в тени дерева. Удобно. Нашла пенек.

— Запруды строили и рыбу в речке ловили бреднем, могли научить, — Юрай чистил кругляш колбасы в пакет, — в индейцев играли, шалаши строили. В лес ходили за грибами. Тогда можно было набрать любых и отдать бабкам, они разбирались. Потом солили.

Кинотеатр был в клубе, индийские фильмы. Продолжать?

— Ладно-ладно, из всего этого я лично согласен на рыбу, — сказал Кеша.

— Договорились! — сказал Юрай.

Закат сперва висел над ветлами и подсвечивал крыши товарняков золотом, как будто это ехали сундучки, а чуть позже, когда пассажирские составы проносились уже с освещенными окнами, он заглядывал в просветы между вагонами и исчезал за посадкой. После заката сразу становилось прохладней. Но, набросив куртки на плечи, еще можно было сидеть на крыльце. Они удивлялись, как местные ходят без фонариков. Окна горели далеко не в каждом доме, попадались закрытые или даже заколоченные.

Кто-то подошел к крыльцу бесшумно. Мужчина.

— Добрый вечер, Юрий дома?

Мужской голос. Лица было не разглядеть.

— Это я, добрый вечер, — ответил Юрай, — сейчас калитку открою, заходите.

— Не надо калитку, это отец Мананы. Почему вы ее в лес возили без спросу?

Кто вам разрешил?

Тон резкий.

Юрай пытался сообразить.

— Манана часто у нас бывает, мы с моими детьми ездили, простите, ради бога. Даже в голову не пришло.

— Одно дело в гости приходиться... — продолжил мужчина, не снижая тона.

— Хорошо, это моя вина, — Юрай тоже повысил тон.

Бася и Кеша сидели, подавленные ситуацией.

— Так больше не делайте. У нас свои традиции.

— Хорошо, я вас понял... Юрай ждал, что мужчина назовет имя, но он так и не представился. Просто исчез в тот момент, когда загудел следующий поезд.

— Да, надо было спросить, конечно, — сказал Юрай.

— Я думала, родители в курсе, куда она поедет. Бедная Манана, ей, наверное, досталось, — сказала Бася.

Кеша промолчал.

Следующее утро пришло, осторожно, но внятно посту- чавшись в дверь. Юрай подумал, что ему снится этот стук. Но когда из своей комнаты вышел Кеша, уже одетый, но с рас- трепанной головой, проснулся окончательно. У крыльца стояла Манана, улыбалась, — извините, у нас все рано вста- ют, я не подумала, что вы еще спите.

— Манана, как дела? Заходи, — сказал Кеша.

Юрай слушал этот диалог из сеней, одеваясь. Вышла Бася.

Кеша заглянул в зал:

— Там Манана пришла, у нее пирог, давайте на кухню, мы там будем.

— Поставь чай, — крикнул Юрай, — сейчас придем.

Посреди кухонного стола стояло круглое блюдо, покры- тое белым полотенцем, и на нем лежал тот самый пирог. За- пах невероятный — свежая выпечка и сыр. Во главе стола с видом именинницы сидела Манана, щеки ее горели.

— Привет, Манана, — что за вкуснятина? Ну, ты да- ешь, — сказала Бася.

— Привет, — поздоровался Юрай, — вчера твой папа приходил, ты в курсе, наверное.

— Да, я знаю, это от папы вам пирог, правда я сама го- товила.

Он просто очень за меня переживает, он такой!

— Как и любой нормальный папа, — сказал Юрай, — я его понимаю. Надо было мне сходить к твоим.

— Вы что, он бы не отпустил меня!

Бася помогла расставить тарелки, Кеша наливал всем чай. Достали колбасу и молоко.

— Откуда вы знаете, что чай лучше с молоком пить? — спросила Манана.

— Ну, это же казахская традиция, — сказала Бася, — что за пирог? Пахнет сыром. Я его сфотаю.

— Осетинский пирог, сыр и зелень, правда, мама гово- рит, что надо не петрушку, тогда вкус другой. Тьфу, забыла название травы.

— Жалко Димка не попробует, — сказала Бася.

— Ладно, я еще сделаю, это вообще не трудно, — ответила Манана.

— Если мы куда-нибудь соберемся, я схожу к отцу, у нас хорошая компания, — сказал Юрай. Пирог хрустел.

— Меня только в лес не пускают, а так... — начала Манана.

— А что с лесом? Туда за грибами ходят, зверей нет. Технически, это и лесом назвать нельзя.

— Точно, там же трасса, — добавил Кеша.

— Я должна вам рассказать. Только это тайна, хорошо? — пирог закончился, и Манана сложила полотенце аккуратно.

— У нас в магазине можно купить чачу. Нашу.

— Это все знают, Манана, извини, — сказал Юрай.

— Иногда ее покупает странный человек, мужчина, не из деревни. Родители говорят, что он живет в лесу.

— Так, — сказал Кеша.

— Так, — сказала Бася.

— В лесу живут беглые, — закончила Манана.

— Вот это новость, — Юрай задумчиво уставился в пустую тарелку.

— Давно он к вам заходит?

— Я не знаю, отец сказал в лес нельзя. Еще весной. Когда барышские звали.

— Полиции надо сообщить, это их ответственность.

— Вы что! Тогда родителям точно достанется! Вы обещали никому не говорить.

— Да, обещал.

Юрай посмотрел на Басю и Кешу и добавил:

— В деревне собаки — лучшие сторожа. Сразу лают.

Он почему-то вспомнил мужчину, которого встретил в дождь на речке.

Когда Манана ушла, Юрай, Бася и Кеша уселись на крыльце, и тишина уже не казалась такой идиллической.

Юрай стал осматривать дверь. С обратной стороны болтался огромный крючок, который они набрасывали на петлю к но-чи. Но удар в дверь наверняка или петлю выбьет или крючок просто соскочит.

Была еще дверь, ведущая на задний двор. Перепрыгнуть шаткий забор огорода и попасть мимо бани внутрь — раз плюнуть. Там тоже крючок, совсем хлипкий. Условный.

— У нас во дворе будка есть, — сказал Кеша, — я ее сразу заметил, когда приехали.

— Понимаю, о чем ты думаешь, но собака, — большая ответственность. Можно ли вообще арендовать собаку? Здесь.

Юрай подумал еще и об оружии. Закон запрещал любое оружие, даже газовые баллончики.

— И бездомную собаку на месяц не возьмешь, жалко ее, — Бася тоже подключилась.

— Знаете что, давайте не будем с ума сходить. У нас соседи, там собаки, и вообще, мы что, уже к нападению готовимся? — Кеша занервничал.

— Юрай, расскажи лучше какую-нибудь историю про деревню. Я только за кофтой схожу, — Бася соскочила с перил.

Эта просьба застала Юрая врасплох. Ответственность за детей вселила холодок тревоги.

— Какую историю, Бася?

— Ну, давай, какую-нибудь страшную, чтобы перебить эту. Есть же такой метод.

Юрай задумался. Тогда расскажу про собаку и моего двоюродного брата.

Дождались Басю. Юрай думал, как начать.

— Давным-давно

— Не, давай по-другому, что еще за начало, — Кеша засмеялся. Тревога рассеивалась.

— Ладно, помню, что здесь у всех были собаки. Некоторые коров на пастбище гоняли. Злые на цепи сидели, а остальные во дворе бегали.

Но, такая вот оговорка. Учтите, что это деревня. Здесь другое отношение к животным. Например... Он подумал, стоит ли говорить...

— Например, дети могли, если надо, отрубить топором голову курице. Когда ее на суп забирают. Такая жизнь. Животных держат все, или держали, но и забивали тоже. Это как охота.

— Нет, не как охота, — там состязание с диким зверем, а тут без шансов, — Кеша возразил.

— Так, да, охота не совсем точный пример, хотя у охотников такие средства, что у зверя тоже шансов мало.

— Есть хотя бы шанс не встретить охотника, — резонно заметила Бася.

— Так вот, у нашей соседки была собака. Рыжая. Дворняга. Ну, лаяла, и достаточно.

Но вот эта собака почему-то стала давить кур. То есть охотиться на кур во дворе. Может, у нее инстинкт проснулся, никто не знает. Соседке, в общем, не понравилось, и она попросила моего двоюродного брата увести собаку куда-нибудь. За банку лимонада. Трехлитровку. Все это было поздней осенью. Братец привязал собаке веревку вместо ошейника и увел в лес. И там оставил. Он не какой-то там живодер, но ему поручено. В деревне вырос. Или куры или собака.

Короче, собака вернулась той же ночью. Соседка даже обрадовалась. Сказала, что лимонад возвращать не надо, а уже и возвращать было нечего.

Неделю собака не убивала кур, а потом снова начала. Дура.

Соседка попросила сделать что-нибудь. Все, что угодно.

Братец потребовал новую награду. Любую. Но она спорила с ним, говорила, что дважды за одно и то же платить не будет. Начала орать.

Тогда он забрал собаку на веревке, завел в лес и там повесил на суку, на этой же веревке.

— Вот ужас! — Бася даже передернулась.

— Так, я предупреждал, что это не город. Собак любят, но домашнее хозяйство кормит.

Видимо, братца не отпускали мысли о несправедливости, которую по отношению к нему допустили.

Следующей ночью, ну, не ночью, хотя никого не пугало в лес ночью пойти, поздно вечером он вернулся туда, забрал труп собаки, принес и поставил на пороге у двери соседки. На шее так и болталась веревка.

Утром соседку увезли в больницу. Ей сделалось плохо. А братцу пришлось эту собаку еще и закапывать за огородом.

Вот такая история.

Повисла тишина.

— И к чему ты ее рассказал сейчас, Юрай? — спросил Кеша.

— Ну, вы же просили. Давайте будем думать, что нас охраняет дух рыжей собаки.

— Только не говори, что соседка в этом самом доме жила. Я спать не буду. Я и так не буду спать, — Бася вздохнула, когда пронесся темный товарняк.

Вернув привычную реальность.

Немногочисленные окна соседей гасли — ложились довольно рано.

Где-то залаяла собака, но сразу же и перестала.

Спалось в эту ночь плохо, тревожно. Юрай считал поезда. Как в детстве. Не помогало.

На всякий случай, тайком от всех, он притащил со двора топор и спрятал под столом в зале, прикрыв дорожкой.

Это немного успокаивало. Поездку в лес отменили.

— Юрай, ты же обещал экскурсию, и что, местные достопримечательности на таком небольшом расстоянии, да? — они остановились у почерневших ворот дома, пятого по счету от того, в котором жили.

— Мы-то готовились, эх, — добавила Бася саркастически.

— Так, ну, во-первых, обратите внимание на сооружение дальше по улице, оно называется — колодец. Понятия не имею, есть там сейчас вода или нет, но раньше точно была.

Поросший вокруг крапивой колодец торчал посреди улицы, или того, что условно можно было принять за улицу, хотя бы по той причине, что время от времени они проезжали здесь на машине. Одна сторона улицы определялась заборами домов, а другая — очень условная — утопавшими в плетущих кустах сараями и бывшими банями, между которыми легко можно было пройти к линии высоких ветл, а за ними уже начиналась насыпь железной дороги.

Бася на сразу окрестила это место «Шир на минималках».

— Мы уже видели, что это колодец, — сказала она, лучше не пить из него. Они покупали в магазинчике у Мананы воду в пятилитровых бутылках, и понятия не имели, откуда ее берут остальные.

— Итак, когда в колодцах еще была вода... — начал было Кеша.

— Это дом моих деда и бабушки, и ваших, получается, прадеда и прабабушки, — ответил Юрай без эмоций.

— Круто, и здесь никто сейчас не живет? Мы можем зайти? — Кеша подошел к крыльцу. Бася за ним.

— Да, давайте попробуем. Двоюродная тетка перебралась в Барыш, она мне сама предлагала зайти сюда. Он промолчал о том, что тетка Вера даже предлагала остановиться в доме. Но, представив, сколько было бы возни с давно не жилым помещением, он просто пообещал позвонить, рассказать, как и что.

Дверь не заперта, свет не работал, но дневного, проникавшего сквозь пыльные стекла было достаточно. Дом напоминал затонувший корабль, лежащий на небольшой глубине, где лучи солнца еще легко проходят сквозь воду. Они зашли в зал. Там спал старенький телевизор, скатерть на

столе была аккуратно свернута вчетверо и лежала посредине. Кровать деда за занавеской. Он вспомнил, как дед громко зевал, засыпая. Пока Бася и Кеша вертелись в зале, разглядывая посуду в шкафу, отдернул занавеску. Там, на кровати, были свалены подушки, еще перьевые, и запах не очень. Но если вынести подушки, дом, наверное, мог бы сойти за вполне жилой. Чувствовалось, что тетка время от времени приезжает сюда.

— Так, идемте в легендарную кухню.

Они вышли в коридор с крашенными коричневой краской полами, облупившимися посредине. Три высокие ступеньки и поворот вправо, на кухню. Но сразу за поворотом толстая железная бочка, со свинцовым отливом.

— Ого, а это что такое? — Кеша заглянул внутрь бочки, — похоже на центрифугу.

— Точно, это медогонка, дед был пчеловодом у нас. Меда всегда полно.

— И пчелы его не кусали? — Бася оглядывалась в темных сенях.

— Почему, кусали вроде, не помню. Он в сетке выходил к ним. Улей прямо за кухней стоял, мы еще боялись этих пчел.

Бася показала на изогнутый продолговатый предмет в углу, — лошадей держали.

— Это коромысло, — сказал он.

— Серьезно? Колодец, коромысло, что еще осталось по плану, — она, похоже, обиделась, что так ошиблась напоказ.

Кеша не обратил внимания, он уже заходил в кухню.

Шкафчики заботливо закрыты, дедов самовар на отключенном холодильнике, стена побеленной печки покрытая слоем пыли.

— А давайте как-нибудь придем сюда на обед? Надо только подмести и окна протереть, — предложил Кеша.

— Давай, готов подметать тут? — энтузиазма у Баси оказалось поменьше.

— Идемте во двор, — сказал Юрай, и вышел, откинув кованный крюк с петли.

Навесы во дворе стремились соединиться в центре, над головой. На стены давили остатки гнилого сена под крышей. Стропила еле держались. Все это грозило обвалиться, а следом и дом за собой утянуть.

— Кеша, давай как-нибудь попробуем здесь подпорки поставить повыше, а то смотри, скоро все завалится.

— Да, можно, жалко дом, Кеша старался не провалиться кроссовками в дыры среди досок, застилавших пол.

Во дворе, там, где раньше могла уместиться телега, а реже машина, валялись рядом пень и ржавый топор.

Юрай подошел к деревянным синим дверцам в стене дома. Никакого замка. Он открыл обе створки и заглянул внутрь — дедовский «Иж» на месте. Корпус и коляска лазоревого цвета. Мотоцикл, как и все вокруг, покрыто слоем пыли. Он пригнулся, чтобы войти, взялся за ручки и мягко вывел его во двор.

— Так, — сказал Кеша, вот это совсем интересно. Надо сфотаться на нем. — Он полез за телефоном.

— Давай я сфотоаю, — сказала Бася.

— Что, если покатаемся? Кеша, помоги открыть ворота, — Юрай открыл засов ворот.

Открыть сами ворота оказалось делом сложным, массивная балка — бревно и конек над ним, вдавили ворота — в землю. Пришлось постараться.

Юрай выкатил мотоцикл со двора, Бася принесла из кухни тряпку, и пока они с Кешей протирали пыль, пытался завести. Не получалось. Не было бензина. Он сходил и принес из багажника небольшую металлическую канистру с бензином.

— У тебя и бензин заготовлен! Сюрприз готовил, да?

— С самого начала вас покатать хотел. Давай, открывай бачок.

Юрай залил почти всю канистру в пустой бак. Он никогда не водил такой мотоцикл, тем более с люлькой. Ездил с дедом сидя в ней, даже по трассе. Резко нажал пе-

даль, вывернув ручку и мотоцикл, наконец, завелся, дернувшись вперед. Сначала работал рывками, а потом увереннее.

— Сейчас сам проедусь, — сказал он, — ностальгия.

— Давай, мы снимаем, — Бася приготовила телефон.

Люлька придавала мотоциклу устойчивость, ничего сложного, только почувствовать ручку скорости. Сильно не газовать. Звук душераздирающий.

Проехал за колодец и там развернулся.

— Садитесь, — сказал обоим, но за спину уселся Кеша, Бася продолжила снимать.

Объехали еще круг за колодец и остановились у двора.

— Бася, давай садись, покачу на дедовском «Иже».

Она села за ним, ухватившись за спину обеими руками. Кеша запрыгнул в люльку.

На этот раз поехали в другую сторону, к своему дому и дальше, почти до переезда, там развернулись на асфальтированном пяточке и назад. Местами трава шуршала по дну люльки странным звуком. Новым.

— Можно, я сам прокачу Басю? Попробую, — спросил Кеша.

— Давай, — сказал Юрай и сразу немного испугался. Но потом решил, что ничего опасного, в целом, нет.

Бася сначала отказалась, сказав, что надо сначала ее спрашивать, и первый рейс, резко дернувшись с места, Кеша совершил один. Восьмеркой вокруг колодца, до переезда и обратно. Пролетел скорый, заглушив звук мотоцикла на минуту. В поезде уже светились окна.

Кеша смеялся, вернувшись. Следующий рейс они сделали уже с Басей, расположившейся в люльке, чтобы по снимать по пути.

— В люльку больше не сяду, такая неудобная, — заключила она.

Мотоцикл закатали на место и ушли, закрыв ворота.

Потом сели ужинать и ели задумчиво. Юрай решил, что ребятам хватило эмоций.

Первое время ночные поезда мешали всем заснуть, отблески окон вагонов в стекле, да еще и локомотив иногда сигналил, подъезжая к переезду. Шкаф позвякивал фуже-рами, его легонько трясло. Через несколько дней ко всему этому привыкли. Спалось здесь прекрасно.

Юрая разбудил звонок, не мессенджера, где были установлены мелодии, а телефона с резкой стандартной музыкой.

— Да, слушаю, — звонили с российского номера.

— Доброй ночи. Молодой человек по имени Иннокентий — ваш родственник?

Приятный уверенный женский голос. Четыре часа ночи. Разводка какая-то.

— А что случилось?

— Говорит пост «Барыш», старший сержант Комарова. Молодой человек на мотоцикле «ИЖ», без прав, дал ваш номер.

— Погодите, секундочку. Он встал с кровати и заглянул в комнату Кеши. Кровать была расстелена, но сумка с одеждой исчезла, не было и самого хозяина. В одной ночнушке в зал выбежала Бася. Что случилось?

— Да, это мой родственник. Документы его у меня.

— Нет, паспорт у него с собой. Нет прав, и не может быть. Возраст не тот.

— Да, конечно, я его сам катал днем вчера, вот он и решил проехать. У меня машина, оденусь и приеду.

— Знаете, куда ехать? — на том конце провода что-то записывали.

— Ну, в сторону Красного Барыша?

— Да, на выезде из города.

— Хорошо, буду скоро, мне недалеко. Он подождал, пока старший сержант повесила трубку.

— Да что случилось? — Бася забралась на его кровать с ногами, чтобы не стоять на холодном полу.

— Кеша тебе ничего вечером не говорил? Просто его полиция задержала на мотоцикле.

— Нет, он ничего не рассказывал, пап.

— Так, дочка, побудь здесь, все с ним в порядке, решил покататься. Съезжу, заберу его, — он начал натягивать джинсы.

— Точно? Я не нужна? Может, я тоже поеду?

— Знаешь что, приготовь нам завтрак хороший какой-нибудь, ладно?

— Ага, может я вам тогда кофе сварю, американо, да? Подойдет? Из того, что есть, только каша и яичница. Выбери-рай.

Бася окончательно проснулась.

— Давай шакшуку, есть же помидоры? Он достал из сумки доверенность на Кешу и страховку.

— Ладно, пап, привет ему передавай и доброе утро. Я на твоей кровати останусь тогда. Теплая.

— Давай, дочь, спасибо, — он поцеловал Басю в лоб и уехал.

По дороге мимо леса мучили мысли о том, что оставил ее одну в доме. Надо скорее.

Кеша сидел в комнате за большими стеклами поста, Юрай оказался внутри впервые. Перед мальчишкой на столе стояла недопитый фирменный бокал с чаем. Кеша поднял голову, когда вошел Юрай, но невозможно было разглядеть взгляда.

Старший сержант Комарова оказалась высокой шатенкой лет тридцати. Она забрала доверенность и вышла куда-то, рассмотрев внимательно паспорт.

— Так вы гражданин Казахстана, надо же.

Он сел рядом с Кешей.

— Неожиданно, — сказал было.

Кеша отвел глаза.

Офицер вернулась и села с другой стороны большого полукруглого стола.

— Поговорить хотите? Идите в машину. Я позову, когда закончим оформление.

- А что вы будете оформлять?
- Вождение транспортного средства без прав.
- Не угон?
- А разве это похоже на угон?
- Нет, конечно.

Они сели в машину. Кеша на переднее пассажирское.

— Что случилось, Кеша? — спросил он.

— Я хотел прокатиться.

— А серьезно?

— Соскучился по отцу.

— Кеша, ну это детский поступок, ей богу, не хотел этого говорить.

— Но ведь я же ребенок, и полиция говорит, дядь Юр.

Повисла пауза.

— Кеша, он вернется.

— Я знаю.

Снова пауза.

— Еще раз попробуешь уехать? Мне надо за это переживать?

— Не знаю, я человек настроения. Может, уеду.

— А если я тебе помогу оформить выезд к нему?

Он посмотрел на Кешу, теперь все правила улетучились.

— Ты знаешь, где сейчас отец?

— Да, знаю, дядь Юр, мы переписываемся.

— Ну, вот, в Чехию два раза в год устраивают туры с посещением. Можно найти какой-нибудь международный фонд. Могу попробовать. Тебя все равно не пустят так просто. Это исправительный лагерь.

Кеша смотрел в окно, на то, как кошка шла вдоль тротуара парковки, идеально параллельно.

— Я смотрел про такие поездки. Не знаю.

— Будет группа, два дня свидания с отцом не в лагере, в Брно, в городе. У него браслет просто. Я был в Брно, там есть куда сходить.

— Отец больной, куда ему ходить.

— Брось, он поправляется. Ходить может. Мы же тоже разговаривали.

— Плюс, кажется, неделя в Мариуполе, клумбы пропалывать.

— Я не хочу в Мариуполе клумбы копать, дядь Юр.

Он отвернулся. Выбирал слова. Вспомнил обещание матери не обсуждать эту тему.

— Кеша, он участвовал в войне, всему есть своя цена, понимаешь.

— Хорошо, я обещаю больше не сбегать... Юрай.

— Подумай насчет тура, Кеша, я обещал, надо будет — постараюсь.

Дальше сидели в машине в полной тишине, пока в окно деликатно не постучали.

Старший лейтенант принесла документы.

— Поговорили?

— Да, поговорили, — он вышел из машины.

— И как? Ждать его завтра верхом на коне?

— Нет-нет, что вы, все уладил.

— Да? Ну, надеюсь. Офицер глянула в машину. Все Иннокентий, езжай домой на машине. Только пока не за рулём. Потерпи, немного осталось подрасти.

Подошел мужчина в темно-серой форме офицера полиции, что-то сказал напарнице.

Она вернула паспорт и доверенность.

— По поводу мотоцикла мы вам на днях позвоним, заберете. Все, инцидент исчерпан. Предупреждение. С добрым утром.

Он забрал документы, пробормотав: «С добрым утром, госпожа офицер». Кивнул и сел в машину.

Не мог уснуть. Слишком светло уже. Тихо встал и оделся в теплое. Стараясь не хлопать дверью, вышел на улицу. Машина стояла у соседнего заколоченного дома. Когда дом бросают, он сразу становится ниже, приседает. Как будто душа весом побольше, чем 21 грамм, покидает его.

Трава была мокрой от росы, а над травой стелился туман по щиколотку. Как же я буду собирать в тумане, подумал он. Сел в машину и вырулил на переезд, потом дальше, к зернохранилищу, откуда они когда-то тащили трехлитровую честно заработанную банку тархуна. Дальше дорога пересекала поле, и начинался настоящий лес. Туда он и направлялся. Не останавливаясь на опушке, попробовал, насколько позволяла грунтовка, проехать еще метров пятьсот вглубь. И все равно это было только начало леса. Еще вполне светлый бор. Некого бояться. Птицы уже проснулись. Тумана здесь не было. Он достал из багажника кастрюльку и пошел между деревьев. Первую землянику нашел быстро, шесть ягод в соцветиях. Обрадовался. А дальше было труднее. Казалось, птицы громко обсуждают человека, то и дело оборачивавшегося в сторону своей машины и периодически наклонявшегося, раздвигая кусты. За час удалось закрыть земляникой только дно кастрюльки, и попробовать пару ягод самому. Времени больше не было, он вернулся к машине и еще через полчаса оказался на кухне. Снял теплую одежду в коридоре. Посмотрел на дно кастрюли и достал из шкафа эмалированную кружку. В ней собранные ягоды выглядели солиднее.

Сварил яйца и одно съел.

Одновременно спустились Бася и Кеша, виновато глядевший, и не заметивший ягод. Бася сразу их увидела.

— Ух, ты! Где взял?

— Привет, сказал он, доброе утро, вам собрал.

— Спасибо!

— Сейчас молоко подогрею и засыплю пополам.

— Ой, а можно я так съем лучше? — сказала Бася.

— Если можно, я тоже без молока буду, — Кеша уселся за стол.

— И почему пополам? На три части, — Бася села с другой стороны, потом поднялась, — давай, я чаю налью. И шакшуку могу приготовить...

— Да, на троих! Просто я вспомнил, как нам дед с утра такую вот кружку земляники с молоком выставил однажды! — сказал он бодро.

— Ты где ее собирал, Юрай? Спасибо! — Кеша смотрел уже обычным своим взглядом. Слегка исподлобья.

— Недалеко отсюда, — он взял из рук Баси кружку с чаем и поставил перед собой.

5

Обычно все начиналось с шоу талантов. На сцену выходит ничем не примечательный человек, рассказывает о своей обыкновенной жизни и серой работе, слегка увлекается или наоборот — мнетя, жюри мягко подталкивает к мысли о мечте, камера выхватывает сомневающиеся лица в зале. Потом включают фонограмму и поначалу всем кажется, что поет сам микрофон, но через минуту зал охватывает ощущение причастности к волшебству. Жюри активно подыгрывает, вот уже вслед за ними, аплодируя, поднимается весь зал, в конце резко вступает заставка шоу и следующий ролик. Система выдает их сама, искать ничего не нужно, стоит только начать. Иногда интернет зависал, в ожидании загрузки Юрай подливал в бокал красного вина, чаще всего грузинского, и эмоции с экрана смешивались с содержимым бокала совершенно духоподъемно. Потом музыка превращалась в фоновую и перед его глазами мелькала лента коллег, интервью писателей блогерам, журналистам и друг другу. Многие писали и говорили то, что говорил и писал он, но все его посты и публикации или опаздывали, или собирали небольшую аудиторию знакомых и зависимых от него персонажей. Время от времени он поглядывал на закрытые двери комнат детей. В отблесках экрана казалось, что они приоткрываются. А иногда за окном цепочкой света вагонов пронесился неслышный в наушниках поезд, но комнату не качало.

Юрай шел выбрасывать бутылку на задний двор, потом возвращался и валился спать.

Дима стал приходить почти каждый день, телефоны почти отошли на второй план, уступили место разговорам и смеху на крыльце, или у колодца. Иногда компания, собрав бутерброды, уходила на речку, на весь день, а Юрай до вечера обычно писал. Или читал то, что под руку попадалось. Перечитал подшивку журналов «Пчеловодство». С огромным удовольствием. Замечательный язык, хоть и довольно формальный. Повеселило то, как редактор приводил в соответствие со стилем все письма пчеловодов. По прочтении складывалось впечатление, что это сплошь начитанные, с некоторым, выходящим за рамки школьного опытом написания статей, люди. Был уже вечер, стемнело, и Юрай подумал, что надо всех звать «домой». Про себя он называл так иногда дом, в котором они остановились. При детях так не говорил.

Вбежала Бася, буквально ворвалась в зал с улицы.

— Пойдем, пап, к магазину, скорей!

— Что случилось? Кеша где? — вскочил Юрай.

— Все хорошо, пап. Не волнуйся. Он возле магазина. Там полиция поймала беглого. Ждут журналистов.

— Ну, идем, конечно. Слава богу.

— Тебе Манана что-нибудь рассказала? Папа ее где? — Юрай быстро спускался с крыльца следом за дочерью.

— Да, она рассказала, только просила хранить в строжайшем секрете, — Бася запыхалась. Шли быстрым шагом, хотя, если ждут журналистов, торопиться особенно некуда, подумал Юрай.

— Отец Мананы сообщил в полицию и ждал момента, чтобы им позвонить, когда придет один из беглых.

— Почему ты говоришь «один из», там много их?

— Не знаю, несколько, вроде... Мужики какие-то.

Казалось, они были последними жителями деревни, узнавшими о происшествии. Собрались все, кто мог ходить. Так идут на похороны. Несмотря на то, что уже стемнело.

У магазина стояла легковая полицейская машина. Пустая. Видимо, сами полицейские и пойманный находились или в доме, или в магазине. Кеша и Манана стояли тут же. Манана чувствовала себя героиней. Соседи поглядывали на нее, некоторые пытались расспрашивать. Заметно было, что ей очень хочется рассказать, но она ответила кому-то, что папа все сам расскажет потом и торжественно молчала. Кеша ее прикрывал, исполняя роль телохранителя звезды.

Вдруг Манана перестала быть центром внимания. Подъехала другая машина, за ней еще одна, обе — служебные тонированные минивены. Следом еще одна легковая машина. Двери минивенов приоткрылись, оттуда вышло несколько человек в темно-зеленой военной форме, в касках с забралами. С автоматами и подсумками на поясе. Все это выглядело невероятно серьезно, и Юрай снова подумал о том, какой возможной опасности они все подвергались. Наконец, из заглушившей двигатель легковой машины вышли двое. Оператор — парень с небольшим штативом и камерой, и девушка, оба с белыми бейджами. Журналисты. Посоветовались о чем-то с военными, потом парень отошел, чтобы поймать на камеру и военных, и полицейскую машину и жителей, и саму журналистку в джинсах и черной кофточке. Та поправила бейдж, позвонила кому-то и через пару минут из дверей дома, рядом с магазином вышли полицейские, они вели под руки бомжеватого мужчину лет тридцати, с неряшливой бородой, в кроссовках. Оператор включил прожектор камеры. Мощный луч, несмотря на размеры. В темноте, в свете окон магазина и камеры все это создавало сочную картинку новостям. Задержанного посадили не в полицейскую машину, ему открыли переднюю дверь одного из минивенов.

— Остальных поедут брать, сказал Кеша вполголоса, — у них навверняка тепловизоры. Да и этот сам покажет.

Три машины быстро уехали, громко хлопнув дверьми, словно крупные нелетающие птицы крыльями. Юрай подошел к журналистам.

— Здравствуйте, часто приходится на такое ездить?

— Здравствуйте, бывает, — ответила журналистка,

— Я тоже статьи пишу иногда, — Юрай представился. С фамилией.

— Но вы разве что-то знаете? — поинтересовалась журналистка.

Звали ее Ирина. Внештатница.

— Нет, дети позвали, рассказали, что кого-то поймали. Про Манану он промолчал.

— Наверное, я читала вас, что тут делаете? Отдых?

— С детьми на месяц приехали.

— Здорово.

— Часто сюда вызывают, чтобы знать, чего ждать?

— Вы уже второй раз спрашиваете! Теперь все нормально будет. Не ждите продолжения.

Какой-то старик помахал кулаком, ни к кому конкретно не обращаясь, — поймали, и что! Сами и виноваты! Тьфу!

— Вот вам и сюжет. Это надолго. — Юрай усмехнулся.

— Мне пора ехать, приятно было пообщаться, хорошего отдыха!

Журналистка села за руль. Оператор уже был в машине.

Свет фар выхватил Манану, Кешу, расходящихся по домам стариков и женщин, клубящуюся в воздухе пыль.

В эту ночь впервые хорошо спалось. Дух рыжей собаки спокойно уснул где-то в лесу.

Лето здесь можно было назвать непредсказуемым по многим причинам. И новые знакомства, уже безо всякого ставшие дружбой, и все события, и дни, когда вообще ничего не происходило, и погода. Иногда дождливая, с туманом,

сыростью и внезапным холодом, иногда обыкновенная, с облаками и закатом, такое состояние называют деревенской пасторалью. Но иногда выпадали жаркие дни. Два-три подряд. Угадать их было сложно даже прогнозу погоды. Как раз сегодня был один из таких дней. Все сложилось — заранее договорились пойти на речку, проснулись и поняли, что прогноз не подвел.

Посыпались радостные сообщения в мессенджере, как горох. Потом встретились у запруды.

Кто и когда соорудил эту запруду неясно. Дима говорил, что это барышские пацаны строили.

Речка была мелкой, по колено, медленной, петлявшей между глинистых обрывов высотой под два метра. Если не придирааться — над обрывами дикий лес, карманные джунгли. Сразу за джунглями, правда — колхозные луга. Сам лес гораздо дальше отсюда. Встречались и песчаные отмели, где можно было загорать или просто сидеть. Но купаться в такой неглубокой речке не получится. На повороте одной из извилин кто-то завалил реку бревнами и ветками так плотно, что получилась плотина, вода сама набила ее травой и листьями, и вода поднялась. Получилось небольшое озеро, глубиной по пояс.

Старое зеленое одеяло принесли вместо подстилки. Над обрывом оказалась идеальная поляна, со следами костра. В первый раз пришлось собрать и унести два пакета мусора, и теперь не надо было уточнять, на какую поляну приходиться.

— Кто за то, чтобы лезть в воду? — Бася загорала на одеяле. Закрытый черный купальник, ее любимый.

Вопрос привычно уже относился ко всем, кроме Мананы.

— Давайте, я за! — Кеша сидел под обрывом.

— Да, можно, — сказал Дима, — жара, — голосом, как в кино.

Дно илистое и из-за этого вода мутноватая, но можно и не обращать на это внимания. Зато она прохладная.

- Дима, а рыба здесь водится?
- Откуда же я знаю, ни разу не видел, чтобы ловили наши.
- Папа (за глаза Бася звала Юрая так) говорил, что они рыбачили.
- Ну, может и есть мелкая рыба. Водяные крысы точно есть. Они же рыбу едят?
- Seriously?
- Может, эту запруду они построили или бобры?
- Мы сюда часто ходим, они нас боятся, даже если и были, — заключил Кеша.
- Здесь есть водяные крысы, я сама видела, — сказала обрыва Манана.
- Мы с родителями ловим рыбу на форелевом хозяйстве, это прикольно, — сказала Бася, — давайте напишем отцу, чтобы приходил рыбачить?
- Кто за рыбалку? — Кеша поднял руку. Все подняли. Единогласно.
- Бася написала Юраю сообщение. Позвала помочь с рыбалкой. Тот обещал подойти через полчаса. Заканчивал работу.
- Он все время работает за ноутбуком, — сказал Кеша.
- Купаться надоело, сидели на одеяле, сохли и жевали лепешку.
- Мананочка, — твоя мама печет классные лепешки, очень вкусные, — Бася оторвала от круглого края кусочек.
- Спасибо, я передам ей, — Манана заулыбалась, — я тоже помогаю иногда. Хотя там ничего сложного, тесто замешивать надо.
- Ты читала его книжки? — спина Кеши задала вопрос, она блестела от капель воды.
- Читала только одну, он же для взрослых пишет, — сказала Бася, — типа восемнадцать плюс.
- Не люблю книжки, но Юрай молодец, конечно, — время от времени приходилось отбиваться от слепней. Кеша хлопнул по Диминой спине.

— Эй, больно как, — тот взвизгнул.

— Так, лепешку оставляем, нужна наживка, — заявил Дима резонно.

— Наживка не нужна, — сказал с обрыва Юрай. В руке он держал плетеную корзину.

— Это для рыбы? — спросил Кеша, обернувшись.

— В некотором смысле, — Юрай ухмыльнулся, спускаясь.

— А где ваша удочка? — Манана единственная называла его на «вы».

— Ловить будем бреднем. Вот этой вот корзиной. Ни разу не видел, чтобы здесь ловили на удочку. Улов сложим в банку, я ее наверху оставил, Кеш, забери, будь другом.

Ниже запруды, за поворотом, река сразу становилась шире, что делало ее неглубокой. Юрай закатал джинсы выше колена и спустился в воду. Поставил перед собой корзину, наполовину утопив и приткнув плотно к траве у берега и начал топтать одной ногой перед корзиной по воде, пугая рыбу.

Потом резко поднял бредень, сквозь мелкие щели сбегали потоки воды. Заглянул внутрь. Там было пусто.

— Здесь водяные крысы есть, если что, — сказала Бася.

— Ничего, ее так не поймашь. Они умные, — Юрай выдохнул, — кто хочет попробовать?

— А рыбы глупые?

— Рыбы пугливые.

Кеша поднял руку: «Я попробую!»

— Давай! — Юрай отдал бредень.

Кеша в плавках забрался в воду и выставил бредень у другого берега, стараясь действовать тихо. Потом зашурдил ногой по водорослям, загоняя рыбу.

— Давай, давай! — подзадоривала Манана.

Кеша резко выхватил бредень резким движением к себе. Мелкая рыбеха, блеснув, проскочила сквозь прутья.

— Рыба есть! — закричал Дима, — давай я теперь!

— Забирай, только это так противно. Ногой топтать водоросли.

Дима выбрал другую тактику. Переместившись к противоположному берегу, он шел быстро с бреднем руках, приговаривая, — ловись, ловись рыбка, большая, вот такая! Вытащив бредень в третий раз, он заметил двух рыб, бившихся на дне корзины.

— Тащи банку, — закричал он. Кеша спустился с берега с банкой, зачерпнул мутной воды. Теперь там кружились две испуганные особи плотвы.

— Дайте посмотреть! Девчонки осторожно, будто ценный экспонат, приняли банку из рук в руки.

— Что мы с ними делать будем? — спросила Манана.

— Да ничего, отпустим просто, — Юрай тоже рассматривал улов, — мелкие.

Бася приняла корзину у Димы как эстафету, поставила в небольшой заводи чуть дальше, там, где вода скручивалась в маленькие гольфстримы, и топнула ногой пару раз. Потом плавно подняла бредень.

— Ура, я тоже поймала! — сказала она.

— Молодец! — сказал Дима, — горжусь!

— Круто, — сказал Кеша, — а я больше не хочу ловить, надоело. Все равно же это не улов.

— Смотрите, — Бася показала всем, как на дне бредня извивалась, сверкая, рыбка длиной в ладонь, — крупная.

Потом перевернула корзину и выпустила.

— Жалко их, — пусть плавают, — и я, кажется, на стекло наступила.

Она выбралась на берег. Юрай рассмотрел белую полосу на ступне.

— Не до крови, слава богу.

Выпустив рыб из банки обратно в реку, оделись и пошли по тропинке сперва босиком, а потом, сполоснув ступни в ручье, накинули обувь. Вид у компании был живописный, деревенский. Впереди шел Юрай с корзиной в руке,

в серой рубашке с закатанными рукавами и поднятых до колена джинсах и в калошах, за ним — Манана в черном платье до щиколоток, с обернутыми красной банданой волосами, босиком. За ними — Дима в джинсах и белой футболке и Бася тоже в футболке, только черной, с принтом и джинсовых шортах. Позади Кеша нес пустую банку, рукава его бордовой рубашки были закатаны по локоть, холщовые брюки аккуратно подвернуты на щиколотках. На ногах — сланцы.

По тропинке они вышли к началу своей улицы за колодцем.

— Смотрите, — сказала Манана и остановилась. Все сразу остановились.

С другого конца улицы, со стороны переезда двигалась большая процессия.

Группа пожилых женщин и мужчин. Элегантные платья самых разных цветов по соседству с клетчатыми и однотонными бежевыми рубашками. Шляпки, кепки и даже одна зимняя синяя спортивная шапочка.

Человек пятьдесят направлялись напрямик к ним, эмоциональный гул голосов напомнил Юраю сцену из мультфильма про Муммитроллей, когда из словаря, побывавшего под волшебной шляпой, выбежали толпой иностранные слова.

— Спокойно, сказал Юрай, — вроде бы английский.

Обе компании сошлись уже за колодцем, и тут рыбаки сообразили, что заслонили собой цель, к которой двигалась толпа гостей.

Иностранцы оказались невероятно вежливыми. Они сразу стихли, остановились напротив.

Осмотревшись, одна бабуля в брюках и белой блузке с рюкзачком обратилась по-английски к Басе.

— Хелло, моя дорогая, как тебя зовут?

Бася немного оторопела.

— Барбара, меня зовут Барбара. Что случилось?

Бабуля и вся толпа невероятно обрадовалась тому, что девочка, которую они встретили, говорит на английском.

— Хай, Барбара! Наш поезд застрял на переезде, там ремонт какой-то, и нас отпустили посмотреть вашу чудесную деревню.

— Хай, Барбара, — вдруг загудела толпа разными головами. Некоторые даже махали руками, подпрыгивая в задних рядах, особенно одна пожилая дама, крикнувшая — я тоже Барбара.

Бася улыбнулась. Щеки ее покрылись румянцем.

— Я поняла, — сказала она, — как вас зовут, мэм?

— Патрисия, — улыбнулась в ответ дама.

— Откуда вы? — спросила Бася.

— Я лично из США, из Айовы, мои друзья из разных городов, мы путешествуем. Туристы.

— Вел, — сказала Бася, — прекрасно. Чем мы можем помочь? Она оглянулась на Юрая, Диму, Кешу и Манану. Те кивали головами и улыбались.

— Нам интересно посмотреть деревню. Может, перекусить в кафе. Может, этномузей. У нас есть три часа!

— Вот колодец, — Бася отодвинулась в сторону.

— Колодец, колодец, — раздалось в толпе.

Им пришлось отойти в сторону, чтобы пропустить всех к колодцу. Шли организованно, цепочкой. Заглядывали, трогали ведро, отчего то позвякивало цепью.

Один мужчина в белой бейсболке даже спросил:

— Можно нам достать воды?

— Можно попробовать достать воды, тут есть ведро, но пить бы я не советовал, — сказал по-английски Юрай.

Все обернулись к нему.

— Хелло, — сказал он и вежливо кивнул.

— Лучше мы вам дадим воды, — добавил Кеша тоже на английском.

Иностранцы на него уже не смотрели, они все повернулись в сторону Мананы и замерли.

— А у нас лепешки есть, — сказала по-русски Манана, — переведите кто-нибудь, пожалуйста. Можно пойти в магазин. А кафе здесь нет.

Напрягшиеся было иностранцы заулыбались, услышав то, что перевела им Бася.

— Дайте нам время досмотреть колодец, — сказал один из последних в очереди мужчин в панаме.

— Можно их в церковь отвести и в магазин, или сперва в магазин, если голодные. Как захотят, — Юрай советовался с командой в сторонке.

— Кеша, Дима, вынесите на крыльцо пару бутылей с водой, купим потом, и кружки. Стаканчиков у нас нет. Манана, ты тогда жди у себя. Кеша и Дима быстрым шагом пошли к дому, а Манана к себе.

Туристы закончили доскональную ревизию колодца и двинулись за Басей и Юраем в сторону дома.

— Скажите, а как называется эта деревня? — спросил кто-то в толпе.

Бася и Юрай переглянулись.

— Чувашская решетка, — произнес Юрай на русском с английским акцентом. А перевод...

Бася перевела дословно, и готова была начать объяснять оба слова по отдельности, но женщина по соседству с ней воскликнула — Ясная поляна, Чувашская решетка, как поэтично! Толстой!

— Ну, Чувашская решетка, это ближе к Достоевскому, — возразил Юрай.

Та взглянула на него внимательно, поверх очков.

Подошли к крыльцу. Калитка была уже открыта. Юрай увидел на перилах кружки, штук десять. Разномастные. Он и не думал, что в доме их столько. Кеша и Дима разливали воду желающим, впрочем, жаждущих оказалось не так много. Все благодарили очень вежливо, даже те, кто не пил.

В это время Бася собрала небольшую группу туристов возле себя и стала объяснять происхождение названия Чувашская решетка.

— Так вы не русские? — спросила одна женщина.

Бася взглянула на Юрая, — ну это очень длинная история.

— Хорошо, сказала та женщина, спасибо, идемте смотреть дальше, а то нас могут и позвать обратно в поезд.

Дошли до другого конца улицы и свернули от железной дороги в сторону магазина. Манана и ее отец суетились у входа. Когда подошли, выяснилось, что выкладывали лепешки на вынесенный столик. Их захотели попробовать все. Денег с иностранцев не брали. Но некоторые заходили в магазин и что-то покупали там. Мелькали бутылки лимонада и батончики. Заведовала прилавком мама Мананы. Ассортимент быстро заканчивался.

Церковь у иностранцев большого восхищения не вызвала, видимо, интересовала только старина. Тем более, что священник был в отъезде, а дверь открыл служка. Кто-то поставил свечки, кто-то перекрестился у входа.

Иностранцы начали было уже небольшими группами разбредаться по улицам, но тут поезд издал пароходный гудок. Вернее, это был гудок поезда. Но Басе он напомнил гудок лайнера в порту Котора, звавшего туристов на борт.

Не торопясь, они двинулись к переезду. Махали, благодарили и нажелали больше чем на день рождения. Та женщина, которая заговорила первой, подошла к стоявшим рядом Диме и Басе, обняла обоих и сказала, — будьте счастливы, дети мои.

8

Дома Юрай достал телефон и прочитал сообщение: «Привет, все прекрасно, Вика завтра выезжает, билет у нее».

Поезд прибывал по расписанию, в 16.15, на станцию Барыш.

Машину оставили за вокзалом. Коммерческие ларьки стояли там в длинный ряд. По объявлениям на фасадах можно было прочесть целую историю. «Шашлык». «Бургеры», «Одежда».

— Раньше у отца здесь тоже киоск был, — сказала Манана, которую взяли за компанию.

Поезда ждали всего трое пассажиров с чемоданами. Сутолоки на перроне, к которой мысленно готовился Юрай, не наблюдалось. Нужный пятый вагон. Двери не открылись. Никакой Вики не было. Никто не протягивал конверт, улыбаясь, с высокой ступеньки. Они стояли в замешательстве. Минута прошла быстро. Юрай начал стучать в дверь вагона. Потом крикнул, — ждите здесь, и побежал к следующему, где пассажиру уже помогли принять последний чемодан. Протянули руку и ему, он метнулся мимо жара кипятильника, за которым начинались купе.

— Извините, здесь Вика едет? — пришлось задавать этот глупый вопрос каждому купе.

Во втором оказалась ложная Вика, ничего не знавшая о билете. Зато в следующем и девушка у окна и ее соседи — пожилая пара на диване напротив, заулыбались.

— Как билет? — я же недавно сбросила в окно посылку. Мы мимо вашей деревни как раз проезжали.

— Да-да, — кивнула пара напротив, — но там не встречали, вроде.

Юрай увидел, как медленно поплыл за окном перрон.

— Спасибо, Вика! — крикнул он, и побежал к выходу. Дверь уже закрывали, но он успел соскочить, даже услышал из коридора, — я же писала!!!

— Ух, успел, — сказала Бася, — что она, забыла, что ли?

— Доставка до двери, — засмеялся Юрай, — едем обратно.

— Надо же, — а у нас почтальона своего нет, — сообщила Манана.

В деревню вернулись уже в сумерках. Юрай раздумывал, не отложить ли поиски на завтра. Но был риск ночного дождя, да и дело вовсе не выглядело сложным.

Подошли к насыпи. Рельсы пели после недавно пролетевшего товарняка.

— Только очень-очень осторожно. Включаем фонарики и ищем необычный предмет. Посылку. Если услышите поезд, сразу спускайтесь с насыпи, договор?

— Да, ясно, — подтвердили и Кеша, и Бася, и Манана.

Четыре луча, продлевая сумерки, стали шарить сперва по насыпи, потом по кустам. Иногда встречаясь. Иногда разбредаясь даже по разные стороны полотна.

Грянул гром, перебивая грохот товарняка и нескольких тяжелых капель, ударивших по камням насыпи, ливануло из невидимой тучи. Пришлось возвращаться домой ни с чем.

9

— Вы что же так долго спите? — стук в дверь разбудил сначала Юрая, потом в своих комнатах зашуршали дети. Он выглянул в окно, дождя уже не было.

Быстро оделся и открыл дверь.

На пороге стоял хозяин дома, Владимир. Крупный розовощекий мужик. Наверное, в детстве я его знал, подумал Юрай.

— Юрий, это вам. Посылка. Обходчик на переезде мне отдал, — Владимир подал замотанный в скотч пакет, в котором угадывалась книга. На скотче было написано — Юрию, фамилия, и значился телефон.

— Спасибо, мы же как раз ждали! — Юрай пожал протянутую руку, — проходите.

— Как вы тут? — Владимир разулся и вошел, оглядывая зал.

— У вас такой классный дом, — сказала Бася, выходя из комнаты.

Владимир поздоровался с ней.

— Ну, я за расчетом, а то потом уеду, и некогда будет.

— Да, — сказал Юрай, все готово. Сейчас дети принесут, — позавтракаем?

Юрай протянул сверток Басе, сделав при этом такое лицо, что она моментально поняла.

— Я сейчас Кешу позову, — сказала она, — чаю поставим.

— Да, от чая не откажусь, спасибо.

Владимир и Юрай пошли на кухню, а Бася скрылась в комнате Кеши.

— Может, еще месяцок? — спросил хозяин дома под звук закипающего чайника.

— Нет, по работе не получается, так бы остались, — сказал Юрай, немного нервничая.

Дверь открылась, и на пороге кухни появились дети. В руках у Кеши был конверт. Давя смех, он торжественно вручил его Владимиру, и представился, — Кеша.

— Спасибо, Кеша! — конверт был вскрыт, и на столе оказались длинные картонные билеты с переливавшейся голограммой.

— Даже два? Ну, ладно вам!

— Да, — я подумал, вы же не один пойдете на Аллу Борисовну, — сказал Юрай.

— Спасибо! Подумаю, с кем пойти. С детства ее слушаю.

— Вот еще что, — зайдите к председателю нашему, Михаилу, хорошо? Он за школой живет, — подмигнул Владимир.

— Председатель? Ладно, интересно, схожу, — сказал Юрай.

Чай закипел.

Все это время Юрай не догадывался, что в деревне мог существовать председатель. «Председатель чего?» — гадал он, проходя мимо здания школы, прятавшегося за запушен-

ными деревьями. Там, отдельным хуторком, стояли несколько дворов, вплотную к трассе. Это был самый край деревни, даже поездов отсюда почти не слышно.

Постучал в зеленые ворота массивным кольцом. Такое же было и у деда, целая конструкция изнутри — засов и механизм с зубцами. В детстве это железо казалось ему средневековым. В глубине двора послышался лай собак. Явно крупных. На два голоса.

На крыльцо вышел мужчина, в брюках и синей рубашке с закатанными рукавами, лицо в загорелых морщинках.

— Здравствуйте, — сказал он, не спускаясь к калитке.

— Доброе утро, — мне передали, что вы просили прийти, — я Юрий.

— А пацаны где?

— Пацаны? У меня дочь и племянник. Они зачем?

— Вы в курсе вообще, что они натворили? Или вы вместе?

— О чем речь?

— Поезд остановили. Горбатюка на рельсы перед поездом поставили, задержка почти на час.

— Горбатюка?

— Идемте, — председатель спустился, закрыв за собой калитку.

Они шли к школе. Над аллеей свисали гнилые, никем не собранные яблоки.

Дверь была открыта. В фойе запах пыли и кошек. Свет из больших окон падал на парту, за которой, по-видимому, когда-то сидела вахтерша, к ней сбоку был придвинут... Михаил, только в костюме и галстук, и моложе лицом.

В руках он держал звонок, повязанный красной ленточкой. Глаза были такими же глубокими и грустными.

— О, это вы, — сказал Юрай.

— Да, к торжествам делали.

Плакат, изображавший председателя в натуральную величину, был установлен на деревянной раме и подставке из реек.

— У меня несколько деревень было.

— Ясно, — сказал Юрай, хотя не понимал, зачем они здесь оказались.

— Идемте в кабинет.

Миновав три двери по коридору, остановились у последней, со светлым прямоугольником прежнего слоя краски на том месте, где раньше была небольшая табличка. На уровне глаз.

Внутри пылью не пахло, явно здесь убирались. Председатель помешкал, не стал усаживаться во главе письменного стола, выбрал один из стульев для посетителей.

Окно выходило на поле, залитое солнцем. Хотелось открыть его настежь и избавиться от духоты. А еще лучше, вылезти в окно и уйти прямо в поле.

Юрай выбрал второй стул.

Председатель поднялся, обошел стол и достал из ящика тетрадь с зеленой обложкой.

— Пишите объяснительную, — он аккуратно разгибал ногтями скрепки в центре, чтобы вынуть двойной лист в линейку с полями.

— Почему вы решили, что поезд остановили мои дети? — спросил Юрай.

— Так другие дети в деревне сказали, что они этого не делали, — резонно ответил Михаил, спокойно посмотрев в глаза Юраю.

— А если и мои так скажут? Мы же их не спрашивали.

— Это они сделали, кто же еще? Наши все знают Горбатюка, а они нет.

— Горбатюк — это ведь вы?

— Да, Михаил Игнатьевич Горбатюк. Мне нужно сдать отчет по поводу поезда.

— Так вы и напишите отчет. Мне же надо увидеть ситуацию! Вы думаете, я что-нибудь понимаю? — Юрай нетерпеливо повысил тон.

— Хорошо, напишу и укажу подозреваемых.

— Давайте, — Юрай осматривал обшарпанные стены, выкрашенные салатovým на высоту бантиков пятиклассниц.

Чьи-то портреты стопкой составлены в углу.

Михаил писал уверенно, потом вычеркивал, снова писал, переносил удачный текст на другой лист.

— Не могу сосредоточиться!

— Дайте взглянуть, мне надо возвращаться к подозреваемым, у нас обед.

Юрай взял листок и прочитал невычеркнутые фразы: «установили макет председателя Горбатюка на рельсы за переездом», «намереваясь этим препятствовать свободному проезду пассажирского поезда», «установка была произведена ими в ночное время, задумана заранее».

— Они с вас деньги за остановку поезда требуют?

— Могут и потребовать! Отчет в любом случае нужен.

— Пишите сами, но я бы другой вариант предложил.

— Какой вариант? — Михаил глядел растеряно.

— Благодаря остановке поезда деревню с экскурсией посетили иностранцы. Впервые за всю ее историю, возможно... Остались под большим впечатлением благодаря традиционному гостеприимству жителей. Хотя одно «благодаря» я бы заменил, подумайте сами, как.

— А поверят?

— Есть факты, — иностранцы делали снимки и записи в социальных сетях. Надо поискать, — Юрай быстро записал сказанное и пододвинул листок председателю.

— Дальше сами, моих детей оставьте в покое.

Михаил долгим глубоким взглядом посмотрел за спину Юрая, кивнул, как бы ставя в деле точку, и придвинул себе листок.

Юрай поднялся и вышел, унося картину солнечного поля.

Когда-то до Барыша и дальше, в сторону Инзы ходила электричка, и все расписание жизни людей подчинялось

поездам. Утренняя на рынок в субботу, вечерняя с танцев, все рабочие дни, а теперь электричек не было, добирались машинами. Но в машине не поболтаешь с соседней деревней. Люди стали забывать друг друга.

Тем не менее, остался еще один, самый надежный способ связи, и о том, что опять приехали казахи, знали ближайšie деревни. Старушки навещали соседок, родственников, не торопясь, отдыхая на следующем крыльце, или на пне у тропинки в лесу. Кого-то подбирали попутки и обязательно доставляли к месту назначения. Стоило рассказать бабе Маше, что Чувашская решетка ждет в гости, как скоро узнали все приглашенные. Это была идея Юрая. Манану тоже позвали, и пришла она не просто так. Родители передали бутылку самогона. Часов с четырех начали одна за другой подходить к крыльцу бабушки в черных фартуках, разноцветных кофтах, платках. Оставляли палки у входа и ловко поднимались по ступенькам. Стол накрыли в зале.

Специально для этого закупили в Барыше продукты — колбасу, сыр, салаты. Бася расставила все красиво сама. В центре три одинаковых бутылки. Кола и спрайт рядом как-то даже съежились и потускнели, не выдерживая монументальности и убедительности самогона.

Выпив по одной залпом, бабули начали пересказывать Юраю родственные отношения, в которых он находился с каждой из них, за родственников сошли и близкие подруги родни. Имена и воспоминания о том, кто в какой деревне родился, и кого уже нет, летали через стол. Оставалось только слушать. К ним не было никаких вопросов. Юрай подумал, что все равно не запомнит. Запомнить бы присутствующих. Не пил. Так лучше и интереснее было воспринимать. Перед ним стояла символическая рюмка, которую он с каждым тостом отпивал по мелкому глоточку, тут же запивая водой. Дети пили колу и тоже слушали. Первая бутылка закончилась, и старушки затянули грустную за-

стольную песню. Слова были непонятны, «кажется, это даже не чувашский, болгарский», сказал Юрай перегнувшейся к нему через край стола Басе.

Потом еще песня и еще. Манана подпевала некоторым.

Здесь она была своей, и голоса хотели околдовать, сделать и их своими, и это почти получалось. Пели и на русском, и на украинском, пели казачьи, и так убедительно, будто эти песни и были единственной подлинной печальной историей.

— Какие крепкие бабки, — сказал Кеша, когда стемнело, и все разошлись по домам.

— Вечные, — ответил Юрай.

12

Вещи были сложены в багажник, осталось закрыть дом на ключ. Да, и еще закрыть окно, об этом напомнил пронесшийся поезд. Бася, Дима, Манана и Кеша стояли посреди зала, Юрай нагнулся проверить, не забыл ли зарядку в розетке. Все в порядке. Выпрямился. Наступила тишина, еще более отчетливая после гула поезда.

— Пап, ну, может, ты выйдешь? — Бася сказала непривычно твердо. Остальные молчали.

Он огляделся и ответил: «Окно потом закройте, хорошо? Я в машине буду вас ждать».

Вышел на задний двор по скрипучим ступенькам. По дороге заглянул в кухню, Автоматически. Такие привычки приходят со временем, и ничего уже не поделаешь. Потом он оказался во дворе и уселся на крыльцо. Вспомнил, как у деда за окнами кухни жужжала пасака, и это было обычным фоном завтраков и обедов.

Он соврал. Тогда утром дед принес им с братом целое ведро земляники. Полное. Но искусство утрачивается со временем, если его не передать по наследству. Все невозможно передать, да и зачем? Нужно оставить место для нового.

Он открыл ворота и мягко выехал на траву перед домом. Манана и Кеша о чем-то разговаривали на крыльце. Потом спустились по ступенькам, закрыв калиточку.

Он беззвучно смотрел, как открылась дверь, выпустив Диму и Басю. Как Дима закрыл дом на ключ, бросив взгляд на машину. Как Кеша засмеялся, и он прочитал по губам, что тот предлагает друзьям перепрыгнуть калитку. Первым прыгнул Дима, потом подал руку Басе, та легко перескочила. Отняла руку, и они долго обнялись.

Хлопнули задние двери с обеих сторон.

— Все, дядь Юр, едем, — сказал Кеша.

Бася достала телефон.

НАРКОМАНЫ

Сначала был Дворец пионеров. В Алма-Ате это действительно дворец и до сих пор пионеров. Шучу, уже просто идейных школьников. Не берусь сказать, работает ли еще на втором этаже (подняться по одной из двух лестниц на балюстраду, пройти мимо стенки для скалолазов, вдоль кабинетов администрации в промежуточный коридор и сразу дверь) наш любимый кружок океанографии. Несмотря на то, что здание дворца построено из розового ракушечника, оно отдает мраморной монументальностью и холодом пренебрежительного отношения к непосвященным. Так что довольно часто к нашему коллективу, состоявшему из десяти человек, примыкали какие-то новые школьники, но так же быстро и отсеивались. Кто-то уходил на плавание, кто-то на шахматы, кто-то на дачу. Наш огромный кабинет вместил бы и двадцать человек за овальным столом. Высокие потолки, шкафы с книгами о рыбах и рыбках, два аквариума, и странные, очень узкие окна — бойницы. Видимо, проектировщиками была предусмотрена возможность держать оборону от скаутов, этих вечных конкурентов пионерам. Алюминиевые рамы делали застекленное пространство таким маленьким, что приходилось включать электрический свет даже днем. Рассевшись фривольно, мы начинали заседать, будто какое-нибудь географическое королевское общество. Но еще до заседания, вернее, чтобы быть допущенными к нему, требовалось пройти ритуал кормления рыбок. В смежной комнате царил мрак, но мы и на ощупь могли открыть один из двух холодильников, чтобы достать живой корм — червей, похожих на волосы утопленников. При свете холодильника помещение напоминало фотолабораторию — кухонная мойка служила для промывания червей, дуршлаг, металлические

контейнеры, сито — комната полностью принадлежала червям. Кроме надутого чучела — рыбы-шара, болтавшегося на двери одного из холодильников. Похожего на убитого в момент поцелуя колобка.

Промыв по очереди партию червей до нежно-розового цвета, мы распределяли сгустки на три контейнера и шли кормить аквариумы. В кабинете и в коридоре. Все рыбки — пресноводные, неприхотливые. Счастливицы, питающиеся исключительно живым кормом. Не у всех пионеров нашего кружка была возможность покупать такой корм домашним рыбкам. Ирина Юрьевна, заведующая кружком, тактично не делала на этом акцента. Мне нравилось ее отчество, что там говорить.

Наше высокопарное название — кружок океанографии, крепко связывало нас с морем книгами, иллюстрации которых мы разглядывали в ожидании руководителя. Морские звезды, пескожил, нырятьщики за жемчугом, я не помню фотографий, кажется, там были только иллюстрации. Дававшие волю моей фантазии подводные пейзажи, убегающие в глубину белой страницы. Потом приходила Ирина Юрьевна и следующие сорок минут мы изучали особенности одного из видов морских рыб. Однажды это были бычки. А бычки — это ведь «Белеет парус одинокий!» Она просила нас открыть книги на странице, которая, как ни странно, никогда раньше на глаза не попадалась, и статья оказывалась удивительно интересной!

В кружок я пришел осенью, сразу после того, как забросил сначала бассейн, а потом и бокс. Завел дома аквариум и смотрел в него так, как сейчас смотрят в телевизор. Вечерами.

Еще через месяц я привел друга — одноклассника Сережу. У него тоже был аквариум, по воскресеньям мы вместе ходили на рыбный рынок. Серега жил на три квартала ближе к рынку.

Морских рыб там никто, конечно, не продавал. Но количество и разнообразие пресноводных вдохновляло.

Потом сперва появились слухи — кружку предстоит океанографическая экспедиция. Через месяц их полностью развеяла Ирина Юрьевна. В июле наш кружок едет на неделю к реке, в лагерь. Конечно, это можно было бы назвать и поездкой. Но тогда это и была бы поездка. Она не стала бы той экспедицией, которую я помню в деталях до сих пор.

Не помню, правда, каким образом нас набрался целый туристический автобус, как мы добрались до места и даже названия места я не помню. Несколько раз пытался потом найти его на машине, но поиски эти не дали никаких результатов. Но честное пионерское, все события нашей экспедиции — подлинные.

Автобус прибыл к трехэтажному бетонному корпусу, утопавшему в зарослях дикого винограда, и никакой реки мы там не увидели. Для многих из нас, двенадцати-тринадцатилетних детей и подростков, это была первая поездка компанией без родителей. Первый чай, разливаемый под натиском комаров в шатре на берегу, первый самостоятельный бег по воде. Первый сон в четырехместных палатах санатория и ночная ходьба по коридорам.

Наутро мы проснулись в раю. Бетонная дорожка вела от корпуса к берегу, но не самой реки, а Или, довольно внушительная и медлительная коричневая змея — мы оказались на берегу протоки, отделявшей от русла островом. Остров выглядел пиратским и загадочным. Добраться до него можно было на пароме, вытягивая переброшенный канат, плескавшийся в воде, как змей, на себя. Если тянуть втроем, то за пять минут, а по одиночке на остров ходить не разрешалось, да и жутковато, там, кроме густых зарослей вдоль берега можно было найти чьи-то норы у песчаной тропинки, небольшую пустыню с барханами тончайшего песка, обрыв с видом на реку и возмущенный хор птиц.

Зато нам разрешили купаться в заливе-протоке с прогретой прозрачной водой, гулять по территории санатория и наблюдать за муравьиными львами. Впереди маячило океанографическое задание для каждого. Забегая вперед, скажу,

что мне досталось собрать коллекцию насекомых, обитавших в реке, на реке и над рекой. Я, само собой, имею в виду водомерок. Муравьиные львы не входили в мою компетенцию, но я выкопал нескольких, и они выглядели разоблаченными и жалкими.

Слава умел рисовать, держался обособленно и был выше на голову почти всех мальчишек. Не по возрасту, словом, обладал необходимым набором достоинств для того, чтобы увлечь всех девчонок разом. Он не прилагал никаких видимых усилий, стоило после завтрака Славе выйти к реке на пленэр и начать очередной пейзаж, в зале столовой оставались практически одни мальчишки. Две девочки — копуши и любительницы булочек не в счет.

Нам оставалось играть в футбол на берегу, купаться перед обедом, когда солнце разгоняло комаров и исследовать наш остров небольшими группами во главе с кем-нибудь из вожатых. Изю всех вожатых мы знали только Ирину Юрьевну, которая отвечала за хозяйственные дела и времени на нас почти не имела. Трое других, две женщины и мужчина в джинсовом костюме, все в возрасте лет двадцати пяти, работали на кураже. Уже на пятый день экспедиции они задумали устроить нам дискотеку. Слава определился с выбором, счастливицей оказалась такая же, как он, молчаливая девочка по имени Марина, которой я тоже немного симпатизировал. Но идеальная пара состоялась, и простым смертным можно было начинать обустройства свои собственные судьбы.

Еще до того, как нашу идиллию нарушили наркоманы, произошла одна история, заслуживающая внимания. Я мог бы наловить стрекоз для коллекции и у берега, но поле моего зрения постоянно раздражали огромные фантичных цветов особи, кружившие над пятнами кувшинок в десяти метрах от берега, почти над самой серединой протоки.

Признаюсь, это была не моя идея. Серега первым увидел мыльницу и предложил помочь. Мыльницей все называли пластмассовую лодку, с низкими бортами нежно-

зеленого цвета снаружи и серого внутри. Иначе как мельницей эту вещицу и назвать было невозможно. К тому же дно у лодки было плоским, и я даже не уверен в том, что это была лодка, вполне возможно, просто большое иностранное корыто для стирки.

Гребли мы сланцами. Лодка едва вместила нас двоих, опасно погрузившись, но мы не придали этому значение. Поездка за стрекозами не могла занять дольше десяти минут. До кувшинок добрались быстро, вода здесь уже не была такая теплая и тревожно пахла рыбой. Ухватить стрекоз не получалось, я боялся шевелиться, борта захлестывало водой, но несколько мощных слаженных гребков и все получилось. Жесткие как проволока стебли скребли дно лодки, мы продвинулись на самую середину пятна кувшинок, и теперь оно крепко держало нас. Эти две стрекозы на булавках долго потом висели в моей с братом комнате, и пока не осыпались крылья, напоминали о двух спасенных чудом жизнях. Мы пытались освободить мельницу из плена, едва не перевернулись несколько раз, утопили один сланец (не мой) и, в конце концов, вырвались, почти выбившись из сил. Но не тут-то было. Мельницу сразу подхватило течением и понесло в открытое море. Опомнились мы, только проплывая мимо шатра на берегу. Из него вышел какой-то мальчик с кружкой в одной руке и печеньем в другой и закричал: «Дураки, гребите к берегу!»

Руками и сланцами мы пытались спастись самостоятельно. Но скольких сил стоило нам выбраться из плена кувшинок! Ничего не оставалось, как начать звать на помощь. И нас услышали. Длинный сухой ствол торчал с берега острова почти в самом устье протоки. Мы одновременно ухватились за него и тут же почувствовали, что течение тащит мельницу под корягу, на дно. Здесь было совсем не глубоко и мельницу мы потом, в сумерках все-таки вернули на место. Кажется, все это осталось незамеченным. Ничто так не скрепляет мужскую дружбу, как разделенная тайна.

Все готовились к дискотеке. Особенно Валентин, вожакий в джинсовом костюме. Оказалось, что он еще и работает

диск-жокеем, так что нам просто повезло. Девочки тоже ждали этого дня, по вечерам запирались в комнатах, что-то примеряли и шушукались. Парней повели на рыбалку. Если пересечь остров по барханам и выйти на обрыв, можно, как оказалось, вытянуть крупную рыбу. Не люблю хвастаться, но я удивил всех, в первую очередь себя, поймав на блесну здорового леща, сгнившего потом в тени, под деревом, от неправильного засола и тоски по родной реке.

Утром того самого дня, после завтрака к нам в санаторий приехал милиционер. Вернее, их было двое. Один оставался в «уазике» у главного входа в санаторий. Солнце уже начинало печь, и второму милиционеру было жарко беседовать с Ириной Юрьевной на бетонной дорожке. В руке он держал коричневую кожаную папку и во время разговора обращался то к ней, то к Ирине Юрьевне. Нас собрали в столовой, пересчитали. На Валентине не было лица. Ирина Юрьевна попросила никуда не выходить из корпуса. Только на обед и на ужин.

Вдруг вперед выступил Валентин и, быстро шепнув Ирине Юрьевне «все равно ведь будут болтать», сказал нам о том, что в окрестностях санатория милиция ловит наркоманов. Дискотека не отменяется, просто перенесем ее на другой день.

Странное чувство стадной тревоги и разочарования. Мы переглядывались, с уважением смотрели на то, как спокойно милиционер доедает большую тарелку каши, запивая чаем, и переживали не за себя, а за Ирину Юрьевну. Честно говоря, она никогда не была похожа ни на настоящего океанолога, ни на руководителя экспедиции. Она была простой учительницей начальных классов, и сейчас это каким-то образом стало совершенно очевидно.

Все-таки мы уже почти не дети и могли бы даже помочь милиции. Обедали милиционер и его коллега по очереди, наверное, это было что-то вроде дежурства. До вечера все сидели в корпусе, не зная, чем заняться. В палатах душно, как в и коридоре, читать не хотелось, разговаривать тоже. Мы

ждали и представляли себе, как наркоманы окружают санаторий, тихо переползая по кустам, придерживая сухие ветки. Я подумал, что, если бы милиционер отдал мне пистолет, отсюда, со второго этажа, я мог бы стрелять гораздо точнее. Детские мысли, в общем. Иногда они меня еще посещали. Да что там, иногда бывают и до сих пор приходят и радуют.

Солнце на Или начинает садиться в июле часов в семь. Вместе с его светом уходит и тепло. Это прекрасно знают комары, которым не страшны ни наркоманы, ни милиционеры.

В шесть тридцать наркоманов поймали. Валентин еще днем собрал ветки для большого костра, и нам всем разрешили собраться вокруг него. Пока разгорался огонь и садилось солнце, подъехал другой уазик. Наркоманами оказались двое испуганных подростков, их усадили к костру, рубашка одного была порвана по рукаву, а у другого сажей перепачкано лицо. Никаких вещей, сумок или что там носят при себе наркоманы. Мне показалось, что они и сами довольны тем, что их поймали. По крайней мере, все кончилось. Милиционер сидел рядом с ними и тоже смотрел в костер. Выяснилось, что ждали понятых или кого-то еще важного. Как только по рации сообщили, он кивнул наркоманам головой, те молча поднялись и ушли через корпус. Слышно было, как завелись и уехали машины.

Валентин поднял сухой кусок ветки, посмотрел на него, произнес: «Лети, лети лепесток, через север на восток», — и бросил в костер. Слава повторил за ним, бросив в костер макушку камыша. Была и моя очередь, а Сергей закинул в костер что-то молча. Последней, конечно, бросала Ирина Юрьевна.

Дискотека состоялась следующим вечером. Вернее, чуть снова не сорвалась. Когда Валентин, долго возившийся с колонками, все-таки подключил их, выбило свет во всем корпусе. Девочки взвизгнули, но продолжили собираться в темных комнатах. Мы стояли в коридоре с подмышками, натертыми пахучими антиперспирантами. Сторож предложил использовать запасной генератор, несмотря на протес-

ты заведующей санаторием. Валентин умоляюще смотрел на нее, потом оставил их наедине, ушел и привез генератор на колесиках — грязную сложно устроенную железяку с длинным, необычно толстым проводом, и все подключилось. Звук генератора иногда перекрывал музыку, но это если зайти в корпус. Мы танцевали под фонарем, во дворе, над нашими головами плясали комары, а со скамеек наблюдали вожатые и Ирина Юрьевна. Из песен я запомнил только «Казанову», потому что впервые услышал голос «Нау», и «Белый, белый остров» группы «Комбинация», потому что я танцевал медленный танец с девочкой, имени которой я не помню. Шея ее пахла чудесно.

В конце с нами вместе танцевали вожатые, Валентин и Ирина Юрьевна. Не вспомню, что это была за песня.

Ну вот, из-за этих наркоманов я не успел рассказать о том, как к нам приезжали настоящие зоологи, среди них была даже девушка-энтомолог! Ночью они отправились с фонариком в барханы, и уже через час наша Ленка оторвала хвост ящерице, пытаюсь приподнять ее со стола, уставленного коробками с фауной песков. И все это после одиннадцати вечера, официально нарушая отбой.

И еще я не успел рассказать о том, что, копая червей, наткнулся на медведку. А если вы никогда не видели медведок, то лучше вам и не надо. Страшное существо: пронзительные чёрные бусинки глаз, мохнатые передние лапы, больше напоминающие клешни, панцирь с сочленениями как у средневековых рыцарских доспехов. Она не спешила удрать. Она не боялась. Просто ждала, что будет дальше, а потом, поняв, что я всего лишь наблюдатель, удалилась с достоинством, поднимаясь по осыпи, без оглядки, а из-под ее лапок вниз скатывались крошечные валуны, размером с туловище муравьиного льва.

МУЖЧИНА

С тех пор я справлял новый год двадцать пять раз. Иногда это бывало весело, но чаще всего я топил его в заботах, подальше от памяти, как ту убитую камнем лягушку в маленьком болотце с кашкой. Моим «Новым годом» была пара часов одиночества в городе, думаю, с часу дня, когда можно встретить в центре людей, случайно обронивших свои настоящие эмоции и подхватить их, неслышно следуя рядом. Этого хватало до первого, а иногда и до второго января.

В декабре девяносто третьего года я наводил мосты с однокурсницей, сидя на заднем сидении машины марки «Жигули». Странно, наверное, но в школе я ни разу ни с кем не целовался. Ни с девушкой, ни с парнем. Хотя бывало, о ком-то и мечтал. На переднем сидении глаза в глаза медитировали мой друг с его, как он считал, девушкой. Попсовый музыкант Газебо, казалось, сидел в районе подстаканника между сидениями и напевал нам вариации Шопена, сгущая краски.

Мне нравилось трогать ее волосы, вернее, слегка прикасаться к тем прядям, которые просвечивали в белой полутьме падающего снега, постепенно укрывавшего заднее стекло машины. Я смотрел в ее глаза, запускал в них что-то вроде любви, а она пребывала в позе покорности, и я догадывался, что это мое поведение девственника кажется ей странным до внутреннего смеха, проскакивавшего разрядами в дрожащей улыбке. Наташа. Закончилось все схождением пальцев наших рук в замок, что должно было символизировать, по моему мнению, намек на предстоящую новогоднюю ночь у меня дома.

К которой, впрочем, еще надо было подготовить реквизит. Шампанское и петарды мы купили на Никольском база-

ре, даже не на самом базаре, все можно было купить вокруг него, не ныряя в ряды, где торговали профессионалы. Мы предпочитали брать у лохов — инженеров, учителей и чертёжников из НИИ. Лучшая китайская водка привозилась ими неизвестно откуда, но водку мы взяли только одну, русскую российскую. Родители мои уехали отмечать к друзьям, предоставив частный дом с засыпанным снегом двором и протоптанными собакой тропинками в полном нашем распоряжении. Встречать новый год вчетвером, имея телевизор, магнитофон и все наготовленное, на первом курсе выглядит счастьем. Нагрязнуть в нашу идиллию грозились все. Но с некоторыми оговорками, которые в такую ночь могут обернуться обстоятельствами непреодолимой силы. Как в договоре на оформление кредита.

В десять вечера дамы уже мало напоминали прежних сокурсниц. Они были прекрасны, наши принцессы девятиногих. Да они прекрасны и сейчас, но тот особый шарм смеси совка, свободы и следов китайской границы в двухстах километрах не передается даже через распечатанные фотографии в моем университетском альбоме. Выложенные в сеть, эти снимки приобретают вид вынутой из аквариума огненной рыбки, оказавшейся серой тряпочкой на ладони.

Начали мы с семейных альбомов, разложенных на голые коленки. Оказывается, я не стеснялся быть в детстве смешным. Оборачиваясь на зов отца с горшка, не знал, что это останется насовсем. Я подумал, стоит ли показывать коллекцию марок, или это слишком большой шаг. Ведь коллекция принадлежала не только мне и хранилась у меня согласно очереди.

Они были лучшими подругами, соседками и понимали друг друга как инопланетяне, без слов. За столом это получалось особенно заметным, и даже уворачивались от брызг шампанского они одинаково, растопырив ладонь у лица. Сания все время уходил курить. От волнения он доводил нашу собаку, осиротевшую без моих родителей, до приступов хрипло-го кашля. Граф рвал ошейник, натягивая цепь струной, хорошо ещё, что у собак нет кадыка.

Ровно без пятнадцати полночь Саня вернулся в комнату вместе с моей бабулей. Жила она недалеко — открываешь калитку, соединявшую наши дворы в узком проходе между домами, и всё. Вот она — бабуля. Аграфена Родионовна. Скорее всего, я вырос таким влюбленным в одиночество и тишину благодаря ей и проведенному в ее окружении детству. Гуляли в том доме с размахом и аккордеоном, дед неплохо играл, она пела застольные русские, а после водки и украинские песни душевно и плясала. Могла даже одна. Пьянством в то время это не называлось.

В глазах у моей любимой бабушки светилось желание «вдарить рок в этой дыре», как сказали бы стареющие металлосты. Я хорошо знал этот взгляд, направленный сейчас в спину флегматичному грузному Сане. Мне стало страшно. Такие мечты не должны сбываться. Трепетно и вкрадчиво познакомившись с дамами (Наташа — Ира — бабушка его), она предложила нам выпить сразу водки, разлив из бутылки, которую принесла с собой для знакомства. Бабуля превосходно крутила компоты на зиму, я жить без них не мог и сейчас не знаю, как существую. В нашем распоряжении оказалась трёхлитровая банка, тяжелая. Когда произнесли тост, я увидел, как исхудало её лицо. Она, опытный фельдшер, знала о своем белокровии многое, почти всё.

До самой речи они танцевали с Наташей под то, что было по телевизору. Я впервые видел свою даму вне института, вне ее комнаты и вне созданного мной уютного подпространства. По взглядам, какие они бросали друг на друга, я понял, что когда пляска завершится, бабушка предложит мне жениться на Наташе. Я понял, глядя на весь этот душевный дискомфорт, что я больше не хочу жениться на ней, и даже, возможно, вообще не хочу.

Когда бабуля вышла за дверь, расцеловав всех по очереди белым запахом пудры, бросив нас посреди танца переглядываться неловкими улыбками, на улице бешено загремели салюты.

Пора было!

В людях, выхватываемых из темноты и стелющегося дыма вспышками и всполохами, угадывались пьяные соседи в наспех наброшенных куртках. Насупленные укутанные дети с сомнением стояли вдоль сугробов, еще не способные до конца оценить этого ритуала ответа президенту громом и молниями.

Высокая тень, в которой угадывался рост моего сокурсника, оказалась рядом и поздоровавшись, рассмеялась высоко и противно. Наташа сообщила Сане, что им придется уехать, так как родители звонили и можно не провозжать, потому что нельзя сейчас бросать дом и перепуганную собаку и что моя бабушка — золото и очень ей понравилась и спасибо, надо забрать только сумки. Не хотелось смотреть ей в глаза, и я притворился уже пьяным, во всяком случае, пьянее, чем я был на тот момент. Холод сделал свое дело.

Хотелось, чтобы они ушли немедленно. Но тень заявила, что в таком состоянии нас с Саней бросать нельзя, и неплохо бы еще немного поужинать, потому что нам с Саней точно надо как следует поесть.

В ту новогоднюю ночь я блевал в сугроб возле нашего гаража. Из меня летели частички растворимого кофе, ведь оно помогает протрезветь, если заварить очень-очень крепко. Хотя ничего уже не спасет после полуночи и водки, особенно если раньше ты пил ее только однажды.

Несколько раз меня спросили в процессе, хорошо ли я себя чувствую.

Когда они ушли, мы целый час провели около телевизора, бессмысленно видя всех этих людей с микрофонами и жестами. Не знаю, может Саня тоже блевал. От сигарет. Он толстокожий и никогда не скажешь, что чувствует, если не приглядываться к тому, с каким выражением лица он совершает затяжку. Мы вместе торговали на барахолке целый год до моего поступления в университет, и я изучил все его нервы.

Кто первый предложил пострелять в честь Нового года по московскому, я не помню. Так всегда делали его и мои родители, и мы просто взяли все оставшиеся петарды на улице.

Справа что-то бабахнуло, я отступил. Целая батарея небольших красных петард-патронов палила пулеметным огнем, извиваясь по асфальту. Я вспомнил, что лет пять назад, когда улицу раскопали — меняли большую магистральную трубу, как раз в этом месте был временный деревянный мост, и мы, рискуя, проезжали по нему на великах туда-сюда.

За моей спиной в небо ушла ракета, я даже присел, так ухнуло. Вверху был ад — ничего не видно, тучи, дым и смог от крышек и газетных вязанок «Казахстанской Правды», «SPEED-ИНФО» и просто «Правды», которыми топился частный сектор. Я отступил еще на несколько шагов и заблудился. Шёл куда-то вниз по улице, не узнавая дворов и калиток. Там не так стреляли, и захотелось побыть в относительной тишине, но дым полз и сюда, догоняя меня. Справа у распахнутой калитки курили двое, жестикулируя. Салют заканчивался, все возвращались. Осторожно, проверяя уши, лаяли собаки.

— Э, иди сюда! — я остановился, глядя в сторону этих двоих.

— Ты чё! — сказал второй с оттенком, скользнувшим от утверждения к вопросу.

— Привет, — сказал я, произнеся хоть что-то впервые за последнее время.

— Иди сюда, подойди, не бойся, — первый, кажется, был не таким пьяным. Вставил сигарету в рот, не торопился, потом схватил меня за скользкий рукав и втащил в калитку.

— Я плыл настоящим холодцом, податливым и безразличным.

Во дворе второй сбил с меня меховую ушанку. Это была почти угроза. Дым полз во двор.

— Русский? Как зовут? — не помню, кто спросил.

— Юрий.

— А, Юра, русский!

— Убьем нах.

— Чуваш вообще-то, — это метод, читал о нём где-то в «Ровеснике»: надо сказать хулиганам что-нибудь необычное.

— Что за чуваш? Православный? Бог кто?

— Чуваши, кажется, мусульмане, — я искал глазами шапку, планируя дернуться и убежать. Калитку они мне оставили незакрытой. Я начал быстро соображать. Страх и кофе.

— Да, да, чуваши — мусульмане, — подхватил второй, обрадовавшись.

Я молчал. Шапки нигде не было.

— Э, ну, иди, ладно!

— Спасибо, — я слишком часто говорю спасибо, иногда за это бывает стыдно.

Я захлопнул калитку и пошел прочь неровно. Крутились слова отца про церковь в Хомутери, разрушенную коммунистами. Уши горели. По разным причинам.

Помню, что еще предпринял пару попыток найти калитку и шапку, подумав, что скажу им «Салам аллейкум».

«Салам аллейкум», повторял я беззвучно в морозный воздух, возвращаясь к дому. Ключ нашупал в кармане. На улице никого уже не было, свои ворота я узнал издалека. Рядом с ними танцевали. Саня и мой сосед — музыкант, выступавший в кабаках, довольно известный. Позже он подарит мне «Поливокс» и еще позже ужаснется тому, что я бессмысленно разобрал дорогой синтезатор на части. Но тогда он танцевал с Саней и со своей женой, хотя Саня скорее притопывал, а жену я даже сперва не заметил. Музыка не было, но это не напрягало. Я понял, что они пьяные и понял, что я трезвый.

— Ты где был? Дом закрыт! — спросил Саня.

«Слава богу, — подумал я, — дом закрыт».

— А идемте к нам ребят, у нас весело! Потанцуем и споем!

— Да, мы уже пели сегодня, спасибо, Алексей, — я звал его Алексей, а не дядя Алексей.

— Ликером вас угостим, — сказала его распахнутая жена. Мы не были знакомы.

Высокое крыльцо и за ним холодная прихожая, на полу которой, в углу, стоят две желтые кастрюли, составленные друг на друга. Противного общепитовского цвета.

— Не надо разуваться!!! — сказал Алексей, разуваясь.

В зале было чудо — настоящая светомузыка. Диско-шар, каким-то образом подвешенный на уровне люстры, бросал пули серебряного света, превращая взлохмаченный диван, стол, уставленный всем, стулья в тайну. Отвечал ему только экран телевизора, тихо певший голосом Маркина про поцелуи на песке.

В углу дивана, поджав под себя ноги, сидела женщина, она вежливо поздоровалась с нами. Когда мы сели к столу, осталась на диване, игнорируя ликер и предложенные салаты. Она сидела прямо за моей спиной, и я загоразживал ей Маркина.

Всё-таки я переместился вместе со стулом вправо, место ещё оставалось. Ликер был необычайно синим. Хит года, но мы не решились купить. Я засмеялся, когда они начали говорить своими синими ртами — это было смешно.

Бывают ситуации, когда видишь несчастного человека и думаешь помочь, но лучше не надо, а надо, чтобы человек сам пережил, справился. Это как раз и есть наглядный случай эффекта бабочки, о котором все говорят.

Боковым зрением я наблюдал за тем, что происходит на диване. Грусть придавала ее лицу кинематографичности, но она не играла, просто комфортный образ, будто спустилась со сцены, где её платье, вырез, шею, губы, ноги и плечи растерзали глазами и всё вернули.

Почувствовала мое внимание. Это выдала пробежавшая улыбка, которую я принял на свой счёт. Я не слушал синие рты. Меньше всего хотелось, чтобы она присоединилась к нам после просьбы Алексея, но она подсела. Мои однокурсницы и знакомые выбирали себе модные прически, модные вещи и искали индивидуальности, настолько, насколько это было возможно в то время, но они не осмелились бы остановиться на одной детали, на только платье.

Цвета серебряного тумана, делавшее её похожей на русалку, если бы не птичьи щиколотки. Теперь она сидела напротив, отсутствуя.

Мы разминулись в каждом измерении, но у меня горели щеки и дрожали пальцы, которыми я зажигал спички, забытые возле металлического костра погибших бенгальских огней. В голове у меня играла совсем другая музыка, не помню её, у меня сниженный болевой порог, поэтому приходилось отпускать спичку, не додержав до конца.

Она замечала эти огоньки, даже попросила меня передать её бокал с другого края. Пальцы скользнули, звякнув ногтем по ножке и дотронувшись до моей уже не дрожавшей руки. Отпив вина, она посмотрела на меня пристально, я чувствовал это, не поднимая глаз, разглядывая очередную жертву — спичку.

Потом предусмотрительно отвернулась. Похолодело внутри, как перед прыжком с моста, но я продолжал изучать её и получил второй шанс.

Она посмотрела на меня и увидела.

ДАЧА

Дача располагалась высоко в горах, почти в самом конце ущелья, рядом с территорией бывшего санатория союзного значения, не заброшенного, законсервированного военными. По соседству несколько домов сотрудников. С участками, давно выкупленными по объявлениям в газетах. Город — далеко, горы — близко, вот они. Можно увидеть сахарные вершины дальних пиков, если раздвинуть ветки груши над головой, давно выродившейся, с побитыми тлей листьями. Этими листьями усыпан двор, Борису пришлось смести их со скамейки рукой, прежде чем они сели на облупившуюся краску. Мечта построить здесь буддийский храм трансформировалась в сад камней, примитивный, заброшенный, как и мечта. Зато по камням, которые он так и не затащил в палисадник, можно было спуститься к ручью, словно по ступенькам. Ручей зарос огромными лопухами, но слышен был прекрасно.

Других звуков как будто не было. Лида разулась и устроила ноги ему на колени, удобно расположившись в углу садовой скамьи с витыми чугунными подлокотниками и наклонной спинкой, прикрыв лицо широкополой шляпой. Борис закрыл глаза, вспоминая дорогу сюда, два обрыва над горной рекой, по краю которых Нива уверенно проскакала, вырывая камни, горный щебень, присыпавший асфальт там, где он еще не сполз с полотна дороги. Сюда не ездит никто. Теперь даже военные и грибники. Воздух чистый как родниковая вода. Тишина. Он открыл глаза. Казалось, Лида уснула. Он аккуратно поменял положение своих затекших ног, чуть-чуть, то ли рука, то ли ветер сдвинули ее юбку, и он смотрел, как черный шов убегает выше скрещенных ног, повторяя из-

гиб лона. Он попросил Лиду не надевать трусики, только колготки, и она исполнила. Но вся идея того не стоила. В Ниве было безумно тесно, а в неухоженном доме совершенно негигиенично. Борису и самому не хотелось проходить дальше коридора. Дверь он оставлял незапертой, в надежде на то, что возможные незваные гости увидят, что брать нечего, присвоят консервы и уберутся. Но однажды здесь могли ночевать бездомные.

— В колготках безумно жарко. Кто бы знал, что здесь может быть такая жара, — приятный, с глубиной, голос Лиды раздавался из-под шляпы. Борис наблюдал, как она пошевелила пальцами ног, бордовый педикюр казался черным белым под тканью.

— Здесь клещи, ты же не хочешь, чтобы один из них пробрался сюда, — Борис пощекотал ее, еще выше сдвинув юбку. Лида резко и спортивно подтянула ноги к животу, оставив ему обтянутую идеальную попку.

— Какие еще клещи, ты же меня защищаешь, — она села рядом, поправив рукой шляпу, совершенно естественным движением. Вот за этим и шляпки, подумал Борис. Лида была как взрослая женщина с телом юной богини. Он вел семинар у первокурсников, вернее у первокурсниц и сразу заметил этот взгляд. Который сейчас был устремлен в заросли лопухов в поисках источника звука.

— Парит перед дождем, — Борис тоже обернулся.

Пегая гладкошерстная довольно крупных размеров собака вышла к скамейке со стороны ручья и, не смея приблизиться, высунула язык, облизываясь и поскуливая.

— Борь, у нас есть что-нибудь?

В глазах у собаки уже не было никакой надежды остаться с людьми, только голодная просьба.

— Давай-ка я дома посмотрю. Не боишься, что укусит?

— Нет, не укусит. Зачем я ей? Ей бы колбасы.

— Хорошо, посиди, может, консерва дома осталась.

В столе и шкафу над столом ничего не было. Соль в солонке и пачка соды, почти не использованная.

Собака смотрела на Лиду, но сразу перевела взгляд на Бориса, только он захлопнул за собой дверь.

— Ничего съедобного.

— Извини, собака, — Лида развела руками.

Та облизнулась длинным языком и заскулила.

— Боря, давай уедем отсюда.

— Садись в машину.

Закрывая за собой ворота, Борис смотрел, как собака уходит в заросли лопухов, словно профессиональная нищенка, не оглянувшись.

Тоненький неистребимый запах бензина в салоне и равномерный шум двигателя успокаивали. Лида попробовала поискать радиоволны, но слышалось то шипение, то тишина, и она стала разглядывать речку под обрывом, ниже она скроется в бурных зарослях и хищного блеска перекаатов там уже не увидеть.

Безо всякого предупреждения крупные капли забарабанили по лобовому стеклу. Держа руль обеими руками, Борис поглядывал вверх, за зеркало заднего вида, стараясь разглядеть саму тучу, — под тучу заехали, прорвемся.

Лида, кажется, растерялась от этой ситуации, достала мобильный телефон и что-то переключала на экране. Она всегда так делала, когда не знала, как поступить в его присутствии. Со сверстниками такого бы не было, боится ошибиться, умничка, подумал Борис еще в самый первый раз. При чем здесь эта умничка, вообще. Привязалось.

Несмотря на разговоры о Кристе Вульф, возможностях секса и джазе, он был ее первым мужчиной. Однажды, помогая сложить вещи в багажник Нивы, она нашла там польский журнал Кэтс и, внимательно рассмотрев все фотографии обнаженных моделей, потребовала купить ей все костюмы из номера, заявив, что если он трахнет ее во всех этих адских нарядах, ему останется мечтать только о ней. Иногда, сбросив этот образ искушенности, она вела себя как сверстницы, хохотала над тем, что он читает журналы из бумаги.

Ливень без предупреждения перешел в мелкий град, и окна стали запотевать. Нива шла, тесно прижавшись к осыпи, медленно, выбрасывая мокрый щебень из-под колес, словно кошка, закапывающая за собой. Когда машина «плыла» в сторону, Борис сжимал руль обеими руками и делал вид, что машина полностью под контролем. Лида смотрела в разводы капель на стекле, бешено сметаемых дворниками.

Миновав узкое место, Нива села посреди грязевой лужи и жалобно завывала колесами.

— Боря, попробуй спуститься до связи, пожалуйста, мне маме надо позвонить, — как странно звучало это «Боря» сейчас. Давно ведь не Боря, а все Боря.

— Мы сели, солнышко, давай тучу переждем. Это недолго. Вот ведь солнце было.

— Они умирают, волнуются, и я тоже. Я так не могу, — Лида до побелевших косточек сжимала в руке телефон.

— Посидим, мы ничего не изменим. Все можно объяснить.

— Ну как я им объясню, где я?

— Давай я объясню.

— Они меня выгонят. Куда я пойду. К тебе?

— Пересидим. Связь за этой горой. Точно.

— Уверен?

— Конечно, уверен. И радио тоже. Потерпи.

— Нет, я схожу, — Лида потянулась к дверной ручке.

— Сиди, там же ливень.

— Я буду секси, когда вернусь, увидишь.

— Стой!

Влажно и тепло снаружи, шум дождя многократно усилился, потом хлопнула дверь. Он смотрел, как Лида испугалась, сразу же промокнув насквозь. Опешила. Потом обернулась, натянуто улыбнувшись, длинные волосы прядями прилипли к лицу. Это, и правда, выглядело невероятно обольстительно.

Стараясь не промочить белые кроссовки, она перепрыгнула лужу и шла, прижимаясь к осыпи. Там, где дорога сужа-

лась почти до колени, ее мокрый силуэт стал похож на персонаж картины какого-то знаменитого экспрессиониста.

Вдруг половина дороги срезом пирога поползла вниз. Лида неуклюже вскинула руки, и все исчезло. Остались только ливень, карниз и серая пелена вместо ущелья внизу. Ватный туман.

Борис выскочил и захлопнул дверь, ливень слепил глаза, заливал нос, не давая дышать. Он осторожно подошел к новому узкому месту, и глянул с обрыва вниз, на реку. Метрах в двадцати, на берегу, превратившемся в бурю кипящую воду, лежала груда камней. Нелепо раскинутые черные ноги безвольно высывались из-под щебня. Тело засыпало. Вода уже слизывала грудь, и вскоре что-то молочно белое, цвета фарфоровых кукол, перекатилось и исчезло в потоке, мелькая перекатами.

До ворот дачи Борис дошел совершенно замерзшим. Холод и тяжесть рубашки сковывали руки, когда он пытался справиться с замком на воротах. Ключ он забрал из Нивы. Дождь еле моросил, солнца видно не было, как раз сейчас оно садилось где-то за плотной тучей. Просто темнело.

Он зашел в дом, пройдя коридор и оказавшись в зале, там стоял затхлый запах одеял, диван был заправлен целым слоем белья, в разное время сюда привезенного, можно было отследить историю дачной жизни, словно по кольцам дерева. Понадобилась сила, чтобы распахнуть оба окна, хрустнув ветками разросшихся без ухода деревьев.

Борис снял мокрую рубашку и достал из шкафа старый черный свитер жены. Вернувшись на кухню, он еще раз посмотрел в шкафах и на полке. Чувство голода становилось тревожным.

Шаря на верхней полке, он побеспокоил целлофановый пакет с сахаром, белый песок начал сыпаться на стол, образуя горку. Он захлопнул полку, и струйка исчезла.

Он вышел во двор, наткнулся на темноту и светлую полосу, очерчивавшую гору. Смотрел, как быстро она сужается. Потом стал подбирать разбросанные по асфальту двора

груши, несколько крупных закатились под скамейку, очертания лампочек едва можно было выделить среди листьев, приходилось шарить рукой.

Борис относил груши на кухню, там уже собралось штук двадцать. Потом принес ведро воды и вымыл их, глухо бросая в пустую кастрюлю на газе. Потом принес воды и для кастрюли. Засыпал туда весь пакет сахара и поджег конфорку. Хотелось стоять как можно ближе, чтобы сырые брюки почувствовали тепло. Он взял нож, и поочередно извлекая из теплой липкой воды плоды, стал резать их на грубые куски и бросать обратно в кастрюлю. До тех пор, пока вода не стала невыносимо горячей. Тогда он вымыл руки в ведре и стал ждать, усевшись на диван в зале. Потом открыл глаза и услышал теплый запах компота. За то время, пока он спал, выкипела половина кастрюли, и для того, чтобы набрать жидкости, приходилось выжимать ее кружкой из массы вареных плодов.

Горячий сироп никак не хотел остывать, и он пил его, обжигая горло. Кружку за кружкой, стучая по стенкам кастрюли.

Голода он уже не чувствовал, и появилось желание выпить столько, чтобы подкатила тошнота и вырвало. Выпив все, что можно было выжать, он снова вышел во двор, вдохнув холод. Ему очень хотелось увидеть звезды, но ничего не было видно, кроме угадывавшихся в темноте веток дерева.

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

То, что золотая цепочка порвалась, Виктор воспринял просто: данность вселенной. Иногда все цепи рвутся. У жены была привычка вменять ответственность за подаренную вещь именно тому, кто являлся автором подарка. Это оказалось даже удобно. Подаренная тестем пять лет назад подержанная Тойота бумерангом возвращалась к подъезду его квартиры каждый раз, когда начинала умирать от недостатка внимания хозяйки. Что-то вроде пожизненной гарантии на подаренные вещи жена распространяла на все, кроме съедобного. Но могла и позвонить: «Мам, я твоим салатом отравилась. Вчера уже не стала тебе говорить».

Виктору досталась порванная цепочка. Пятилетие, кажется, брака, отмечать решили в грузинском ресторане. Где-то на окраине города, ближайший к Тбилиси ресторан горел вечерними новогодними гирляндами, словно одинокая карусель в парке. Подруга жены любила это место. Здесь пахло дымом мангала, безудержной водкой и кипятком. Цепочку Виктор преподнес после того, как доели шашлык. Жена обрадовалась, тонкая золотая цепочка ко всему сгодится. Она назвала её классической. И вот теперь цепочка лежала в кармане, в той же самой коробочке, цену с которой Виктор соскреб, сидя в машине. Еще в «Ладе» тогда.

Отпросившись с работы всего на полдня, можно многое успеть, если ничего не делать. Не претендующая на статус торговая галерея, проходная насквозь, от торговли в метро отличается только людьми. В метро ходят не по своей воле, точно в туалет, а в галерее зимой тепло, а летом — кондиционер. Виктора дважды толкнули в плечо и один раз кто-то дернул за руку — нужно было время, чтобы осознать, что

окно ювелира-гравера закрыто и мобильный телефон, указанный в заткнутой за край стекла визитке ничем не поможет. Было ясно, что ювелир не отошел, не вышел и не отлучился — его не было.

Виктору захотелось в туалет, и только благодаря этому он и сделал замечательное открытие — галерея имеет два этажа. Лестница почти незаметна. На втором этаже один посетитель у окошка отдельно стоящей будки, прямо по центру коридора. Под лампой. Дверь в туалет с надписью «сто тенге». Виктор сощурился и понял, что не видит надписи на стекле будки.

Виктор подошел ближе и разобрал, что там написано. Отвернулся. Возвращаясь к лестнице, думал: «ЧАСОВОЙ МАСТЕР» — это на публику. Опомнился уже на первом и даже вышел на улицу. В этой школе он когда-то учился с третьего по седьмой. Потом была травля и уход в английскую спецшколу, где язык вызывал отвращение у всех. Живого носителя английского языка он встретил в тысяча девятьсот девяностом и сильно испугался.

Туалет был на втором, вахтерша с недоверием посмотрела вослед. В туалете никого не было, жутко воняло тайным курением и мочой. Приоткрытое окно не спасало, крашенные белой глянцевой краской деревянные двери покрыты буграми. Словно лицо пятиклассника. И унитазы — дыры в полу. В английской спецшколе туалеты были точно такими же, вместо зеркал над краном меняющиеся после прихода уборщицы грубые послания и впечатления пробуждающихся умов. Будто они избавляются от ненужного багажа — оболочки кокона детской вызывающей нелепости. Из этого рождаются мужчины и мужики. Из вони школьного туалета в вонь армейского и дальше, а кому повезет увидеть рай уборной турецкого отеля, тот просветлен навсегда.

Виктор послал.

Свежий холод утра выветрил вонь из носа, но не из памяти. Поднявшись уверенно по лестнице, он подошел к окошку часового мастера. Потолочная лампа заливала ак-

вариум его будки тусклым светом, на который усатый человек не обращал внимания. Лампа на его столе посылала луч на растерзанные часы, прикрытые от верхнего света спиной мастера.

Виктор соображал, как построить разговор, чтобы не выглядеть совсем безнадежно.

Правый глаз мастера — увеличительное стекло в черном корпусе, что-то вроде глаза мультипликационного робота. Левый — без признаков любопытства.

— Здравствуйте, — Виктор начал так, — а вы занимаетесь ремонтом ювелирных украшений?

— Бог миловал, — ответил не сразу, оставив паузу на взгляд.

Неожиданно для себя Виктор засмеялся. Ничего не сказав больше, отошел от киоска, оставив мастера опять склониться над часами.

Он заметил обложку журнала «Техника — молодежи» на противоположной стене будки. Обожгло. Профиль космонавта в футуристическом шлеме совпадает с диском Луны, и космический рассвет, ползущий с правого края обложки, позволяет разглядеть и мужественное лицо и кратеры, отбрасывающие маленькие тени. Виктор стал вспоминать содержание и вспомнил. Особенно рассказ. Но невозможно уже было вспомнить детали. Только ощущение. Он механически шел по направлению к лестнице на первый этаж. Оглянулся на будку — лампа на потолке все так же подмигивала, мастера, впрочем не беспокоя, а других посетителей на всем этаже не было. Возвращаясь, Виктор уже придумал. Придумал ничего не мудрить.

— Извините еще раз. Пожалуйста.

— Да, — мастер, казалось, не узнал его. Потом узнал, но только сощуренным свободным глазом.

— Я вижу за вашей спиной. Я увидел. Эту обложку. А может быть, это у вас журнал целиком? У меня не сохранился.

— А у меня сохранился.

Мастер даже не обернулся, чтобы в этом убедиться.

— Простите, а можно глянуть?

— С чего это?

Ответить было нечего, и Виктор просто смотрел на робот-глаз. Представляя, каким он может оказаться через этот прибор. Потом качнулся вперед и сказал:

— Я здесь его полистаю, вот, на диванчике. Я вам в залог цепочку золотую дам. Можно?

— Валяйте.

Виктор держал руку в кармане, а в руке был зажат пакетик с цепочкой. Он с готовностью положил его перед мастером.

— Вы проверьте. Там цепочка.

— Ладно, пусть здесь лежит. Вы сами посматривайте за ней, когда будете читать рассказ. У меня часы. Голос мастера напоминал киноактерский, выразительные паузы добавляли веса словам, а о некоторые слова его голос ударялся, как будто о камни.

Мастер легко обернулся и снял журнал с полки. За ним оказалось еще несколько номеров, и обложка следующего заставила Виктора даже цокнуть языком.

— Да у вас коллекция, мастер!

— Да, но не библиотека!

— Я полчаса посижу, мне и нельзя дольше.

— Кто это сказал? Мастер протянул журнал в окошко, широкое настолько, что и сворачивать не пришлось.

— Кто сказал что? — Виктор ощутил обложку, необычную, какие начались только в девяностые. Твердая бумага с амбициями картона, как будто искусственная, не совсем даже целлюлозная.

— Кто следит за вашим временем? — часовщик уже взвешивал в руке часы, осиротевшие на пару шестеренок.

— Дела следят. У вас что, профессиональная деформация, мастер?

— Будем считать, что так. Ладно.

Виктор понял, что дивана, на который он обещал сесть, не существует на этаже, и он, решив, что это частности, уселся в облезлое кожзамовое кресло у вазона.

Журнал открылся на развороте с «Миром». Пахнуло надеждой и разочарованием. Никакой пыли, как будто номер недавно листали, Виктор еще раз убедился, что со временем это ощущение удивления от бумаги никуда не делось. Так же как в тот день, когда он забрал номер на почте, не доверяя распоясавшейся доставке, а на обратном пути его пытались подцепить словами какие-то хулиганы, а он выбрал бегство. Он никогда не стеснялся убежать, объясняя себе это нестандартным поведением. По телевизору рассказывали, что оно спасает, ставит в тупик. Он бежал с журналом под мышкой, выронил его на асфальт, подобрал, чиркнув ногтем указательного пальца до крови. Этим пальцем он не касался бумаги, кровь быстро остановилась, и больше ничего не беспокоило и не отвлекало. Пролистывая новости технологий, он шел к рассказу. Профиль космонавта на фоне лунной поверхности, кратеры, космический рассвет, название внизу страницы и автор. Он всегда пытался в таких вот случаях не торопиться. Угадать по иллюстрации и фамилии автора. Фамилия имела значение всегда. Неуклюжее Кир Булычев или пиратское Эдмон Гамильтон. Бывала еще и фамилия переводчика. Рассказ явно о космонавте... Виктор сел удобнее, кресло, казалось, не издало ни звука.

Начиналось все очень странно — с биографической справки о майоре Советской Армии по фамилии Шестаков. Ничего не было в ней примечательного, привлекла внимание подробность — служил в составе контингента советских войск на Кубе. Перечитав еще раз, он понял, что эта статья так специально и выводит к Кубе, к этой строке с Кубой.

Голос этого Шестакова представлялся ему крепким, неторопливым, голос, которым вспоминают важное, волнуясь, но держа себя в руках.

— Я явился. Вечером уже. Сказали — самолет с Гагариным сядет в четыре утра. Его отвезут сразу в Посольство.

Скорее всего, ляжет спать, но вдруг что понадобится. Дежурство. Пять часов — выспаться. Дальше не спать.

Гагарин, он ведь не спит. То есть, я не знаю, спал ли он, когда привезли. Свет под дверью горел. Но он ничего не просил. Я думал, а что ему надо-то? Перелет долгий. Климат другой совсем. Я сидел на стуле, на каком-то аристократическом полукресле, невесть откуда взявшемся, может, Кастро приволок откуда-то. Табаком оно пахло. Поэтому его из комнаты Гагарина и вынесли, он ведь не выносит табачной вони. Вот если выйдет сейчас и предложит прогуляться, что мне тогда делать? Доложить? Прогуляться по ночной Гаване? Я стал выдумывать сценарии. Вот мы приходим в бар, а там его, конечно, узнают. Девочки — огонь. Особенно Милли. Она там обязательно может оказаться. И что мне тогда делать? А главное — что ему-то тогда делать?

В девять утра я услышал шаги в коридоре, и они меня не разбудили, я всего лишь поднял голову. Лейтенант пришел. Тоже из Москвы. Он постучался в дверь, и я подумал, что это такой ритуал у них, ежеутренний. Мне никогда не приходило в голову злиться или держать обиду в такие моменты. Обиды вытравливают из рядовых. Выходит, я не пригодился. Служба есть служба. Эти восемь часов моей жизни понадобились стране, и я их ей отдал. Гагарин открыл немедленно после стука в дверь и вышел в коридор совершенно свежим. Он обернулся в мою сторону так, будто знал о моем присутствии здесь все это время. Он сухо кивнул и за руку поздоровался с лейтенантом.

Когда шаги стихли, я отправился на доклад, но, проходя мимо открытой двери комнаты, которую теперь можно было называть его комнатой, заглянул внутрь. На белом одеяле аккуратно заправленной кровати лежала книга, несомненно, принадлежавшая нашей скромной библиотеке. Двери я закрывать не стал.

Проходя мимо шкафа у входа в приемную посла, я все-таки перекидал рукой корешки стоявших там книг. «Старик и море» оказалась между сводом правил дипломатической

службы и книгой, о которой я не могу рассказать, я и так слишком много рассказываю, хотя вообще-то неразговорчив.

Чем же я занимался после того, как доложил? Я ел и спал. Отведенные пять часов. Не было никакой неожиданности в том, что мне опять приказали ночную смену.

В комнату Гагарин вернулся в десять тридцать. Мне доложили, и я сразу вернулся на свое кресло, захватив по пути «Старика и море». Гагарина я не видел, дверь была уже заперта.

Коридорный свет позволял различать слова, но от чтения страшно клонило в сон, невероятно. Я перестал. Отложил книгу и подумал о том, бывал ли переводчик на Кубе?

Этот ветер, гоняющий листья пальм на фоне дворцов с облезлыми колоннами на набережной, странные, считающие себя коммунистами люди. Но книга точно передавала другие подробности.

Дверь открылась, и в проеме показалась голова Гагарина. Без фуражки. В рубашке навыпуск, брюках и носках он все еще был тем Гагариным, у ног которого будто бы прочертила белую линию сама история. Линия двигалась впереди него и достигая тебя, заставляла подняться и дать напряжение телу.

— Доброй ночи, товарищ старший лейтенант, как вас зовут?

— Валентин.

— А по отчеству?

— Валентин Игнатъевич.

— Рад познакомиться, — он протянул ладонь, лицо выглядело крепким, но уставшим, — товарищ старший лейтенант, вы говорите по-испански?

Что мне было ему ответить? Конечно, я сказал как есть.

— У меня к вам просьба, Валентин Игнатъевич, личная просьба. Послезавтра я улетаю, а завтра вечером мне надо кое с кем встретиться, можете?

— Я постараюсь, товарищ майор. Что за просьба.

— Вы не могли бы назвать меня Юрий Алексеевич? Мне кажется, мы одного поколения.

— Это несложно.

— Это не просьба, Валентин Игнатьевич, предложение. Кстати, одного моего друга зовут именно так. Валентин Игнатьевич. Тоже космонавт.

— Ух, ты.

— Валентин Игнатьевич, мне надо встретиться с человеком по имени Григорио Фуэнтос. Отчества у него нет. Он из местных. Хотел повидать его. Перед отлетом в Москву.

— Давайте я запишу имя, Юрий Алексеевич.

— Зачееем, вас ведь учили запоминать, — он подмигнул, и впервые улыбнулся совершенно произвольно, естественно, — постарайтесь, Валентин Игнатьевич, чтобы об этой просьбе не все знали завтра к вечеру. Без шума. Возьмем с вами машину и съездим вдвоем, если водите. В крайнем случае, водителя возьмем. Это в крайнем.

— Я попробую, Юрий Алексеевич, постараюсь. Спасибо.

— За что спасибо? Это я вам спасибо скажу. Завтра.

Я смутился от своего дурацкого «спасибо». Сразу после этого я сел в кресло. Гагарин отшатнулся, но тряхнул головой и вернулся к себе в комнату. Никаких идиотских «доброй ночи» не прозвучало.

Утром, когда я снова услышал сперва шаги лейтенанта, а потом стук двери об ограничитель в полу, он повернулся ко мне, уже уходя, и спросил: «Ну, как дела, Валентин Игнатьевич? Мизерной паузы ему хватило, чтобы глянуть на лейтенанта и сразу после уйти по коридору, оставив меня в полнейшем замешательстве.

Я шел по пыльной улице Гаваны, белой от солнца, как у бога в приемной, в отведенное на сон время и, признаться, за какую-то минуту все-таки прокрутил эту мысль. Но Гагарин, тем более теперь. Да и зачем?

Я зашел в бар. Вероятности встретить здесь сучек в такое время не было. По просьбе Ивана я как-то ночью не только перевел, но и объяснил им значение слова, которым мы назвали девчонок меж собой. Смеялись.

У бара я встретил только хозяина, Уормода. Конечно.

— Товарищ офицер, в такое-то время! Какая радость моему дому. Счастливым час всегда для вас работает на нас. Он распростер руки. Худенький бармен за стойкой сгорбился, будто собирал под прилавком ручную гранату. Они все у него были одинаковыми, я перестал запоминать имена со временем.

— У меня для тебя конфиденциальный вопрос, сеньор Джимми,

— Конечно, товарищ офицер, конечно! К ответу прилагаю рюмку виски.

— Где вы виски берете?

— Ваши коллеги любят виски, виски любят все, даже я, и тот люблю виски! — он заулыбался, давая понять, что ветка расспроса — тупиковая.

— Хорошо. Мне нужно узнать, где живет Грегорио Фуэнтос.

— А вы не знаете, товарищ офицер?

— Не делайте из меня идиота, прошу вас, сеньор Джимми.

— Да, конечно, сейчас я чиркну вам его адрес.

— Благодарю за виски! Еще один вопрос — тоже конфиденциальный.

— Уже догадываюсь!

— И...

— Рыбак.

— Рыбак?

— Гордый, как тысяча гордецов. А рыбу-то он так и не взял. Чем гордиться?

Я рассмеялся облегченно и подумал, что он обязательно сохранит все в тайне, раз дело так обернулось. Похлопал его по плечу и ушел. Оставалось еще два часа на сон, а дело было, как будто, сделано.

С нетерпением поднявшись с кресла, я слушал, как Гагарин и лейтенант о чем-то шептались в коридоре на достаточном отдалении, потом Гагарин пришел один и сразу поздоровался за руку, как будто утром мы и не виделись.

Я тоже предпочел сделать вид, что той встречи не было.

— Есть новости, Валентин Игнатьевич? — он не выпускал мою ладонь.

— Да, у меня есть его адрес. С собой.

— Черт, надо ехать, — он задумался, опустив голову.

— Валентин Игнатьевич, можно отправить вас за Володей?

— Лейтенантом?

— Да, спасибо. Я только переоденусь.

— Вы хотите ехать сейчас, товарищ Гагарин?

— Точно, сейчас. Едем вместе, Володя организует нам машину.

Тяжелый черный автомобиль посольства не был приспособлен для езды по песку, хоть и укатанному. Тем не менее, мы выхватили фарами какой-то дощатый забор, тряпичу на нем и качающиеся в свете темного неба пальмовые кроны. Море было совсем рядом, настоящее, дикое. Совсем не городское.

Залаяли собаки. Что-то знакомое защемило внутри.

Я первым открыл дверь и вышел, вдохнув душные пары ночи, переполненные запахами, как дешевое сладкое вино.

Гагарин вышел следом, несмотря на мой знак оставаться пока внутри машины. Мы пошли вдоль темного забора, ковыляя по песку туфлями. У калитки нас встретил немолодой крепкий мужчина, сигара освещала его угловатое лицо весьма условно.

— Буэнос ночес, нам нужен сеньор Грегорио Фуэнтос.

— Вы не из полиции?

— Нет, мы из Советского Союза.

— Приятно, а сколько у вас там сейчас времени? У нас тут уже порядком поздновато.

— Дело в том, что со мной, что рядом со мной Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт в мире.

— Я знаю, кто такой Гагарин, — Фуэнтес неожиданно равнодушно отрезал.

— Прекрасно, а он знает, кто вы, приехал познакомиться и поговорить.

— Тогда я возьму рома, и пойдем к лодкам.

— Но он не употребляет алкогольных напитков.

— Вы будете немного рома, товарищ Гагарин?

— Вы меня Юрием Алексеевичем зовите, Валентин Игнатьевич, нам вместе выпивать придется.

Он протянул руку Григорию, и тот протянул ему свою.

Чем ближе мы подходили к берегу, тем больше накаты-вала духота, лицо облипло от морской соли. Гагарин снял китель на ходу, он шел вторым, следом за Григорию, в руках у которого была корзина. Гагарин кивнул, мол, делай за мной, и я не преминул воспользоваться этим. Снял китель и понес его в правой. Это моя главная рука.

Я посмотрел во тьму, стараясь разглядеть огни лодок, но ничего не было видно, даже луны. Неизвестно каким образом подсвеченные, предметы все-таки отделялись от темноты и мы заметили высокий нос лодки, баркаса впереди. Все мы видели его, я был уверен, мы шли именно туда, и вскоре оказались рядом.

Лодка оказалась невероятно высокой, и нам пришлось пройти вдоль борта, чтобы рассмотреть выброшенную за борт веревочную лестницу. Первым взобрался Григорию, он подал руку Гагарину, а потом они оба подтянули меня к краю борта.

Я перебросил ногу и уселся поперек борта, пытаюсь понять, как быть дальше.

Оказалось, что, несмотря на размеры, палуба лодки была высоко поднята в угоду трюму, рассчитанному на крупный улов, и мы уселись посреди палубы на банки, как на скамейках в парке. Григорию деловито расставил бокалы и откупорил бутылку. Вернее, она была уже откупорена, ос-

талось только вынуть пробку. Он сел напротив нас. Лиц друг друга мы не видели. Только близкий шум волн и силуэт фигуры Григорио. Вода ударяла о корму, беспокоя необычным звуком.

Грегорио, по-видимому, обладал какой-то способностью ориентироваться в темноте. Не отставал от него и Гагарин, одним точным движением подобранный наполненный ромом бокал и сделавший глоток. Я же угадывал свой бокал по звуку, с которым лился ром. Обнял его пальцами и не отпустил, боясь потерять в темноте.

Мой китель лежал где-то рядом, как я надеялся, на банке, а не на пропахшей рыбой палубе.

— Вы заплатите мне двадцать долларов за мой рассказ, сеньор, — сказал мне силуэт рыбака.

— А он заплатит десять.

— Грегорио Фуэнтес хочет тридцать долларов за разговор. С вас, Юрий Алексеевич, десять и с меня двадцать.

— Валентин Игнатьевич, скажите ему, что мы ничего не заплатим, если ему понравится то, что расскажу ему я. Но если нет — заплатим, как положено.

Я перевел. Фуэнтес усмехнулся.

— Вам тоже есть, что мне рассказать, по рукам! — обращался он в основном к Гагарину, они и сидели напротив, я же оказался в роли переводчика, и если бы еще я мог видеть лица, мне было бы гораздо проще, я привык слушать и читать по губам в таких случаях. Блеск тлеющих углей волн, к которому привыкли глаза, вычертил только грубые силуэты лиц и очертания лодки.

Грегорио начал с того, как они познакомились с Эрнестом Хемингуэем в море, когда у лодки писателя закончилось топливо. Говорил он как по писанному. В шесть лет оказался на Кубе, страдал, отец тоже был моряком. Потом он рассказал анекдот и сам же над ним посмеялся. Гагарин сидел молча, держа в руках грубый широкий бокал, казалось, он слушает Фуэнтеса как слушают музыку. Мой перевод ему не был нужен.

— Профессию моряка никто никогда со свету не сживет, — заявил Грегорио, и как будто иссяк в словах. Замолчал, сделав глоток рома.

— А если я приеду жить сюда, на Кубу, вы научите меня всему, что с ней связано? — Гагарин говорил тихо, уверенно и хитро, ясно было, что он еще к чему-то ведет.

Фуэнтес засмеялся!

— Только если поделитесь со мной своей Нобелевской премией! Мне уже одну обещали, правда.

— Грегорио, а вы читали «Старик и море»?

— Зачем. Я же писал его.

Вата облаков надулась светом луны изнутри, и стало понятно, почему на небе нет звезд, хотя две-три все же пробились и были видны.

Мы наконец разглядели пространство вокруг: корму лодки в нереальном свете, песок цвета пепла, следы рыбаков на нем, друг друга.

— Разве море не похоже на небо? — спросил Фуэнтес, но я решил перевести небо, как космос.

Гагарин выдержал паузу, и спросил меня:

— А как на испанском будет слово «космос», разве не «эспасио»? Я тысячу раз слышал это слово, а здесь его не было.

— Он сказал «небо», Юрий Алексеевич.

— Спасибо, Валентин Игнатьевич, — без тени упрека сказал Гагарин.

— Не знаю. Я не знаю моря. Я вырос на земле и потом в небе.

— Опиши мне свое путешествие, и я скажу тебе, — Грегорио почему-то перешел на «ты», и я решил переводить все, как есть.

Перед тем, как начать, Гагарин сделал еще один глоток.

Говорил он в сторону волн, делая паузы, выбирая слова, будто он уже рассказывал это на иностранном языке, и я слышал каждое слово прекрасно и переводил как мог.

— К невесомости я готовился, вернее, меня готовили, к перегрузкам, ко всему, даже к смерти и то готовили. Несколько раз мы встречались с психологом. До полета я ведь уже бывал в стратосфере, технически это очень близко, близкие ощущения. Так и произошло, когда запустились двигатели

В этот раз он не помогал себе жестами и виноватой улыбки, слышной даже в голосе, не было... Мне даже стало не по себе. Передо мной был уставший человек, не стесняющийся своей усталости.

— Внизу, насколько мне было видно, все было в спектре от фиолетового к голубому и белые облака в атмосфере. Такого с самолета не увидишь. Как бы с обратной стороны. Смерти не наступило, конечно, никакой, и страха тоже не было. Когда я смотрю на море, я чувствую, что оно живое, что там есть жизнь. А планета сверху показалась безжизненной. Никаких следов на первый взгляд. Очень хорошо мы здесь прячемся, на Земле.

— Когда-то я жил на Тенерифе, видел там черепах в воде. Вот они там как чужие и на суше чужие, — Григорио дождался, когда я закончу переводить и дополнил. Слушал он внимательно, глядя в черноту, туда, где утром возникнет море.

Гагарин посмотрел на него, но не в глаза. Видно было, что собеседник ему сейчас не нужен.

— Мне сообщили, что связь скоро закончится, и я ухожу на теньевую сторону. Потом стало темно, довольно резко стало темно, и мои глаза начали привыкать к свету звезд. Примерно, как здесь. Не видно толком. Я смотрел на диск Земли и увидел, как он слился с атмосферой в лезвие, а потом и свет атмосферы совсем исчез. Что я увидел там? Не знаю. Складки, будто кору огромного дерева, толстые стволы, переплетения и тени этих стволов... Потом я увидел глаза Бога, и эти черные глаза Бога принадлежали голове черепахи. Они провожали меня взглядом, они меня видели. До тех пор, пока не скрылись из виду, и я долго летел над

нижней поверхностью панциря, пластинами неравных размеров, бугристыми и пыльными. Я разглядывал впадины и думал сперва о глазах, а потом до самого выхода из тени готовился доложить обстановку.

Я замолчал, закончив перевод. Чувствовал себя очень неловко, и мне хотелось раздеться и окунуться в воду, но стало вдруг страшно к ней даже подойти.

— А лапы? — спросил Григорио.

— Какие лапы? — Гагарин смотрел на меня, будто я сам задал этот вопрос.

— Какие у той черепахи были лапы? С перепонками или с когтями? — Григорио развел руки в стороны, изображая движение плывущей черепахи, по-видимому.

— Лап я не видел, — ответил Гагарин, — диск атмосферы ослепил, потом я вошел в свет.

— Жаль, — сказал Григорио, — это важно.

— Послушайте, сеньор Фуэнтес, я прошу вас никому не рассказывать об этой встрече, — сказал я, обращаясь к Григорио.

— Валентин Игнатьевич, пожалуйста, не надо этого, — что сказано, то сказано, — Гагарин поставил бокал на пол лодки.

— Юрий Алексеевич, может, поедем уже? — мне, честно говоря, хотелось уехать немедленно.

— Передайте, пожалуйста, сеньору Фуэнтесу, мою благодарность за встречу.

Я перевел, а Гагарин кивнул в подтверждение своих слов.

— Двадцать долларов, сеньоры, — Григорио улыбнулся.

— Да, конечно... вам не понравилась наша история? — я полез было за деньгами.

— Я все это и без того знал, — он кивнул Гагарину в ответ, принимая у меня деньги.

Мы все поднялись и поочередно пожали Григорио руки, хотя еще надо было возвращаться вместе к машине.

На этом месте Виктор перевернул страницу журнала, окончание четко всплыло в памяти, и перечитывать его уже не имело никакого смысла.

Дальше шла статья о «Буране», о приближающемся его пилотируемом полете, интервью с космонавтом со странной фамилией Волк, снимок огромной «Мрии», самолета, взлетающего с «Бураном» на спине, будто мать-туземка уносит ребенка от опасности. Зеленые поля за взлетной полосой, удачная фотография.

Он закрыл журнал и вернулся к окошку мастерской.

— Ладно, я тут вашу цепочку посмотрел, — мастер забрал номер и накрыл им разбросанные шестеренки часов на столе.

АНТИБИОТИКИ

*Продавцу из зоомагазина в Чикаго,
нижний вест сайд.*

Раз уж мы так и не добрались до того зоомагазинчика, давай будем считать, что мы все еще туда идем. Пишу «мы», потому что искал я его не один. Вообще, все это произошло только из-за того, что тогда была «ты».

Кто-то скажет, что мы шли по твоим делам и технически это поганая правда.

Но дело в том, что вот уже два года я все хожу и хожу в наш зоомагазин. Хочу успокоить там свою совесть.

Я совершенно отчетливо его помню, и, существуя он на самом деле, узнал бы и за квартал. Небольшой, но уважаемый (еще бы!) магазин. По левую руку от входа полки с кормами для собак. Залежи дешевых гранул, обещающих «нежное мясо вкусной индейки». (Всегда интересовала эта должность — дегустатор собачьих кормов.)

Над дверью звоночек из Seven Eleven. Справа — целая стена аквариумов. Здесь нет дорогих солено водных рыбок цифровых расцветок, продаются только старые добрые пресноводные. Вот стайка Данио Рерио в полосатых костюмах танцоров диско. Вот «петушки» (*Betta splendens*) с поблекшим гламуром линиялых халатов на боках, бродят, не глядя друг на друга, словно состарившиеся супруги-артисты. Верхний справа аквариум и вовсе без рыб, здесь только водоросли, улитки и пузырьки воздуха. В конце концов замечаю, что пузырьки есть в каждом аквариуме.

Водоросли самые обычные — стрелолисты (*Sagittaria Spec*) и валлиснерия (*Vallisneria*). Нарушаю молчание и рассказываю

тебе о ряске (Lemna). О том, что бывает ряска, листики которой, если не вмешиваться, размножатся и затянут всю поверхность воды. словно паразиты. Закроют свет крупным рыбкам. время от времени ряску надо прорезивать. Рассказываю, что в детстве мне хотелось лежать неглубоко под водой и смотреть на ряску снизу, чтобы видеть, как сквозь просветы между крошечными листиками пробиваются солнечные лучи, в то время как затылок мой касается теплой песчаной отмели. Тебя привлекает еж в клетке. Господи, это самый обычный еж! Что ты в них нашла? Они умеют защищаться? Но ты ведь совсем не банальна. Не буду спрашивать, чем тебя привлекает моя простота.

Эй, Чикаго — с головой в облаках и холодом по реке. Ты навсегда останешься моим Нью-Йорком. Увидеть с моста проходящий внизу ржавый буксир. Дотронуться до твоей стены затянутой плющом церкви. Все двери заперты. Уличные священники убедительны настолько, что в церковь можно и не заходить.

Вырасти здесь, не имея привычки задира́ть голову, уйти на войну и вернуться с ощущением хрупкости этого мира, которое иначе и не поймать. Знать, какие здесь люди и зачем. Как стихи меняют этот город. К лучшему или нет.

Твоя странная подруга, не похожая на других латиносов, пытается убедить нас не ходить туда. Это опасно! Но лекарство можно купить только в зоомагазине.

Хозяин магазинчика не обращает на нас внимания. Теперь я уверен. То есть, уверен в том, что этот продавец и есть хозяин. Простой продавец сделал бы замечание. Даже шутовское. Хозяин дело знает. Витрина с лекарствами для рыб прямо за его спиной. Я прошу порекомендовать антибиотики для рыб. Он интересуется: каких рыб и что случилось? Это звучит как пароль и отзыв, и я оглядываюсь. Он не знает моего акцента и насторожен, но я привык к доверию, которое толкаю перед собой повсюду, словно тележку с яблоками. Я умею им пользоваться.

В любой стране мира у меня спрашивают дорогу. Хотя чаще всего к вокзалу.

Хозяин-продавец показывает рукой на витрину: Aqua-mox forte, 28.99 \$, Aqua-zole, 37.99 \$, Aqua-Ceph, 24.99 \$, Fish Biotic Ciprofloxacin, 27.99 \$, Fish biotic Ampicillin, 17.99 \$.

Ты, конечно, думаешь о своей кошке. Она так и не вернулась. Я пытаюсь представить картину ночной стрельбы в Венесуэле, в твоём родном городе. Пули не трассируют в полете. Такая картинка — это почти всегда вранье, кино. Стрельба — это паника. Ну кому в голову придет убить кошку?

Она вернется через два дня, и ты снова начнешь читать своего Бродского.

А этот продавец с чешскими глазами будет тебя слушать.

Послесловие

Я написал этот текст в 2019 году. Понадобилось два года, чтобы найти способ рассказать о ситуации: санкции США против Венесуэлы включают, среди прочего, и запрет импорта антибиотиков в страну. Единственный способ легальной покупки антибиотиков для венесуэльских родственников — приобрести их в зоомагазине в США.

Лекарства для рыб содержат несколько видов антибиотиков. Некоторые могут подойти.

ЕРАЛЫ

Ералы, Ералы!!!

Перекресток улицы Виноградова и проспекта Гагарина в Алматы представить себе очень просто: это любой перекресток улиц Виноградова и Гагарина, пусть даже и с поменянными названиями, да и вообще любой городской перекресток.

Аллея из старых тополей между двух проезжих полос по Гагарина. Тополь — символ глобализации. Где только не растет.

Постаревший бронзовый бюст революционера, отжатый от асфальтовой дорожки аллеи свежей металлической изгородью, скамейки и урны. Дети, вынутые из колясок, обожают трогать поверхность революционера пухлыми ручками. Аллея шириной с каждую из проезжих полос проспекта, и, вдоль нее, конечно, арыки. И вот эти арыки бывают не в каждом городе. Римские виадуки, безусловно, старше, но водой они уже похвастаться не могут, оставшись напоминанием о том, что когда-то люди тратили на стравливание рабов времени больше, чем на изобретение обычной алюминиевой трубы. Вода по арыкам все еще бежала, когда ей вздумается, и от дождей и других бедствий не зависела никак. Перекресток окружали пятиэтажки без балконов с парой магазинчиков и бывшей фотомастерской, в которой теперь размещался салон красоты «Карлыгаш», что в переводе с казахского языка — «Ласточка».

Ералы!

Об улице Виноградова горожанам сказать есть не больше, чем о самом Виноградове. Одна из сотен небольших по-

лубезымянных алматинских улиц, вечно ремонтируемых в летнее время года, невидимая со знаменитой обзорной площадки горы Кок-Тобе. Словно отличники, вскочившие с места, чтобы ответить первыми, стеклянные небоскребы забрали себе даже городское солнце.

Но была у этого места и другая история — слава самого аварийного перекрестка девяностых схлынула только в ту осень, когда, по слухам, какой-то экстрасенс зарыл на углу цельнометаллическую пирамиду, купленную им на собственные средства. Слухи это были или нет, но судьба оставила в покое перекресток, начавший с той поры приносить обычную статистику краж, изнасилований и автомобильных инцидентов с участием пригородных таксистов.

По будням он был забит бесконечными пробками, или, в редкие часы свободы, машины уносились с него, едва загорится зеленый свет, а то и чуточку раньше, по восточным правилам движения. Зато в выходные те же самые машины текли здесь лениво, спуская рукава, казалось, даже зевали, разглядывая друг друга.

Благодаря преклонному возрасту деревьев на аллее царило вечное начало осени, самая красивая пора в городе, никогда по-настоящему не знавшем Пушкина, замененного в учебнике по местной литературе на чуть менее равнозначную фигуру мудрыми советскими политфилологами.

Кто-то еще помнил имя того экстрасенса.

Ералы-ы-ы-ы.

Если ехать по Гагарина в сторону от гор, то можно, совершив несколько поворотов, выбраться на загородную трассу — Кульджинский тракт, названный, как известно, в честь столицы государства Джунгария, давно уже уничтоженного. Городок этот сегодня не представляет собой ничего особенного, как это и должно быть по законам справедливости. Впрочем, попасть на «кульджинку» можно и по улице Ауэзова и по Байзакова и по Байтурсынова и даже по Сей-

фуллина, а дальше начинается перечисление дальних, мало-знакомых и неудобных Сергею улиц. В зеркале заднего вида мирно спала семилетняя Вика, устроившись в детском кресле, вот поворот на Виноградова.

Айфон в руках жены, переписка с друзьями. Удобно, удобно, удобно. Встретиться договорились на выезде из города в десять, а была только половина десятого. Ждановы наверняка еще даже не выехали из дома (разгневанные смайлы).

Ералы!

На перекрестке перед Гагарина никого, кроме собравшейся переходить дорогу то ли няни, то ли мамы с коляской и ребенком за руку. Ребенок в белой майке и шортах. Девочка или мальчик? Волосы короткие. Сергей подумал, что надо бы хорошенько протереть переднее стекло. Тряпочка из микрофибра уже грязная, но еще действующая. Тут в зеркале заднего вида, как в перископе — возникла стремительно приближавшаяся бутылочного цвета торпеда, с рычанием, какое бывает у старых, пригнанных в девяностых из Германии и «убитых» еще там BMW.

Затормозит?

Вика спит. Никого на встречной.

Вот же идиот! Затормозит, но... Сергей вывернул руль до упора влево и резким газом вывел автомобиль на пустую встречную полосу, прочь от рычащей торпеды. И сразу же остановился.

Женщина с коляской едва только вышла на проезжую часть. Тормозного пути у BMW не было. Коляска осталась на месте, исчез забежавший вперед на дорогу ребенок. Бутылочная торпеда у столба за арыком, был удар, и мгновенно тихо. Сергей включил «аварийки». Появился этот звук. Жена пыталась нашарить телефон в ногах.

Женщина вкатила коляску назад, на дорожку аллеи, стала звать кого-то музыкально: «Ералы, сен кандай, Ералы-ы-ы-ы?»

Посторонний закричал за перекрестком недовольной птицей. Двери BMW открылись, сперва задняя правая, потом водительская.

Совершенно нелепая ситуация. Сергей и сам понимал, что ехать на похороны мальчика не стоит, но разговор этот все же состоялся. Вика категорически, до истерики против. Когда за выезд на встречную полосу его лишили прав, она сказала, что не сядет в чужую машину. Тогда Сергей подумал, что она больше не сядет в машину и с ним.

Виновные выплатили что-то пострадавшей стороне спустя неделю, разделив горе. Дело закрыли. В вацапе никто из друзей ни разу не написал об этом ни слова. Однажды в российских новостях упомянули Гагарина. Вика была в тот момент в ванной.

Десять дней спустя неожиданно позвонил хозяин квартиры, сдававший им ее уже пятый год, спокойно сказал, что остаться можно будет только до конца месяца. Как ни странно, жена даже обрадовалась: «А давайте в Калининграде искать?».

Дорога от Калининграда до Советска на первый раз интересная. Остатки чьей-то старины тут и там. Восточная Пруссия. Хотя построили все немцы, а пруссов не существует.

DBX

Если вы имели удовольствие или тяготу провести больше десяти, скажем, дней в центральной части Бангкока, я уж не говорю о ваших трех жалких стремительных днях, то вы меня понимаете. Одиночество в большом городе гораздо хуже одиночества в маленьком. Ощущения птиц, сидящих на обычных проводах не сравнимы с чувствами птиц с высоковольтных. Конечно, дома тебе все завидуют, все ведь знают про этот Бангкок, а ты завидуешь друзьям, собравшимся в пивной, обычной прокуренной забитой футбольными фанатами после работы пивной, и ты покупаешь себе банку пива и сидишь сначала на фудкорте, потом на скамейке, а потом понимаешь, что вечер бездарен, как русская попса. Много шума без ничего.

И о, чудо! Я сразу начну с главного, обычно этого не делаю, но сейчас такой момент, и такое время, когда всем нужно только главное в прозрачном пакетике.

Звонит коллега — таец, рожденный улаживать конфликты с туристами одной лишь улыбкой, прекрасно знающий, как советские люди стесняются иностранцев, даже если сами в этот момент иностранцы, и много других тонкостей. Думаю, он поэтому и позвонил, что чувствовал, как мне в этот субботний вечер хреново без работы, друзей, секса, любви, книг Булгакова и душевного общения. Так что он как раз и предложил душевное общение.

Душевное общение по-тайски это сначала поход в японский ресторан с суши-транспортёрами, где ты словно прибывший авиапассажир, съедающий чужой багаж в ожидании своего. Забыл сказать, что Эм, мой тайский друг — гей, мечтающий стать однажды дамой. Симпатичный парень, слыш-

ком, правда, серьезный для тайца, иногда издающий жужжащие звуки и не расстающийся с ментоловой вонючкой для носа, которой в этой стране, как ни странно, действительно лечится насморк. В общем, он предложил, а мне было одновременно любопытно и все равно. Я представил, что там будут такие же душки, как Эм. И мы пошли. Но это же Бангкок и на одной улице находилось три или четыре ночных клуба для геев. Без обид, но лесбиянок я в Таиланде вообще не помню. Не было их и в клубе, куда меня пустили вообще бесплатно, как у нас пускают девушек до восемнадцати лет.

Внутри было диско. Какое-то европейское, обработанное тайскими ди-джеями, безостановочный бит, выпуклый бас и немного высокого вокала. Две зоны — танцпол и немного на возвышении над ним высокие столики. Эм разглядел друзей за одним из столиков. Мы присоединились. Сразу было заметно, что это точно геи. Не могу объяснить. Внутри каждого гея есть такой магнит, по которому он может почувствовать своих даже в толпе фойе театра перед премьерой. Видимо, во мне тоже есть этот магнит. По-другому никак не объяснить то, что меня легко впустили в эту компанию, не напрягаясь по поводу возможных перспектив. На танцполе мелькали потные не тайские лица, гораздо старше моего, я же выглядел безобидно бедно.

Мне стало весело и не хотелось ни Булгакова, ни секса, заводила музыка, тем более что нас потащили танцевать. Пиво осталось на столике, я себе ничего не успел заказать, но чувствовал, как еще не выветрились те две банки. Сверху было не различить, но танцующие компании образовывали круги, иногда смешиваясь, но в основном, не отвлекаясь от своих. Если кто-то и толкался, то очень дружелюбно и ритмично. Двести весело танцующих мужчин, их качающиеся в свете разноцветных прожекторов головы, подпевающие рты, казалось, что мы находимся в трюме большого тонущего железного корабля, и музыку включили так громко, чтобы заглушить стоны гибнущих. Кто-то из наших толкнул задом соседа, тот повернулся, сверкнув широкой улыб-

кой и в знак прощения передал нам бутылку колы. Она переходила от одного к другому по всему кругу, хотелось пить, и я сделал пару больших глотков, удивившись, что еще так много осталось. Потом отдал бутылку дальше, даже не взглянув на того, кому она досталась. Мы танцевали еще полчаса, потом Эм долго объяснял мне на ухо, что они собираются в другой клуб, с другой музыкой. Я согласился, но, когда оказался в тишине улицы, на жаре, понял, что не хочу продолжения. Поблагодарил всех, приобнял и пожелал удачи. А сам пошел пешком по району Патонг, сперва мимо массажных салонов, потом начались фешенебельные отели, потом отели попроще, и все-таки достойные, за стеклянной стеной одного из них я увидел джаз. Постоял и зашел выпить чего-нибудь перед завтрашней работой. В такой час большая часть столиков пустовала, я уселся недалеко от сцены и взял виски с колой.

Резкий контраст между шумом и спокойной музыкой со щетками вместо барабанных палочек не позволял ни на чем сосредоточиться. Вступила труба, и я утонул в удовольствии, глядя в лицо трубача, он явно пребывал только в этом самом моменте и светился счастьем не думать ни о чем. На секунду отвлекшись от музыки, я начал вспоминать, ужинал ли я? Кажется, нет. Только две банки пива, виски с колой, да еще та бутылка колы в клубе. В гей-клубе. По кругу. По спине прошел холодок. Иногда я совершаю поступки, о которых очень жалею и долго анализирую, как устроен мой механизм совершения глупых поступков, неуправляемый и непредсказуемый. Заказал себе еще виски. В чистом виде.

Водоворот тайских событий выплеснул меня на улицу Жибек Жолы два года спустя, когда, отлежавшись месяц в казавшейся черно-белой реальности тихой родины, я случайно встретил на улице двоих коллег. Несмотря на осень, одеты они были точно так же, как одевались там, в Патайе — коричневые шорты, кроссовки и чьи-то куртки поверх. На мой шуточный вопрос ответили, что не собираются покупать

не только зимнюю одежду, но даже и осеннюю, визы ждут. Как раз в тот момент я и понял, что переболел этим и отпустил. Что надо куда-то идти. И я пошел в ЦУМ, слушая музыку плеера. В коридоре из какого-то отдела на меня буквально наскочила девчонка лет пяти. Еле устоял на ногах. Засмеялась, смутившись, и убежала.

Мы с женой решили завести ребенка и, как взрослые уже люди, начали с обследования собственных организмов.

Осень остывала, я приехал за анализами к полудню, молча забрал бумаги и был остановлен уже в дверях доктором, моим ровесником с виду, хотя все говорят, что я выгляжу молодо. Перчатки я не снял, торопился. Доктор заговорщицки закрыл дверь кабинета и показал на положительные результаты анализа на венерологическое заболевание. «У многих бывает по молодости». Всего лишь равнодушный диагноз. Он предложил мне, во-первых, полную конфиденциальность, во-вторых, качественное и дорогое лечение тут же, в клинике.

Несколько раз мне уже спасала жизнь способность уходить в себя в обычных обстоятельствах глубже, чем другие. Я уезжал на порезанном и спущенном колесе от поджидавших мошенников, врубив техно на полную и долго не обращая внимания на гудки и фары соседних машин. Как это бывает — тебе стараются помочь — колесо сжует, брат. А я люблю техно еще с девяностых, и диско люблю еще с восьмидесятых. Я так и не снял перчаток, забрал результаты и вышел из кабинета и поликлиники. Кажется, доктор пытался меня в чем-то убеждать. Он бы ни за что не догадался, о чем я думал в тот момент. А я думал о диско. Два глотка колы по кругу с геями. С тайскими геями. С незнакомыми геями-тайцами в Тайланде.

Я не спал следующие две ночи. Пока не получил на руки повторный результат в другой поликлинике. Болезненный и сложный анализ показал полное излечение от венерологического заболевания самоистязанием двух ночей. Первое,

что хотелось предпринять — пробраться ночью и облить бензином или фекалиями дверь кабинета тому доктору. Или самого доктора облить? Бензином или фекалиями? Ничего, конечно, я не сделал, выпался просто. Положив результаты анализа под подушку. Но, как оказалось, это уже не помогло. Пружина начала разматываться. Я шел по улице и с завистью смотрел на здоровых людей. Я дважды проехал мимо центра ВИЧ, и дважды меня окатило волной страха. Пройти мимо пешком я бы не за что не решился.

Началась зима, грипп, я валялся и думал, что уже поздно, я сжимался клубком в постели голым, горячим, я кашлял и плакал. Я сошел с ума. Анализируя тысячи вариантов, я пришел к неопровержимому выводу — у меня ВИЧ, и, возможно, начался СПИД. Если набрать случайно, не переключив раскладку клавиатуры, это слово, даст бессмысленное DXB, именно так и назывался этот пролежавший на диске, переезжавший несколько раз с компьютера на компьютер файл.

Все осложнялось тем, что, нарезая круги по району, в одном из неприглядных многоэтажных домов которого расположена была лаборатория, радуясь пробкам, я знал, что закончу сдачей этого анализа, что иначе — только самоубийство. Ходил, как рыба на крючке у старика.

Первого марта я вошел в лабораторию. Светило солнце, седьмого марта мы с отцом обычно ходили по лужам в парикмахерскую. Здоровые и окруженные пением весенних птиц. Волосы у меня пока не выпали. Но это еще ничего не доказывало. Так писали в интернете, часть собранных источников авторитетно ссылалась на сроки. Терпеть два дня у дверей поликлиники я бы не смог. Быстрый дорогой тест. Прыжок из окна, если всё. Если оно.

Небольшая очередь. Результаты забирать из папки у входа. Отрицательно.

Фишка в том, что часть источников убедительно утверждала — вероятность не сто процентная. Ссылки эти хранились в отдельном файле.

Я плакал в машине, упершись лбом в руль. От облегчения, от цвета жизни, от вернувшихся возможностей.

На следующий день после бессонной ночи размышлений был сдан тест на все виды гепатита и дальше другие сложные и долгие исследования. Оказалось, что возможности лаборатории неисчерпаемы для состоятельного клиента. Болезней так много, что может не хватить крови на все анализы.

Сажу и ем тыквенное мороженое за столиком, настоящий вкус, какой вряд ли ощутит больной человек. Напротив по-весеннему прекрасная женщина — моя жена. Это она повязала мне на руку красную ленточку. Ленточка означает, что я ничем не болен, во всяком случае, не болен смертельно. Если снова возникнут сомнения — я должен потрогать ленточку. Незаметно трогаю ленточку под столом и ем тыквенное мороженое. Ветер разносит смех людей за соседним столиком по всему летнику и дальше, туда, где в парке подростки катаются по очереди на досках у черного мраморного монумента. Я снова живой. Сажу и жду начала кризиса среднего возраста. Молодо выгляжу.

КАСАНИЕ

Не доверяю людям, которые все умеют. Или готовы все уметь, за все братьяся. По мне, так лучше на всю голову, чем на все руки.

Или тем, у кого все есть — им тоже не доверяю. Поговорки на этот счет у меня нет, оно и так ясно. Именно таков Чикаго, в первый момент касания, после первой прогулки с поднятой головой, после взгляда на журнальный разворот озера Мичиган и сообщения метрдотеля о том, что здесь останавливался Хемингуэй и еще кто-то вроде Хемингуэя, не помню, на английском фамилии американских писателей звучат непривычно.

Но мы в двадцать первом веке, и в любом отеле старше пятидесяти лет пил, вешался, трахался или стучал на машинке тот самый один известный писатель. Вряд ли Хэм останавливался именно в моей комнате, при поверхностном осмотре следов его я не обнаружил. Хотя ром в минибаре отсутствовал. Пора было идти в музей писателей.

Про Чикаго хорошо пишет Стюарт Дыбек, настолько хорошо, что, если в его рассказах заменить само слово «Чикаго» на «Алматы», я все здесь узнаю и обниму. Каждый поворот и угол. Обожаю его прозу. Но в музее писателей, до которого идти было три огромных квартала под полупрозрачными облаками, зависшими над небоскребами (голова в облаках, душа — летят журавли), интерактивные стенды рассказывали о начале американской литературы, и стенда Дыбека там не было. Как и стенда Сола Берроу. В общем, я толком ничего не запомнил — дурная школьная привычка. Больше впечатлили сами эти три квартала, я потом несколько раз писал стихи об этой про-

гулке по темнеющему городу. Это и «Автопортрет в номере» и «Уличные священники Чикаго» и еще пара говняных, почти сразу уничтоженных текстов.

На углу людной улицы на удобном домашнем стуле сидел довольно приличный б о м ж в клетчатой фланелевой рубашке, лет сорока, с табличкой «Помогите, у меня умерла мама». Один за другим двадцать писателей прошли мимо по полосе светофора, не уместаясь на зебре, будто мы были последней стружкой людей, переполнивших Чикаго. Smooth operator, шикаго, поет Шаде за витринным окном спортивного зала. В беспроводных наушниках бегущего в бесконечность времени.

Дальше каждый предоставлен сам себе, можно выдохнуть, вернуться в номер, или все, что угодно в большом пятничном американском городе, сходить к памятнику Костюшке. Но мне хотелось продолжать движение от одного уличного безумца к другим, вперед, к полной темноте, когда нахождение на берегу озера наполнялось другим смыслом. Полная гармония самобичевания, в моем случае заканчивающаяся обычно банальной и недорогой бутылкой красного. Победа в борьбе над ощущением ежеминутного несовершенства.

Зачем я схватил со стола значок Poetry foundation? Всем хватило, и еще три-четыре штуки оставались на столике, когда мы уходили. Остолоп. Один из тех поступков моего низкого «я», которых я долго потом стыжусь, но избавиться от них никак не получается. Я, в некотором роде, имею статус человека тонкой душевной организации. При этом иногда матерюсь на подрезавшего водителя, нет, всегда матерюсь, когда один, и целый день не мою посуду, когда один.

Вы будете меня презирать за то, что произойдет дальше, но исправить уже ничего нельзя, только рассказать. Некоторые религии в шкафчиках и под полотенцами уже считают это искуплением. Но старая замшелая церковь по соседству с центральным магазином Apple уже закрыта.

У Ивон очаровательная улыбка, без намека, просто добрая, почти на языке детей. Уверен, что она и сейчас так же улыбается, например, канцеляриту моего английского в мигающем окошке сообщения. Может быть, улыбаясь, она красит губы помадой особого оттенка, для темнокожих выпускают другую линейку тонов. Я не читал книг Ивон, всё собираюсь это сделать, у меня целая стопка прозы коллег, и те, кто был в чикагской группе, несомненно, в приоритете. Зато, кажется, я единственный из всех бывал в ее Кении, но Ивон выше уровня такого сомнительного землячества и попыток общей любви к джазу.

Она одна из тех высших существ, по отношению к которым я чувствую себя революционным матросом, ворвавшимся в царские палаты, и охренев от тишины, внимающим длинному звону фарфоровой чашки в шкафу. Мне хочется, чтобы такие, как Ивон, иногда трепали меня за холку и смотрели в глаза со словами «я узнаю в тебе человека, дружок». Чтобы мое низкое «я» скукожилось, как член в холодной воде.

И все равно мы по-разному видим падающий снег — такие как я всегда ждут, когда он выпадет и ляжет, а таким как она достаточно и того, что снег просто идет или его просто не будет. В ноябре Ивон тоже видела первый снег в Америке, и кто бы сомневался, что её это не удивило.

Она перевела взгляд за окно, на секунду подержала его на нескольких снежинках, сорванных с траектории ветром, и тут же вернулась к аудитории, сидевшей напротив. К нам. Перед Ивон треугольником была сложена бумажная табличка с ее именем и фамилией. Она выступала.

Однажды я видел ее голой. Мы ходили в бассейн спортивного комплекса, рядом с которым поселили писателей. Не вдвоем, компанией. Сидели в джакузи с волнами, наши головы покачивались над парящей водой, медленной вращаясь, как поплавки. Мы хохотали, особенно она.

На следующий день я все-таки выкроил время, чтобы попасть в магазин Apple, я не собирался уезжать в маленький Айова-сити без часов самой умной модели. Светлый стек-

лянный куб. Никаких стен, только окна. Людям хочется трогать здесь все, кроме других людей. Приятная американская цена, любые виды ремешков и полное разочарование. Умные часы теряют смысл без умного телефона. Время, как говорится, не проведешь.

Пришлось пойти в церковь через дорогу, но та оказалась закрытой даже днём. По-видимому, угол, на котором ее построили, был самым сырым углом перекрестка, сложенные из серых плит стены поросли какой-то вьющейся породой кладбищенского растения. Про себя я называл это место лигой плюща, проходя здесь по несколько раз в день и пропитываясь средневековым холодом.

И все равно Чикаго — удивительный город! Вечером мы уезжали, сидя в фойе отеля, где останавливался Хемингуэй и кто-то там ещё. Автобус не мог пробиться по пробкам. Нам предложили бесплатного чаю из высокого металлического нагревателя, с виду раскаленного. На диван я не сел, спустился одним из последних. Все другие поверхности тоже были заняты скучающими задницами писателей.

Ивон и та дама с Ямайки, Антуанет, которая угощала меня однажды кускусом собственного приготовления, сидели на чемоданах у колонны, с бумажными стаканчиками в руках. Я взял чай и пристроился рядом. Было место. Вдруг я почувствовал прикосновение к правому плечу, к татуировке на правом плече, выползшей из-под рукава футболки. От неожиданности вздрогнул и отдернул руку. Глядя ей прямо в глаза. Выплескивая чай на пол прямо перед собой. Раньше мне приходилось видеть только добрые и умные черные глаза Ивон, теперь в них отражалась глубина моего испуга и ее раскаяния. Стаканчик выпал из рук и разбрызгал чай по мраморному полу странного узора — в центре каждого вписанного в квадраты плит смещенного круга — стилизованная стрекоза. Чай был настолько не крепким, что следы его оказались похожи на следы обычной воды, а воду в чистом виде я никогда не пью. «Все в порядке!» — сказал откуда-то из-за стойки филиппинец — служащий отеля. Произнес он

это таким спокойным голосом, таким американским спокойным жизнеутверждающим голосом. «Извини», — тихо сказала мне Ивон, — что, при желании, можно перевести и как «мне очень жаль».

В другой раз мы поехали в индейский лес, на берег Миссисипи. Ничего особенно индейского в том лесу не было, кроме федеральных табличек с предупреждениями, что идти можно только по тропе.

Но все понравилось, и лес и река, мы возвращались, Ивон шла позади меня, и кто-то справа спросил: «Юрий, так ты расскажешь нам про свою татуировку?»

Пришлось рассказать, но не так, как я обычно это делаю. Без банальностей. Какими-то общими словами, достаточными и уместными. Потом разговорились о дистопии. Тут Ивон спросила меня, улыбаясь и держа в руке откушенное пару раз яблоко:

— Так что для тебя дистопия, Юрий?

— Вэл, — сказал я, — Вэл.

ДЕВОЧКА НА КРЫШЕ ГАРАЖА

Глубокой осенью мы оказались в Сопоте, пытаюсь попасть на одну литературную встречу. Выловили хоть что-то интересное в октябрьском календаре местных культурных развлечений. Следуя за навигатором, мы покинули ветреный главный проспект, выходящий через площадь со статуей рыбака без улова дальше, к колоннам у входа на главный пирс. Мы не пошли туда, сто раз там бывали. Справа и слева от пирса огромные настоящие лебеди плавали вдоль полосы прибоя, мотающего куски льда. Если хорошо укутаться от пронизывающего ветра и постоять немного на пирсе, глядя на эту картину, возникает в памяти таз с водой, который мама так же раскачивала, прежде чем выплеснуть во двор после уборки в доме.

С пирса мы пришли в уютный «Сопот мечты», район старых двухэтажек, построенных здесь немцами. Каждый польский артист мечтает провести в Сопоте годы пенсии, в одном из таких домиков с небольшим двориком. Они казались бы одинаково безликими кирпичными коробками, хотя и разных цветов, если бы не чудо-веранды. Деревянные прилепленные к любой из сторон летние кухни, с большими светлыми окнами, нарядными шторами и высокими ступеньками. Каждый хозяин старался выделиться цветом веранды, калиткой и стеной, оплетенной плющом, резными окнами или даже различной в сгущающихся сумерках оранжереей, пока не скрытой от взгляда прохожих занавесками. Иногда это были какие-то особенно богатые занавески, в общем, веранды не давали нам заблудиться и без навигатора. В ожидании литературного вечера мы просто бродили по улицам, разглядывая их, пока окончательно не замерзли. Забегая

вперед, стоит сказать, что именно прогулка и оказалась нашей главной целью времяпрепровождения. С творческого вечера мы ушли спустя десять минут после его начала. Автор, средней известности писатель на пенсии, пафосно представлял героя своей книги о морских путешествиях, который стоял в дверях библиотеки и мог быть почти безошибочно определен как капитан дальнего плавания в отставке. Но вот еще один эпизод, о котором хочется упомянуть.

В тот момент, когда мы окончательно замерзли в ожидании, как оказалось, полного литературного разочарования, мы увидели среди номеров домов и табличек с названиями улиц вывеску «Кофе и блины», что давало нам шанс не только перекусить в тепле, но и войти во внутренний мир веранд. Синяя дощатая узкая лестница, по которой двоим сложно было бы подняться рядом, вела в небольшую, во всю длину веранды, комнату. Здесь к стене примостились два столика и пять стульев, все простое, деревянное, я бы не удивился, если бы шестому гостю хозяева вынесли табурет из комнаты. Мы присели за столик, освещенный современным торшером, как видно, из «Икеи», перебивавшим неярким светом переливы красной гирлянды на окне, то ли приготовленной к будущему празднику, то ли вовсе не убирающуюся круглый год. От дощатой стены веранды и узорного окна, составленного из многочисленных треугольных стекол, веяло зимой, а освещение делало сумерки еще более густыми, и легко было себе представить там заснеженную дорогу. Когда принесли кофе и блины, я подумал, что снег делает мир узнаваемым в любой точке. И эти треугольные стекла, рядом с которыми я сидел, разглядывая не улицу, а черную вату, забитую в щели между стеклами и крашеными рейками.

Сидел и вспоминал пристроенную кухню-временку в доме, где родился и долго жил. Так совпало, что в год, когда отец и дядя сломали ее, построив, на радость маме, новую, блочную, с печкой, я переселился в собственный дом. Новая просторная кухня навсегда «в гостях у родителей», а наша

старая кухонька, на которой зимой мерзла мама, выскакивая помешивать блюда на плите, и есть часть отчего дома. С точно такими же треугольными окнами, сквозящими щелями и снегом во дворе, желтым от собак и света фонаря, пристроенного к углу гаража — навеса. Мне сначала не разрешали, а потом уже просто просили не сидеть на холодной кухне, но зато жарким летом там было прохладнее, чем в самом доме. Я или читал, сидя у стола, или разглядывал мух, ползающих по треугольным маршрутам.

Как я узнал гораздо позже, такого долгого лета отдыха, какое досталось советским школьникам, почти нигде больше не было. Это ли не причина выбора нами места для отпуска — тепло, море? Школьное лето повторись. А те, кто выбирает горнолыжные курорты, учились известно где, да и известно как. Кроме отпуска есть только новый год — три дня на перезагрузку.

В июле у меня наступал кризис середины каникул — учиться я любил, но любил это делать под руководством, самостоятельность нам старались не прививать, а добыть ее было неоткуда. Вернее, несколько способов все же было, например, сложивший руки на груди Капитан Немо, чье молчание — подводное золото. Ихтиандр, плывущий по волнам музыки Андрея Петрова.

Крыша, на которой я обожал проводить лето, до сих пор цела, а вот навес, служивший гаражом, снесли еще до кухни. Он был покрыт шифером, на краю зрела пастила, укрытая от ос марлей, что осам никак не мешало жить на пастиле до осени. До осени, потому что если мы забывали убирать пастилу перед дождем, ее уже оставляли осам.

С гаража можно было попасть на чердак, хотя ходить по шиферу строжайше запрещалось — он продавливался и бежал. Вход на чердак был оплетен диким виноградом, вокруг трубы — прошлогодний лук и запах прошлогоднего лука, сухих страниц отцовских геологических отчетных ведомостей,

старый рамочный фотоаппарат, птичка которого уже давно на небесах и не найти в городе человека, умеющего собрать все детали вместе.

Сидя на кухне, я оторвал глаза от страниц книги и увидел странную картину. С крыши гаража спускались ноги в черных сандалиях и болтались в воздухе, шевеля подолом белой юбки или платья. Я еще подумал — по шиферу-то ходить нельзя, а как еще попасть на самый край крыши? Двор довольно тесный, и даже если бы я вышел на крыльцо, все равно никак не смог бы разглядеть девчонку, забравшуюся на нашу крышу. Мешала стена дома. Но я додумался поступить иначе. Я взобрался на стол и попробовал открыть старую пыльную форточку, дотянуться сюда было очень сложно. Сбил щеколду вниз и, рискуя разбить стекло, втянул форточку внутрь, посыпалась старая облупившаяся краска. Прямо на стол. Но я и так уже находился на его поверхности с ногами. Форточка выводила мой взгляд на крышу, как раз туда, где сидела и по-прежнему болтала ногами девчонка, на вид лет тринадцати или четырнадцати. Она глядела на то, как я открывал форточку молча, сложив руки на колени, прижав ими свое белое платье. Я сказал ей «привет», хотя и не верил своим глазам. Девчонки обычно не лазали по нашему гаражу или крышам, всех соседок-одноклассниц я знал, и ее видел впервые в жизни.

Она ничего не ответила, только молча смотрела то на меня, то на стену дома. Белое платье с отложным воротником и пояском, такие носили девчонки на каникулах. Мои одноклассницы умудрялись забираться на деревья в таких же, благо у нашего двора со стороны улицы росла раскидистая сирень. Пытаясь доказать, что она не жалкий кустарник, сирень отрастила настоящие стволы, хоть и не тянувшиеся вверх. Зато цветов и запаха всегда было достаточно даже прохожим.

Темные глаза, правильное лицо и вьющиеся черные волосы, не достающие до плеч. Высокие брови и спокойный взгляд без улыбки. Клянусь, когда я на секунду от-

вернулся, заметив краем глаза удивленно застывшую на пороге кухни нашу кошку, девочка не исчезла.

Много раз я разговаривал с ней во снах, она никогда не отвечала голосом. Кивала, а несколько раз даже улыбнулась. Тряхнула головой и черные завитки упали на лицо.

Я вышел на крыльцо, обошел нашу кухню, пройдя под раскачивающимися черными туфлями, и отошел от гаража вглубь настолько, чтобы видеть сидящую на крыше гостью и слышать, если она говорящая.

Я думал о том, что ей никак не прыгнуть с крыши гаража. Можно сломать ногу, а помочь я ей не смогу, у меня маленький рост. Но это были мысли, которые рождались для того, чтобы гнать другие мысли. Какая красивая девочка. Третьи мысли о том, что она невесть откуда появилась, кажется, исчезли или дымкой стлались по дну мозга. Позже я видел забавные наивные картинки индийских гуру с пририсованными лучами, исходящими от них. Но тогда мне казалось, что так и есть, что ее волосы светятся и лицо, но это всего лишь солнце пряталось у нее за спиной, а я смотрел снизу вверх.

— На что же ты смотришь? — сказала она.

— Как ты слезешь? — я спросил первое, на чем застиг мою голову ее голос.

— А ты не ответил! — с этой фразой, звонкой, как удар, она и исчезла.

Не могу сказать, что я так уж часто вспоминаю тот случай, но бывают моменты, такие как сейчас, когда треугольные холодные окна кофейни напомнили мне нашу кухню-пристройку и трамплином бросили в жару алма-атинского лета. Впрочем, несколько раз мне все-таки казалось, что я нашел ее, но всегда что-то не соответствовало, голос, например. А наклонить голову, чтобы черные завитки так упали на лицо, никто не сумел пока.

Почти уверен, что именно это состояние поиска и наблюдения превратилось постепенно в добрую и качественную, как мне кажется, опухоль сознания. Она и пишет. Я дол-

го никому не рассказывал эту историю, все думал, найду ее, и мы уже вместе расскажем, и раскроются все тайны. Но лето закончилось, потом закончилось детство, потом еще многое, и я стал думать, глядя в зеркало, что девочка эта тоже теперь совсем взрослая, а еще хуже, такая же, как тогда.

Пригородная электричка несла нас обратно в Гданьск, как раз мимо Сточни-верфи, но в окнах уже ничего не было видно — осенняя темнота приходит в гости рано, и, покачиваясь от движения поезда, я смотрел, как среди мерцающих полосок-фонарей на огромных корабельных кранах отражение моих глаз совпадет в окне с отражением глаз жены.

ТРАМВАИ ХОДЯТ ПО РАСПИСАНИЮ

Я живу на улице Прикоповой. Это где Жабий крюк. Здесь иногда пахнет сыростью. Уверен, что знаю, почему Жабий крюк, — это Жабий крюк. У есть нас дамба. Старая и замшелая. Ее хотели снести. Однажды, чтобы узнать, почему Прикопова — это Прикопова, мы всей семьей записались на утреннюю субботнюю экскурсию к известному гиду, копящего персонажа из Достоевского или какой-нибудь неизвестной мне классической польской прозы. В длинном пальто и очках-велосипедах, волосы почти до плеч. Весь в образе. Он подвел нас к дамбе и изрек (указывая рукой туда, где вода торговала букеты кувшинок медленно проплывавшему тандему каякеров) — «Если вы допустите сноса своей дамбы, то потомки... — гид выдержал чрезмерно пафосную для гида паузу, — потомки не вспомнят имени мэра, но они вспомнят именно вас, жителей Дольнего места». Железные ворота дамбы открыты уже лет сто, кажется, и засечки уровня воды замерли в ожидании готовности. Эти засечки — единственная динамика и ружье на стене нашего района. Без них не было бы драмы жизни никакой, не считая неожиданных нерабочих дней булочной при восьмом доме. Наверное, Прикопова потому так называется, что находилась у линии обороны во время войны. У нас все дома довоенные, немецкой постройки, район уцелел от бомбежек и последовавшего штурма. Вряд ли улица до сорок пятого так называлась. Может быть, «тихая»? На немецком.

Однажды я выскочил за чесноком в нашу булочную в кромешно-темное, осеннее время туманов, часов в шесть вечера. Среди клоков тумана и по-викториански тусклых фонарей стояли оперная певица после концерта и ее переводчик в пальто. Это меня удивило гораздо меньше отсут-

ствия чеснока в булочной, обычно в тесном ее помещении ассортимент товаров умудрялся повторять выбор супермаркета. В двух кварталах отсюда музыкальная академия с гостиницей, все это по дороге к филармонии на острове Оловянка — и, в общем, я совсем не удивился. Переводчик так дико озирался, что я и сам как-то по-другому взглянул на нашу местную тишину.

— Где я могу ее накормить? Подскажите?

— Ведите обратно, к филармонии, там увидите гостиницу в старой каменице, там на первом этаже приличный ресторан. Только не пройдите мимо поворота.

— Какой у вас русский акцент!

— Что поделать, — отвечаю, — я над этим работаю.

Все это время оперная певица стояла рядом молча. Туман и фонарный свет совершенно не липли к ее богатой шубе и высокой прическе. Казалось, она продолжала петь внутри, высоко и громко.

— Обратно лучше на такси. Это кажется, что далеко — не далеко, четыре трамвайные остановки.

Как-то утром я быстро спускался по деревянным истоптанным ступеням с третьего этажа, чтобы успеть на шестой трамвай. Маячило светлое небо в небольших окнах лестничных пролетов. Завтракали мы поздно, да и вообще, откровенно говоря, в тот год мы вели вальяжный образ жизни, и это у нас называлось — в ожидании документов. Все начнется, как только нам выдадут документы на жительство. В Гоа это еще называется дауншифтингом. Мы слегка сэкономили на всем. Да просто не покупали все те вещи «в дом», на которые уходит куча денег, если ты оседлый. Вся наша съемная квартира обставлена ИКЕА. Вилки, ножи и тарелки — тоже оттуда. Судя по всему, хозяин, Пан Витольд, просто вызвал спецов после ремонта и назвал им бюджет.

Мир теперь проще.

Только изразцовая печка — каминек, осталась в зале с прежних времен. Действующий экземпляр. Проверяли на Рождество. А какие закаты открывались из нашего окна на Приокоповой, пять! Таких и на Гоа нет.

От нас до главной, с Нептуном посредине, площади старого города можно доехать на шестом трамвае, всего четыре остановки, и трамваи всегда ходят по расписанию. Вполне хватило бы десяти минут спуститься, обойти дом и, через арку, где магазин рыболовных принадлежностей, дойти до желтого табло остановки.

Но, во-первых, в этом случае невозможно было успеть разглядеть неотреставрированного ангела над подъездом такого же старого дома напротив, бросить взгляд вдоль улицы, где из ряда домов выглядывала черная засмоленная церковь со сторожевой башней замка, похожая на шекспировское датское королевство. Зато можно было успеть на шестой трамвай. Признаться, я нередко обманывал семью, взяв эти десять минут и превратив их в сорок минут пути в центр Гданьска по старым улочкам нашего района. Вдоль довоенных домов. Некоторые уже отремонтировали. Если идти в супермаркет, то, проходя мимо угловой четырехэтажки, можно заметить следы от автоматной очереди на стене. А кое-где можно угадать и заложенную новыми кирпичами дыру от попадания снаряда. Так вот, там четыре выбоины на одинаковом расстоянии друг от друга, но одной не хватает, ближе к центру, на высоте чуть больше метра. Сто раз там проходил и до сих пор думаю, заметят ли строители при ремонте?

Дальше средневековая арка с пристроенной башней, вход в которую закрыт на висячий замок и там уже рукой подать до острова, где на канале стоянка яхт и вечно ветер порывами, и до филармонии, вы помните.

Центральная площадь отсюда уже совсем недалеко. Два дня назад мы решили разговаривать в семье только на польском языке. Чтобы быстрее выучить все слова. Практикуясь, я даже думал на польском. Шел в центр и думал о тех вещах, как ни странно, которые на русском мне не приходили в голову ни разу.

В то время мы хватались за любой повод, позволявший заняться хоть чем-то. Например, забрать свежий номер местного литературного журнала. Весь процесс занял не больше пяти минут, не считая дороги, а день уже прошел не зря.

Потом я сидел за столиком с видом на фонтан «Львы», пил красное вино, а ветер забавлялся с углом скатерти, будто с юбкой старшеклассницы.

Один из четырех львов, лежащий на боку, не давал покоя какому-то малышу, тот пытался взобраться на гладкий бронзовый бок, опираясь на ляжку задней ноги. Никак не удавалось. Малыш заплакал, и мамаша увела его, бросив неодобрительный взгляд на скрупулезно воспроизведенную анатомию гениталий льва. Мне сложно было думать об анатомических подробностях на польском, и я отвлекся.

Открыв страницу новостей в смартфоне, увидел самую свежую — в городе Любек умер Гюнтер Грасс. Гюнтер Грасс, музей которого сейчас у меня прямо за спиной. Родившийся в этом городе. Гюнтер Грасс — вытянутая рука из земли, зажавшая рыбу в кулаке. Из Данцига. Оказалось, к тому же, что Любек — это в Германии, несмотря на название.

Мне хотелось засечь, как ветер перестал, как люди остановились, время замерло, но ничего такого не произошло. Не то чтобы городу было наплевать на Грасса, просто все уже ехали дальше в шестом вагоне.

Я подумал — что за момент! Что же мне делать? Заплатить за бокал вина. Потом цветы. Купить цветов, у старой мельницы продают.

Две гвоздики без целлофана. Никто не обращал внимания на мои цветы Грассу, пока я пересекал четыре квартала обратно, к музею. Никого здесь не смущают две гвоздики. Когда я подошел к белой руке из земли, там уже лежали чьи-то цветы! Хотелось думать, что это сотрудница музея быстро открыла входную дверь, может, даже и босиком вынесла букет и сразу вернулась, заперев за собой.

Другого объяснения просто не было. Грасса, если честно, не люблю. Тягучий ритм его прозы всегда ассоциировался с какой-то другой эпохой.

Но он умер, так уж получилось, что именно сегодня, и я не успел с цветами к его руке, торчащей из-под земли, протягивающей рыбу в крепко сжатом кулаке мне, первому

встречному. И тогда я решил что-нибудь рассказать Гюнтеру Грассу, что-нибудь необычное. Хотел рассказать о том доме, с пулями, но его этим точно не удивишь. Или о том, как мы лазили на заброшенную фабрику, где следов войны еще больше, но все они невидимые. Гюнтер меня не слушал — рыба не шевелилась.

Ситуация ухудшилась тем, что я заметил краем глаза, как у костела строится отряд юных барабанщиков, явно собиравшихся сюда под предводительством учителя музыки. Времени было в обрез. Скоро треск двадцати барабанов заглушит даже мысли. «О — рыба!» — подумал я на русском и на польском одновременно, и рассказал ему о том, что тайком от хозяина квартиры завел аквариум с рыбками. Очень похожий на тот, что я держал в детстве, в Алма-Ате. Родственники просились к нам в гости, чтобы посмотреть на идиллию подводного пляжа из мелкого песка между водорослей-стрелолистов. Я выделил его верхним светом, будто маленькую сцену, а задник затемнил, как советовала одна книга по аквариумистике. Тени от ряски качаются на поверхности песочка, и сами песчинки иногда взлетают от пузырьков компрессора, или сомик подбрасывает струйку песка в поисках корма. Когда приходил хозяин квартиры, я задергивал шторы и прятал свой аквариум. Он у нас на окне. Иногда я наблюдаю за рыбками и водорослями, а иногда смотрю на Гданьск сквозь линзу воды и стекла. Начинает казаться, что разноцветные рыбки плавают между домов, а пузырьки воздуха улетают в смеркающееся после полудня небо.

ХЕЛЬ

Повесть

Не могу слушать меланхоличную музыку. Но меньше всего ведь есть той музыки, что привлекает душу ясными, зовущими танцевать грациозными звуками, а потом, уходя от веселья незаметно, становится лишь сплошным широким потоком грусти.

Ольга Кобылянская Valse mélancolique

1

Черный Опель марки Астра, небольшой, созданный для семьи среднего достатка автомобиль несся по объездной труймяста — как принято здесь, в бывшей восточной Пруссии, а теперь Польше, называть братство-сестринство трёх городов — Гданьска, Сопота и Гдыни, совершенно между собой не похожих, то ли привенчанных, то ли морганатических детей. Каждый из них давно повзрослел, и живёт своей жизнью. Средний, Гданьск — кажется высокомерным, может, потому что многого добился. Когда-то. Старший — Сопот, так и родился стариком у седого моря. Ничем его не отвлечь от созерцания горизонта. Он уже видел все, кроме ненавистного высоченного забора обводной дороги, из брешей в котором выскакивают порой под колеса олени.

Младшая сестричка — Гдыня, с братьями общается мало. Поздний ребенок, любовница новой Европы, в сумочке постоянно звонит мобильный, и мелодию никто не узнает.

Машины этой марки отлично держат трассу, чего не скажешь о выдавшем виды Ниссане, в котором Кинга с отцом ковыляли все детство из Хеля в аэропорт Гданьска,

встречать очередного заокеанского гостя. Обводницы еще не было, и дорога вела от города к городу, длинной цепочкой. Крупные камни, их три, а между ними мелочь кашубских поселков.

Новая трасса подпрыгивает иглой только на царапинах памяти, ровная дорога, анонимность больших скоростей. Не забывай об оленях, Кинга!

Поездки свои Кинга с отцом начинали весной, когда уже можно было сидеть вечерами на берегу балтики и на старом кладбище меннонитов в Стогах сходил снег. Гостя встречали у выхода из небольшого аэропорта в Рембехове, и обычно в руках у него был небольшой чемодан на три дня. Иногда спортивная сумка.

Всех гостей отца объединяла одна особенность — в некотором смысле соседство — их фамилии можно было разобрать на надгробных плитах кладбища в Стогах. Геллен, Фалф, Петерс. Все гости, так или иначе, приходились родственниками лежавшим там с XVI века людям. Всю свою жизнь до этого момента они занимались делами, где-то внутри ожидая звоночка из прошлого, а получали письмо отца и фотографии фамильных надгробий. Оставляли дела на три дня и летели в далекую Польшу, туда, где, как говорит Мисс Шортли, в религии не было никакой реформации.

Иногда, однако, приезжавшие оказывались набожны, в чемоданах привозили крестики, клали их на надгробие и о чем-то думали. Отец всю дорогу рассказывал им истории о меннонитах, одной рукой управляя Ниссаном.

Эти ваши меннониты были самой экзотической общиной из всех, кто здесь когда-то пытался жить. Самыми экстравагантными, конечно, оказались пруссы, истребленные еще до того, как подробности их культуры успели остаться в истории. Даже название сохранилось ненастоящее. Вымышленное. Пруссия. А Восточная Пруссия для восточного человека, к примеру, греет душу. Но востоком здесь и не пах-

нет. Слияние и поглощение — вот истинный образ Пруссии. Известно только, что пруссы представляли собой народность. Как немцы и кашубы.

Поселившихся здесь советских людей (граница совсем рядом) объединяла идеология. Рыцарей тевтонского ордена — вера и деньги. Меннониты такие же христиане, как и рыцари, такие же идеалисты, как советские люди, только они оказались пацифистами. Не желая воевать за родную Голландию, бежали сюда. Как бежали в Россию и в Мексику и Белиз и добрались даже до Хивы, тем самым, опосредованно оправдав это название — Восточная Пруссия.

Переезжая с места на место, они ничего с собой не брали, только убеждения и личные вещи. Трудолюбие и изолированность позволяли им выжить каждый раз. Зная, что придется начинать все с начала и давно утратив чувство ностальгии, они оставляли после себя деревянные амбары и каменные кладбища. В общем, все то, что так любит государственная служба охраны памятников истории любой страны.

Отец шутил, показывая свободной рукой на небольшой чемодан гостя, лежавший за диваном заднего сидения:

— Да вы настоящий меннонит, сэр, вещей у вас как кот наплакал!

Потом они вместе смеялись. Перед отлетом, когда отец доставал из багажника и ставил чемодан на тротуар, они снова вспоминали эту шутку, гость улетал навсегда, а Кинга с отцом оставались присматривать за могилой и трехдневными воспоминаниями. Платили за это по-разному. Но всегда недостаточно.

У одного американского гостя кроме сумки в руке была деревянная бейсбольная бита. Молодой, дышащий глубоко, еле уместившийся в Ниссан американец по фамилии Кран.

Кристине, университетской подруге Кинги довелось услышать эту историю про бейсбольную биту в формате посиделок в общепите города N после двух бутылок красного.

От самой Кинги, конечно. Подробности поездки, в которых то и дело увязала Кинга, осыпались почти сразу, оставив только яркий спектр.

Ладно, рубрика мой самый первый раз! Лет в четырнадцать у меня уже выросла грудь. Ее хорошо было видно в зеркало заднего вида. Если отец замечал, что гость пялится на меня, разговор сводился к вечеру с пивом и потом гость отправлялся в наш трейлер, где я сидела на кровати нижнего яруса, на моей собственной кровати, и иногда слушала беседы за стенкой, на берегу. Папа не разрешал им меня трахать под страхом страшной смерти. До шестнадцати лет я была целкой, перевидавшей разных размеров, тонких, толстых, трудных, безрезультатных и сверхзвуковых. У отца было стратегическое мышление: он называл это попутными деньгами.

Когда мы встречали того гостя с битой, мне уже исполнилось шестнадцать. Вечером он затащил биту в трейлер и перво-наперво стал высматривать, куда бы ее положить. Я сидела на кровати в одних трусах. При тусклом свете ему трудно было сориентироваться в нашей тесноте. Он просто положил биту на кровать второго яруса. За стенкой он рассказывал отцу, что играл в высшей лиге, а теперь занимается инвентарем. На бите, между прочим, его имя и роспись. Не настоящая. Часть логотипа. Я сползла на пол, чтобы он смог протиснуться и лечь на кровать, но он поднял меня за талию и положил на спину, сначала стянул футболку, а потом начал тянуть меня за трусы. Я сделала страшные глаза, кивнув в сторону стенки, там, на улице, сидел мой отец у костра и если только трейлер качнется... Он не слушал меня, но действовал очень медленно, как будто пиво не имело над ним контроля! Не то, что это русское вино! Он первым до этого додумался. Может, раньше я просто была слишком мала для уни. Будет еще взрослый мужик лизать ребенку! Не помню, о чем думала в тот момент. Потом все это повторилось, и мне захотелось сжаться, но он как будто знал об этом и держал.

Я подумала, что пора и вернулась в сидячее положение. Сердце колотилось, он посмотрел на меня, подставил ладонь между ног, и я начала легонько тереться об эту ладонь, чувствуя, что палец вот-вот проникнет внутрь. Единственная кровать, которую я вообще помнила в жизни, оказалась страшно неудобным приспособлением для всего происшедшего. Он каким-то образом освободился от шорт и проскользнул подо мной всем телом, настоящий спортсмен, мокрый пловец, извернулся и ухватил за талию, довольно больно сжал меня и приподнял, как гимнастку в цирке. Я ухватилась двумя руками за края кровати верхнего яруса, и очень легко, удивительно легко, я была кусочком растопленного масла на сковороде, села на его член и дыхание перехватило. Я думала только — «держусь, тужусь», до побелевших костяшек. Он сам все, что надо, делал, приподнимал и опускал. Я открыла глаза и увидела, что его живот в крови. Боже, как я испугалась, соскочила в проем, схватила футболку и начала тереть его живот и член, он тоже был в крови. Бейсболист поджимал ноги к животу, защищаясь, и руки выставлял, а я уворачивалась и терла живот и член, потому что отец убил бы меня, ведь это я сама сделала. А битую он мне подарил. С лакированной подписью «Берген». Она там так и лежит, в нашем трейлере, только я ее переложила под свою кровать, там отделение для вещей во всю длину.

2

На такой дороге чувствуешь себя мышью в лабиринте, серый высоченный забор ведет влево-вправо, географию узнаешь по указателям. Бок о бок несутся другие.

Но выезжаешь за Сопот и вдруг заборы пропадают — перед глазами зеленые холмы и видно, как автомобили вдалеке, на краю заката медленно вползают по дороге на холм, а у тебя впереди резкий спуск, похожий на обрыв, и там дороги совсем не видно, но ты уверен, что это не обрыв, ведь те машины как-то выползли! Ты летишь вниз, с холма, не снижая скорости, но и не позволяя машине разогнаться, замеча-

ешь мост над заросшей рекой в самой нижней точке спуска, но реку разглядывать некогда, замечаешь сильный, уже холодный в низине боковой ветер с запахом дикой травы, уходишь на резкий подъем и остается только ощущение прекрасного свежего вдоха и вечернего солнца. Как будто кто-то на секунду вынул из пачки фотографий и показал тебе идеальную картинку, тут же сунув обратно и перетасовав. Потом ты влетаешь на холм, и справа блестит полоска моря, дорога раздваивается в развязке, знаки просят снизить скорость, и за бетонной изогнутой эстакадой оказываются видны этажи кораблей. Это порт Гдыни, куда тебе не надо. Да и дорога твоя теперь резко уходит влево. Море исчезает за спиной, и ты уже у самого въезда в темнеющий поселок. Невидимая рука все решила за тебя. Пора включить фары, и ты попутно смотришь на часы — весь пролет по холмам длился не больше пяти минут, и море мелькнуло всего на минутку, но ты ведь даже названия поселка не заметил, думая все время лишь о том, что никогда этой реки в долине раньше не видел и даже не знал о ее существовании, и что машины чудом с холма не падают.

Странные кашубские села, живущие вокруг дороги. Костел напротив ресторана, школа, все на виду проезжающих мимо. Не сказать, чтобы завидно.

Заправочная станция с важным названием, а за ней, кажется, кафе.

Кинга уперлась фарами Опеля в его стеклянную стену. Но это единственная парковка, и сидящие внутри, наверное, чувствуют себя ангелами во свету.

Ни одного посетителя. Только бариста протирает матовую поверхность своего кофейного паровоза. Кинга заказала латте, обычный. Как в городе. Парень невозмутимо спросил ее имя, чтобы написать на стаканчике. Вот так игры! Но красиво. Пусть теперь кричит на все пустое кафе — Кинга Марушевска, ваш латте! Кафе небольшое. Пять столиков.

Вот и имя! Спасибо, прелесть.

Справа от водительского кресла в Опеле есть удобная ниша, как раз для стакана. Кинга включила фары, снова превратив помещение кафе за стеклом в подобие аквариума с единственной рыбкой за стойкой, теперь она знала, что никаких ангелов там нет. Рыбка не отвернулась, подняв глаза от кассовой книги безо всякого удивления и интереса. Бариста слепо посмотрел на замершую пыль в воздухе. Опель выехал на дорогу, теперь уже больше не трассу, теперь впереди изнурительные светофоры и пешеходные переходы до самого Владиславово. Почти стемнело, люди с улиц исчезли, превратившись в огоньки за окнами домов. Неяркие аляповатые вывески провожали Кингу, передавая из рук в руки от одного поселка к другому, пока она пила на ходу кофе. Каждый раз, когда рука опускалась взять стаканчик, по тонкому запястью соскальзывала веселая темно красная нитка с единственным металлическим шариком.

Вернув стакан на место, между сидений, Кинга нервно трясла рукой, поднимая фенечку почти до самого локтя. Разноцветные огни вывесок и светофоров мелькали на ее лице, словно сны, и, если сесть рядом, в пассажирское кресло, любому стало бы неуютно от воцарившегося в салоне напряжения. Кинга посмотрела на пустое соседнее кресло, пока машина ждала очередной зеленый, и включила музыку. Кто-то забыл в CD-проигрывателе диск Моби, и старческий дрожащий голос начал атмосферно и качественно грустить. Кто-то, тоже бравший эту машину в аренду, бросил здесь Моби. Дело не в нем, подумала Кинга, хотя жалко ей стало именно его. В одной из папок ее компьютера был раздел, названный с ошибкой — Мобби, слово, чем-то похоже на фобию.

Владиславово стало похоже на монету, прилипшую ко дну старой металлической чашки в саду. Поверхность блестит, и герб покачивается под слоем дождевой воды, когда в чашку попадают капли, а если протянуть руку и достать ее со дна, то окажется, что обратная сторона грязная, бугристая, в наростах от проржавевшего дна чашки.

Проезжая мимо железнодорожного вокзала, Кинга убедилась, что здесь мало что поменялось за эти пять лет ее отсутствия. Киоск с алкоголем, пустырь, дальше дома и двухэтажный магазин, нависший над площадью, с огромным билбордом рекламы единственного ресторана на фасаде. Он не подсвечивался, но Кинга и без того помнила его текст от начала до конца. За магазином дорога уходила к неухоженному, заброшенному парку.

Которого теперь было не узнать.

Она заметила стезжку новенькой велодорожки и двух велосипедистов — молодую пару, преодолевавшую подъем, которого Опель даже не заметил. У самого парка появились старые деревянные ворота, а вдоль дороги, отделявшей парк от берега, потянулся самый настоящий променад. В темноте угадывались огни коттеджей и корпуса отелей, навигатор вел Кингу в сторону яркого пятна света, полной иллюминации. Как будто какой-то гигантский лайнер пришвартовался у самого берега, и на палубе вечеринка в полной тишине. Кинга ехала осторожно, присматриваясь к новому, разглядывая чудо, произошедшее с Владисловово, с этой его частью. Отель должен был быть где-то там. Как раз где свет. Но навигатор предложил свернуть влево раньше, и потом почти сразу во двор трехэтажного коттеджа, где все парковочные места оказались свободны.

— А что это там сияет? — пока полусонный служащий копался в поисках брони в компьютере, Кинга разглядывала темный холл и широкую лестницу, сопровождавшуюся энергосберегающими лампами, которые обязательно зажгутся, когда она потащит чемодан в номер, пересчитывая колесиками ступеньки.

— Ваш номер восьмой, вот ключи, пожалуйста, завтрак с восьми.

— Так, а что там за свет на берегу?

— Спортивный комплекс. Стадион включили. Ночная тренировка.

— Ночная тренировка, — Кинга взяла ключ с гирькой и восьмеркой на торце.

— Кухня уже не работает, но мы можем чай предложить.

— Благодарю вас, не нужно. Я лучше спать лягу.

— Доброй ночи!

В номере Кинга открыла чемодан и достала бутылку греческой рецины. Глупо было пить перед сном, но выбора не было. Рецина прекрасна своей самодостаточностью, да еще и пахнет духотой Афин и ближних островов и рекой в низине. Выпив стакан белого легкого вина, Кинга подумала, что ни один из гостей отца не приплывал сюда на корабле.

3

Она проснулась с желанием пройтись по берегу до завтрака, но, посмотрев на часы, поняла, что завтрак внизу не будет ее дожидаться.

В пустом ресторане скучали два составленных в ряд стола с графинами сока, молока, стеклянной чашей хлопьев и накрытыми белыми тряпичными салфетками блюдами с колбасной и сырной нарезкой, вареными яйцами и долька-ми помидор. Из горячих напитков предлагался термос кипятка и чайные пакетики. Круассаны и булочки располагались открыто, что подчеркивало свежесть и сиюминутность происходящего. В зале никого не было. Только столик в углу стоял до сих пор не убраным после какого-то гостя. Кинга собрала скромную композицию на предложенных условиях и не спеша позавтракала в полном одиночестве, глядя в окно на то, как трижды начинал моросить дождь, потом переставал, а тучи при этом висели и злобно выворачивались наизнанку. Одно из окон ресторана было приоткрыто, и дождь барабанил по большому деревянному столу, где летом хорошо было сидеть семьями.

Музыка в зале не звучала, только с рецепции доносился утренний голос радио.

Парень, делавший вид, что записывает что-то в журнале учета гостей, поднял лицо и улыбнулся, оглядел Кингу с ног до головы быстрым взглядом и посоветовал вернуться в номер за зонтом, а в случае его отсутствия гостя может воспользоваться зонтиком гостиницы. Джинсы с высокой талией, черная кожаная куртка и кофта казались Кинге достаточными для прогулки, но она поднялась за зонтом, поблагодарив парня. Выходя на улицу, оставила ему старомодный ключ с гирькой. Отдала в руки.

Дождь начался, как только она вышла со двора на брусья тротуара, спускавшегося к набережной вдоль высоких каменных заборов коттеджей. Пустая улица, только велосипедист в спортивной куртке пронесся по дороге. Ей захотелось выйти к берегу, и можно было сделать это, пройдя через променады, начало которого обозначали высокие ярмарочные ворота с надписью «Владиславово», как и положено на любом уважающем себя курорте. Но Кинга пошла влево, туда, где теперь можно было рассмотреть забор и стадион большого, неизвестно когда успевшего здесь вырасти спортивного комплекса.

Пройти на территорию удалось безо всяких проблем, никто даже не спросит ни о чем, спрашивать было некому. Аккуратно постриженная трава лужаек, четко прорисованные велодорожки, виднеющиеся в глубине клумб столбики фонарей. Кинга как будто оказалась во дворце хозяина аленького цветка, в той вселенной, где он оказался спортсменом.

Стадион ей обходить не пришлось, дорожки сливались в аллею, ведущую к берегу и здесь уже все блага цивилизации заканчивались, берег не принадлежал ни спортсменам, ни муниципалитету, он принадлежал только балтийскому морю.

Обернувшись, стоя уже на песке, Кинга смотрела на подъем, с которого только что сошла по тропинке, на забор за ним и на желтую невысокую траву, причесываемую

ветром, будто это волосы на голове собеседника, когда двое прощаются, стоя совсем близко друг к другу.

Кинга посмотрела на привычное серое вечное одиночество моря, здороваясь. Она ждала этого момента от самой границы в Мамоново, ждала его в магазине города N, выбирая кроссовки, и ждала в гостинице, оттягивая этот момент второй чашкой чая.

Справа, метрах в пятистах от нее, берег под углом в девяносто градусов упирался в каменный мол с маяком на самом конце, слева сливался с линией горизонта. Если дойти до мола, а потом по нему до маяка, вполне возможно разглядеть линию косы. Она была в этом уверена. Отсюда до Хеля несколько километров.

Кто-то бежал по твердой мокрой полосе песка. Опять заморосило, но порыв ветра раздувал капли во все стороны, и открывать зонт не имело никакого смысла. Фигура приближалась, превратившись в мужскую, облаченную в современное трико черного цвета и тренировочную кофту с болтающимся в такт шагов капюшоном. Аккуратная борода, длинные, собранные в пучок волосы. Кинга пыталась зацепиться хотя бы за надпись на спине, обернувшись вслед пробежавшему мимо. Никакой надписи не было.

Только хруст кроссовок по песку, когда он медленно и сосредоточенно пробежал мимо. В наушниках, наверное, подумала Кинга.

Кинга пошла к молу по следам кроссовок, но вскоре они пропали. Мокрый песок рассасывал поверхность, как леденец. У океана нет памяти. Хотя это всего лишь море.

4

— Приятного аппетита!

Кинга вздрогнула, инстинктивно выключила экран телефона, что, наверное, глупо выглядело. За соседний столик усаживалась ухоженная борода с чаем и тарелкой, загруженной колбасой и сыром.

— Спасибо, — она положила телефон рядом, на белую скатерть.

— Можно присесть за ваш столик, раз уж мы знакомы?

Чашка и тарелка парили над поверхностью соседнего столика, и руки у него не дрожали.

— А мы разве знакомы? — Кингу совсем это не смущало.

— Вчера же на море познакомились.

— Я вас помню, думала, вы спортсмен, но не помню, чтобы мы познакомились. Садитесь, конечно. Если мы точно познакомились...

— Но мы же увидели друг друга. Я это тоже почувствовал. Вы смотрели мне в спину.

— Вы самонадеянный! Кинга уместно рассмеялась, но, в общем, они были здесь одни, все это ни к чему не обязывало.

— Прошли соседними курсами. Или, знаете, что я подумал. Как собачки рядом проходят.

— Умеете красиво говорить? Завидую!

Он так ловко и быстро пользовался столовыми приборами, разделывался с яичницей и ломтиками помидоров, что Кинга решила, что это ненадолго. Мешки под глазами не утренние, постоянные, мимические морщинки, сбрей бороду, возраста бы это не поменяло.

— Чем вы здесь занимаетесь? Шпионите за мужем?

— С чего вы взяли!

— Просто я идеальный вариант для мести, если что, меня зовут Кшись.

— Не старайтесь так уж сильно, Кшиштоф.

— Полное имя Кристиан. Но здесь Кшись.

— А я Кинга.

— Вы тоже не местная?

— Нет, жила недалеко отсюда.

— Это в какую сторону? Здесь место классное рядом — Хель, длинная песчаная коса выходит в море. Хотите, съездим?

— А почему вы там не живете?

— Я не сам гостиницу выбирал, мне бронировали.

Он закончил с завтраком, принявшись за кофе, и по тому, как он держит чашку на весу, как она задействована в жестикуляции, было понятно, что дальше уже никакой спешки не ожидается.

— Приглашаю сегодня послушать джаз. Вечером.

— Где, в Хеле, что ли? Кинга заворожено следила за чудом — кофе из его чашки могло выплеснуться, но этого не происходило.

— Да, я теперь ударник джаз-бэнда, они меня пригласили на прослушивание, но, похоже, уже нанят. Во всяком случае, других ударников в гостинице нет, и, если только вы не беретесь составить мне конкуренцию, то я утвержден.

— Нет, я не играю ни на чем, только на нервах!

Кинга оглянулась по сторонам, будто пытаясь убедиться, что и правда никого больше нет, и можно довериться.

5

Того, что зал будет переполнен, Кинга никак не ожидала. Она оглядывалась по сторонам, стараясь понять, когда же небольшой магазин успел превратиться во внушительного размера клуб? От магазина остались только прямоугольник стен и дальняя дверь в служебные помещения. Отсюда, из зала ее не видно, но, когда Кшись привел ее знакомить с группой за сцену, Кинга заметила дверь, и это впечатлило. Ни прокуренные музыканты в черных костюмах, ни певица с выгоревшими добела глазами никаких впечатлений не оставили. У одного из музыкантов было русское имя, певица — полька, здорово пела по-английски.

Кинга вслушивалась в знакомые песни — каверы разных хитов, вместе с залом не сразу узнавая оригинал (Кшись предупреждал по дороге, что не все, что играют — джаз), а когда звучали незнакомые вещи, разглядывала гостей — явно приезжих, и вспомнила, как они, с девчонками из класса, ели здесь в дождь клубничное мороженное. Пережидали непогоду, и продавщица, пани Хелена, никогда их не прого-

няла, даже если с одежды на пол стекала вода. Когда очередной покупатель входил или выходил, открывая двери, они выглядывали, не прояснилось ли небо. Когда капли становились совсем редкими, можно было уже идти смотреть морских котиков в зоопарке.

Певица бесконечно повторяла фразу рефрена, каждый раз придавая голосу новые краски и интонации, но композиция навевала грусть — чистая меланхолия.

Кинга незаметно ушла из зала, когда Кшисю досталось длинное барабанное соло, и он великолепно, как настоящий осенний дождь, играл на щетках, и только бас-гитарист иногда весомо вставлял пару тяжелых нот.

Она прошла знакомой улицей с одноэтажными рыбацкими домами к набережной, улица почти не изменилась, зато сама набережная точно поменялась — появились укрытые стеклом лавочки и велодорожки, появились даже велосипедисты. Некоторые были одеты так, будто только что участвовали в каких-то спортивных соревнованиях.

Бухта по-прежнему была похожа на раскрытую морю оскаленную пасть чудища с огромными зубами — волнорезами, между некоторых зубов застряла грязь — старые автомобильные покрышки, гнилые снасти и разный туристический мусор в виде пластиковых пакетов-медуз и неубиваемых красных этикеток Колы. Волны бились о каменные волнорезы с чавкающим звуком, словно пьяный рыбац, задрал голову, никак не мог напиться холодной мутной воды из слишком сильно наклоненной бутылки.

Старый пассажирский пароходик, на котором она в первый и последний раз выходила в открытое море, болтался по бухте, размахивая гирляндой огней, будто искал или звал кого-то.

На берегу почти не было ветра, чайки спокойно промышляли у рестораника, украшенного старыми сетями, подоткнутыми под низкую крышу.

Их крики успокаивали. Чайки всегда кричат по очереди, не перебивая друг друга.

Кинга возвращалась соседней параллельной улицей, с этой стороны ничего не изменилось со времен магазина — только высокое служебное крыльцо обзавелось кустами дикой малины, мусорный контейнер набит был остатками прошлого интерьера — теперь строительным мусором. Рядом картонные коробки, просевшие от дождя и сырости даже под навесом и большие черные пластиковые пакеты. Один из них зашуршал, когда Кинга поравнялась с контейнером. От неожиданности она замерла. Что-то шевелилось в черном пластиковом мешке, прислоненном к ряду коробок. Так, как будто оттуда пыталась, не спеша, выбраться крупная змея. Но вместо змеи из-за мешка показалась мордочка худющей собаки, и это была не собака, а жалкая, облезлая лиса. Подняла морду, чтобы понюхать воздух, опасен он или нет. Такой взгляд, такие глаза Кинга видела у бездомной спивующейся женщины. Та еще старалась следить за собой, но в глазах уже виделась печаль смирения. Некоторые бомжи со временем становятся похожи на святых, с блестящими глазами, чистым от алкоголя разумом. У других в глазах просто ожидание какого-нибудь конца. Наверное, по лисьим меркам, это животное уже переступило черту, и обратной дороги нет. Кинга подумала, что Кшися позвать не успеет, да и не на что было смотреть.

Кшись курил на улице вместе с двумя другими музыкантами, когда Кинга вернулась.

Ей была предложена вежливо сигарета.

— Хорошая новость. Нам предложили два концерта в Гданьске. Вернее, один в Сопоте. Едем с нами? — сказал Кшись, и все трое уставились на Кингу так, будто она успела стать незаменимой участницей коллектива.

— Этого мне еще только не хватало.

Они засмеялись.

Кинга почувствовала пальцами тлеющее тепло сигареты и бросила в урну оцукор, только когда держать уже стало больно.

Наверное, сверху Хель напоминает длинный язык хамелеона, выброшенный в попытке поймать муху, да так и застывший. Все самое главное — на кончике языка — окончании косы, там городок и маяк, и остатки военных укреплений времен войны, и бухта, а теперь еще и магазин — джаз-клуб. С этим, конечно, не согласятся жители двух поселков — Ястарния и Юрата приютившихся по дороге от Хеля к основанию косы. Проезжая Ястарнию, можно видеть за домами море с дороги по обе стороны. Сквозь полосу деревьев вдоль изгибов дороги. Каким-то чудом уместилась еще и железная дорога, и до Хеля с двумя остановками можно добраться местным поездом — коротышом.

В машине играло радио, стеклоочиститель смахивал в ленивом режиме капли, на светофоре в Юрате скопилось несколько машин, задержавшихся после концерта, и можно было разглядывать номера. Гданьск, Гдыня, Великобритания, на пешеходном переходе никого, темнеет, люди уже ужинают дома. Пара припозднившихся велосипедистов.

Когда миновали Юрату, и Кшись, выключил какую-то совсем уж безнадежную песню, Кинга попросила ехать медленнее.

— Останови здесь, пожалуйста.

— А что здесь?

Не дождавшись ответа, Кшись припарковал Опель у дороги, небольшой участок, отобранный у леса, позволял это сделать. Кинга вышла первой.

Огляделась, и, когда звук проехавшей мимо машины затих, перешла дорогу к большой парковке на той стороне.

Здесь могло бы поместиться и пятьдесят машин, но сейчас стояли всего три автоприцепа-трейлера. Немецкие дома на колесах в конце восьмидесятых приехавшие в Польшу, отслужив прежним хозяевам. Несуразные конструкции на двусосных колесах, глубоко посаженных, напоминали цирковую доску, балансирующую на бревнышке. С массивным металлическим форкопом спереди и лестницей на крышу сзади.

Колеса спущены, под углы трейлеров подставлены кирпичи. Два трейлера затянуты мутной целлофановой пленкой, а у входа в третий небольшой раскладной столик, отданный в распоряжение листьям и ветру.

Дальняя часть парковки выходила на пляж, он немного шире, и не бросается в глаза с дороги. Сунув руки в карманы куртки, Кинга подошла к дорожке, ведущей к пляжу, вышла на берег. Если не оборачиваться, то можно было представить, что стоишь на длинном вечернем пляже, с дальними огнями кораблей в открытом море. Скоро стемнеет и море превратится в плотную тьму, равномерно дышащую холодом. Кинга сняла кроссовок с правой ноги, стянула носок и ступила ногой в воду так, чтобы волна не заливала край джинсов. У нее была небольшая ступня, толстая щиколотка, когда она шевелила пальцами в воде, выступали жилки, будто части подкожного механизма. Когда пальцы съезжились от холода, она провела рукой по ступне, смахнув брызги, натянула носок и кроссовок.

Кшись разглядывал будку, закрытую на замок.

— Что это, как думаешь? Окон нет.

Кинга улыбнулась.

— Это электрический дом, туда нельзя. Сюда приезжают с трейлерами и живут сезон. Хорошие волны бывают.

— Детские воспоминания?

Кинга кивнула, как будто слушала регги в невидимом плеере, и повернулась к трейлеру, стоявшему ближе к дороге, за полосой деревьев.

— Мой дом.

Они подошли поближе.

Кшись не решался ничего сказать. Кинга осмотрела дверь и небольшой замочек.

— Закрыто. Никого нет.

— Слушай, тебе срочно нужны новые воспоминания об этом месте.

Кшись подошел и обнял Кингу сзади. Прижал к себе. Так постояли немного. Потом он повернул Кингу, увидел слезы и поцеловал сперва в лоб, потом в губы. Она не отстранилась, расплакалась и молчала, пока совсем не стемнело.

6

Оскара, отцовского однокурсника, Кинга видела всего один раз, хотя он утверждал, что в младенчестве они имели честь встречаться. У него был своеобразный стиль общения, немного рыцарский, и сам он, в коричневом костюме-тройке с бордовым платочком в кармане выглядел экспонатом. К шестнадцати годам Кинге встречались только три типа историков — кабинетные, как Оскар, с закатанными рукавами и грязными коленками, каким вечно был отец и еще Индиана Джонс, на которого отец мог бы быть похож, если б занялся поисками сокровищ. Но сокровищами отца были замшелые надгробия меннонитов, чьи американские родственники платили им за то, что отец присматривал за могилами. Со временем он превратился в кладбищенского смотрителя, даже папка с недописанными публикациями по меннонитам давно затерялась в ящиках трейлера, где посуда мирно соседствовала с книгами. Оскар занимался исследованием остатков Восточной Пруссии, растащенных из музеев недоразрушенных войной городов. Каждый кроил из старого рваного покрывала Пруссии свою историю — поляки и советы, а Оскару доставались кости с этого стола в виде затертых инвентаризационных номеров и надписей на немецком на багетах картин и потемневшей кабинетной мебели экспозиции какого-нибудь временного штаба войск СС. Со временем он даже перебрался в Калининград, что было довольно сложно и предельно интересно, по словам самого Оскара. Это он предложил отцу пристроить Кингу в городе N. Он так смотрел на нее во время разговора, что, наверное, представлял себе, как войдет вечером в кабинет, где Кинга будет оттирать ситцевой тряпочкой найденную кокарду, а он положит ей руки на плечи, откинув вперед волосы.

Город N предложил много новых возможностей. Положив руки на плечи, встряхнула и толкнула в зал приемной комиссии отделения переводчиков. Переводчики с польского всегда могли пригодиться, и Кинга поступила с письмом-благословением смирившегося Оскара. Письмо прошло по длинной цепочке и конечному адресату ничего не говорило имя польского профессора из Калининграда, но он пожал плечами, выслушав коллегу, который тоже смутно себе представлял свою степень знакомства с автором. Конференция в Варшаве? Да, возможно. Академическая среда — настоящая социальная сеть, изобретенная гораздо раньше социальных сетей.

Как-то вечером Кинга шла по улице Новый Свят в Варшаве. Во всех этих кафе — кнайпах — с обеих сторон предлагали пиво, кофе, дети пили колу, но детей здесь почти не было. В основном студенты и какие-то облезлые бизнесмены с женами, деловыми партнерами или молоденькими любовницами. Молодость — вот что бросается в глаза на улице Новый Свят. Наверное, поэтому пожилых сереньких букинистов у книжного развала почти незаметно. Они похожи на тени книг, которые продают и бесконечно обсуждают между собой и с редкими покупателями. Огни кафе зажигаются задолго до того, как начинаются сумерки, и Кинга думала, зачем это происходит.

— Зачем, интересно, они освещение так рано зажгли? — спросила она как-то Кристину, университетскую подругу, перебравшуюся в Варшаву еще на третьем курсе.

— Ну, так улица же и называется — Новый свет!

Одевалась Кристина дерзко, коротко, с рюкзачком. Вечером они оказались в какой-то съемной варшавской квартире, куда идти было совсем близко. Квартира с историей, с тяжелым массивным столом под скатертью, на котором пицца в коробке выглядела довольно глупо.

Вдоль стены — два застекленных книжных шкафа. Книги она не доставала, просто водила рукой по корешкам

туда-сюда. Совершенно незнакомое ощущение. Будто видишь, как слепой читает руками Библию.

Кристине и ее подругам, имен которых Кинга не запомнила, не хватило вина, и они все вместе отправились по ночной Варшаве в какой-то алкогольный магазинчик. Пустые улицы, зеленые автобусы и редкие прохожие. Девчонки весело поздоровались по-русски с кем-то на той стороне. Засмеялись. Такие дерзкие аж завидно, подумала Кинга, сама она боялась больших городов, совсем не комфортно чувствуя себя здесь. До утра вспоминали город N (Кристина расспрашивала про однокурсников и однокурсниц, про каких-то общих знакомых) и запах метро.

Называли имя и сразу забавный случай, с ним связанный. Такая игра. Кристина сказала, что больше всего помнит то первое впечатление от бешеного звука вагонов метро, количества людей и запаха шпал. Кингу в первый момент поразили широкие светлые улицы города N — жара и поливалки. Люди, прятавшиеся от брызг за коробками остановок. Она вспомнила себя, ступившую в грязную лужу и быстро, без следа высохшую. Превратившуюся из опытного ребенка в неопытную женщину и впервые полюбившую Иосифа, длинноволосого прекрасного сокурсника. Переводчика и мужчину. Так давно, как будто дважды где-то не здесь. Вспомнила и профессора, и его жену.

Но ничего этого Кристине она не рассказала.

7

Она никак не могла разобраться с настройками, и невзлюбила мелодию звонка городского телефона с первого дня, в тот вечер именно городской телефон рассказал ей, что думает профессор Валентин Михайлович об ее опоздании к началу семестра. Потом, конечно, отношения наладились, но только не со звонком городского. Не то, чтобы в городе N городские телефоны были в ходу, или вообще

пользовались популярностью. Все однокурсники общались между собой при помощи мобильной связи. Профессор и роботы-оповестители коммунальных служб предпочитали городской.

Вот и в этот раз она угадала, звонил профессор.

— Кинга, добрый день, впрочем, у вас всегда добрый день. Смотрю ваш перевод, и у меня возникают вопросы. Понимаете?

— Понимаю, Валентин Михайлович, что за вопрос?

— Вот, вы пишете, у нее были пивные глаза... Но на русский язык нельзя переводить это слово таким образом, надо бы замену поискать...

— Посоветуйте, пожалуйста...

— Вопросов много, так что прошу вас ко мне после обеда зайти.

— Во сколько?

— Допустим, в четыре тридцать.

Кинга собиралась куда-то, но куда именно, сейчас не могла сообразить.

— Хорошо, хорошо, я приду, спасибо.

— До встречи.

Короткие гудки — это ведь звуки прошлого, зачем их перенесли в мобильные телефоны?

Квартира профессора находилась в шести станциях метро от той, которую снимали вскладчину Кинга и Кристина, студентки известного в городе N высшего учебного заведения, готовившего профессиональных переводчиков.

В первый раз в квартире профессора ее поразили настенные часы. Тикавшие так, что, казалось, отсчитывали время жизни Валентина Михайловича и его супруги, тучной женщины, не имевшей отношения к учебному процессу переводчиков Аллы Сергеевны. Профессор представил ее Кинге как известную поэтессу, и на одном из университетских вечеров стало очевидно, что она пользуется влиянием и уважением среди молодых, много пивших литераторов,

которых разглядывала Кинга с интересом, думаю о том, что кто-то будет сидеть вечерами над их текстами, стараясь передать мысль во всей красе на другом языке.

— Кинга, в первую очередь все, что касается описания, ладно, с глазами надо подумать. Остальное. Вот опишите-ка себя, будьте добры.

Валентин Михайлович носил костюм даже дома, со второго визита Кинга перестала обращать на это внимания. Подтянутый, он, тем не менее, норовил выставить живот, сидя в кресле, и галстук выползал погреться на нем, как язык счастливо набегавшейся собаки. Никаких усов или бороды, чисто выбритое немолодое лицо.

— Описать себя? — Кинга слегка растерялась. — Наверное, высокая, волосы кучерявые, темные.

— Так. Они каштановые. Темные были у Маргариты.

— Глаза серые.

— Дайте-ка взглянуть. — Профессор выпрямился, кресло недовольно скрипнуло. — Хорошо, серые глаза.

— Скорее худая.

— Стройная, я бы сказал. Хорошо, достаточно. Вот видите. Попробуйте подыскать замену, не делать прямого перевода. Ведь вот что значит худая?

— Просто худая.

— Нет, значит, плохо ест! И читатель станет об этом думать. И отвлечется. А в оригинале у нас как? Стройная! А это уже совсем другой разговор. Понимаете?

— Понимаю, профессор.

— А, ну, тогда, Алла, неси коньячок, будь добра. Мы пошалить собрались.

Профессор весело откинулся в кресле, довольный собой.

— Как уже? Так скоро? — Алла Сергеевна чем-то брякала в коридоре.

На столе появились три рюмки, бутылка коньяка Арарат, и на диване — сама Алла Сергеевна.

Посидев немного, поджав ноги, она подошла к столу и разлила коньяк по рюмкам.

— За пошалим, — весело произнес тост профессор, вздернув рюмку.

Чокнувшись — выпили. Алла Сергеевна налила себе и Кинге еще по одной рюмке. Валентин Михайлович поднялся и исчез в соседней комнате.

Выпив, Кинга и следом за ней Алла Сергеевна танцующей походкой последовали за ним. В полутемной спальне умещалась почти только одна кровать. Кинга однажды видела ее при дневном свете, с раздвинутыми шторами и заметила, какое пространство дают глубокие пейзажи на стенах. Сейчас картин было не разглядеть, зато на краю кровати возлежало белое тело голого Валентина Михайловича. Кинга сняла кофточку, расстегнула лифчик и сдернула вниз юбку. Алла Сергеевна ловко взобралась на середину кровати и аккуратно сняла брюки. Ее темная кожа сливалась с одеялом, только светлая ступня выехала вперед.

Слушая часы, Кинга села в ногах профессора, взяла в руку его мягкий член и, наклонившись, поцеловала. Она массировала яички, давила на лобок, отчего профессор издавал звук такой, как будто собирался сказать что-то совсем серьезное. Боковым зрением Кинга наблюдала, как Алла Сергеевна теревит свою промежность правой рукой где-то в глубине живота.

Всегда заканчивалось все одинаково. Валентин Михайлович полз по кровати, как маленький новорожденный кенгуру к Алле Сергеевна. Кинга, вытирая губы, ждала, когда закончит колыхаться кровать, иногда отворачивалась и всегда слушала часы.

В конце первого семестра она застала профессорскую семью навеселе. Алла Сергеевна курила в зале. Профессор сидел, перекинув ногу на правую ручку кресла.

— Так всегда Бродский делал, я сам видел, представляете! — сказал он Кинге, едва она сняла пальто.

Переводов не обсуждали, услышав пароль «пошалим», они переместились в спальню, где выпившая Алла Сергеевна стала неоднозначно домогаться Кинги, пытаясь втянуть ее к себе на середину кровати. Кинга молча выкручивалась, но допустила стратегическую ошибку, оказавшись спиной к профессору. Она почувствовала сильный толчок сзади, проникновение и дальше толчок за толчком. Довольно динамично. Она поймала протрезвевшие злые глаза Аллы Сергеевны. Всё разом остановилось. Только часы равнодушно продолжали делать свое дело.

Больше в гости в Валентину Михайловичу и Алле Сергеевне Кингу не приглашали. В начале следующего семестра оценки по предмету художественного перевода заметно ухудшились, хотя Кинга очень старалась.

Но стоило ей однажды появиться на поэтическом вечере, где Алла Сергеевна никак не ожидала ее увидеть и помолчать в ряду втором, почти в упор наслаждаясь чтением ее стихов, оценки пошли в гору.

Шнур городского телефона Кинга выдернула из розетки, оставив голоса роботов наедине с электрическим пространством в недрах стены.

8

— Настоящее?

— Сейчас я тебе покажу настоящее, — сказал Кшысь, когда они с Кингой вошли в Марицкий Костел в Гданьске. По небольшой площади перед ним носился ветер, возмущаясь тем, что люди посмели построить такую громадину, мешавшую его маленькой городской свободе.

— Вот, гляди под ноги, — это настоящее, — смотритель неодобрительно посмотрел на них, но, услышав польскую речь, отвернулся к иностранцам в ожидании работы.

Под ногами тех, кто находился в Костеле лежали крупные каменные плиты двухметровой длины, притертые на-

столько, что границы между ними не бросались бы в глаза, если бы не разные оттенки камня. От холодного серого, до темного мрамора. На поверхности некоторых плит можно было рассмотреть надписи — имена, даты родовые гербы и эпитафии. Некоторые стерлись ногами настолько, что разобрать имя уже не представлялось возможным, только дату и кругляш герба.

— Тысяча семьсот сорок первый год, — прочла Кинга, — какой-то богатый купец, здесь раньше все принадлежало ордену.

Кшысь смотрел на то, как огромное пространство собора заполняется людьми к мессе. Пора было уходить.

На соседней улице, которая, кажется, тоже носила название мариаккой, громоздились в ряд замшелые каменные крылечки, главный вход вел вниз, в подвал, где обычно были устроены лавки или мастерские. Над входом красовался барельеф очередного ангела или рыбьих голов, что-то это когда-то означало. С правой и левой стороны крыльца поднимались короткие лестницы с каменными перилами, выведившие на площадку у дома в пять или шесть этажей. Казалось, дома кланяются друг другу, что делало улицу похожей на тополиную аллею глубокой осенью. Печаль мха и серого камня заставляла идти медленнее. Невозможно было поверить, что все возможно было восстановить настолько.

— Реставрировать здание — не значит только чинить и укреплять его, но доводить его до той законченности, которая, возможно, никогда и не была достигнута его строителями, так что настоящее этого города еще будет открыто. Или же лежать ему пронумерованными кирпичами в пещерах бастионов вечно.

Довольно скоро дойдя до арки дома, замыкавшего улицу, они вышли на набережную канала. У схода к воде был

пришвартован фрегат-ресторан, стилизованный под пиратские корабли эпохи великих открытий. Несколько пар ожидали, когда освободятся столики. Кшысь заметил, как быстро все здесь менялось, остров на том берегу канала, где еще недавно можно было видеть развалины складов, напоминавших о том, как выглядел город после штурма во вторую мировую, сменили элегантные, стилизованные под архитектуру камениц современные дома и офисы.

— Смотри, они там сидят за стеклами, я бы тоже сейчас от рыбки не отказался.

Кшысь и Кинга дошли до широкого моста, соединявшего остров с главной улицей старого города. У Зеленых ворот, куда не долетала музыка ресторанов, звучали бокалы, наполненные водой на разных уровнях. Музыкант колдовал, танцую руками, и необыкновенный регистр завораживал, ослепляя движение. Такие виртуозы заменили собой шарманщиков, еще мелькающих иногда на старых улицах.

Кшысь вспомнил концерт Гилмора, неожиданный столик на сцене и четверых музыкантов, игравших вступление к «безумному бриллианту» на бокалах, помогая Рику аккуратно вести гармонию.

После концерта он шел с верфи через площадь, стела борцам за независимость была ярко выделена светом и окружена теми, кто пытался выловить из пятидесяти тысяч фанатов своих потерявшихся друзей. То и дело кто-то кричал громко, произнося имена, частенько звучало и имя «Кшысь», но он не оглядывался.

Сияй, безумный бриллиант, пел Гилмор, и стела сияла, даря фанатам надежду на воссоединение.

Кшысь думал, что от той мощи, какая звучала на концертах Pink Floyd, мало что осталось, голос Дэвида звучал скорее просьбой.

Такой же, как просьба жителей этого города поверить в него, просьба отстроенных заново домов не смотреть туда, где мелькают развалины стен.

Сияй, безумный бриллиант, когда-то ты был молод и сверкал, как звезда.

Те, кому это надоело, перебирались в безликий Вжещь, Заспу или Пшиморже. Там было больше реальности, крепкого настоящего.

А теперь твои глаза похожи на черные дыры.

Черные дыры, оставшиеся после бомбежек, затянулись, следы прошлой жизни города на задворках, на прострелянных фасадах уцелевших домов. Каждая война ведется не только против настоящего, но и против прошлого. В башне средневекового замка устанавливается крупнокалиберный пулемет, горят средневековые мельницы, вращая огненными крыльями. Взрывы в окопах крошат кости древних викингов, разводивших костры на туманном берегу Хеля, в надежде на вечность.

Зажглись фонари, и безумный бриллиант засиял для туристов и алкоголиков, распевавших песни у фонтана Нептун.

Джаз-клуб «Под рыбой» слушал музыку в подвале, который, казалось, пережил не только войну, но и рыцарей, и, возможно, они уже играли здесь джаз, выбивая ритм на доспехах. Место, хотя и относилось географически к старому городу, было расположено вдали от бешеных ресторанов с «живой» музыкой, и на выходе всех ждала тишина и тени каменных крылец под фонарем.

Кшыся и Кингу не позвали на вечеринку в гостиницу, джазовые музыканты — части достаточно тонкого организма. В таком Гданьске Кинга еще не была. Музыка и тишина после нее способны на многое.

— Скажи, ты бывала в Калининграде? — они сидели на стульях, оставленных на ночь у входа в отель, прямо на высокоом крыльце. За стеклянной дверью, на регистрационной стойке горела настольная лампа.

— Да, пару раз была, там живет друг отца, мы ездили, — Кинга посмотрела в освещенное фонарем лицо Кши-ся, фонарь за его спиной мешал разглядеть его.

— Можно, я тебя попрошу кое о чем? — и сразу: — я работал там еще месяц назад, визу просрочил, но у меня осталась там одна вещь. Можешь забрать?

Он повернулся в профиль и стал похож на воющего ночного вампира с абрисом длинных волос. Только вампиры, кажется, не курят.

— Ладно, я могу съездить, — Кинге немного замерзла, но виду не подавала, не хотелось нарушать все это.

— Спасибо огромное, я позвоню друзьям, они встретят тебя, а я здесь буду ждать.

— Надеюсь, ничего нелегального?

— Нет, тарелка. Редкая и дорогая.

— Тарелка?

— Я буду тебе вот так обязан. Скажи, что ты любишь больше всего?

— Что я люблю больше всего? Люблю чужие жизни.

— Кинга, ты меня пугаешь, ты говоришь как вампир, здесь есть такая улица, — Кши-ся засмеялся, в свете фонаря блеснули его глаза.

Там, у трейлера, Кши-ся говорил ей, что нужны новые воспоминания, и Кинге начинало нравиться, что иногда она видит все это давно знакомое его глазами, и глаза его ей тоже нравились.

Сергей забавно говорил по-польски, голосом печатной машинки, резано, совершенно не пользуясь закручивающимися то вверх то вниз польскими окончаниями, при этом запас слов оказался вполне приличным. Вокзала Кинга не почувствовала, никто не успел подлететь с предложением подвезти, не пришлось толкаться у остановки, разбираясь

в расписании. Прямо у автобуса ее встретил Сергей, подхватил сумку, мелькнул вечерний свет киоска с пирожками, и вот они уже ехали по незнакомым в темноте улицам. Кинга помнила дневной Калининград столетней, казалось, детской давности. Все же, когда потянулись кварталы одинаковых пятиэтажек, ей показалось, что здесь она даже ходила пешком. Сейчас здесь был городской вечер, с ярко освещенными витринами, ничего не говорившими вывесками и движущимися в одном направлении людьми.

Ей показалось, что перед глазами только спины в куртках и плащах. Сергей пообещал добраться до арт-пространства, как он называл место встречи, максимально быстро — бардзо шибко. Это было нелепо, торопиться все равно некуда, но Кинга списала все на гостеприимство и смущение. Улица закончилась кольцом, и перед глазами оказалось чудесное зрелище, мимо которого они проехали дважды, пытаясь найти парковки. На вопрос Кинги, действительно ли это старинное здание, Сергей ответил, наконец, пристроив машину. Арт-пространство Закхаймские ворота. Он обернулся, и лицо как раз оказалось на фоне подсвеченных средневековых городских ворот, с огромным стеклянным входом, за которым множество людей общались, держа бокалы. Ярко освещенное помещение просматривалось как витрина, а лицо Сергея, и особенно его глаза, будто на фоне праздничного салюта над прогулочным кораблем, оказались гораздо моложе. Славянское лицо, без англосакской холености и жесткости, которую компенсировали колючие маленькие глаза.

Они вошли в помещение арт-пространства и сперва легко растворились, Кинга даже не успела понять, ради чего все собрались, потом заметила в глубине небольшую сцену и микрофон, спущенный до уровня двух кресел. Все это напоминало ожидание литературного вечера. Все это выглядело теперь привычно и успокаивало. Если бы не Сергей, который, не обращая внимание на гостей, даже не

кивнув никому, шел к служебной двери справа от сцены, и там, за дверью уже был обычный коридор, с висевшим на уровне груди красным пожарным пультом с песком, ведром и шлангом за стеклом, другие двери с надписями, которые Кинга не читала, просто шла следом.

Миновав три одинаковых двери, Сергей дернул ручку следующей, удостоверившись, что именно этот вход и нужен. Дверь открылась, впустив холод из небольшого внутреннего двора под фонарем, где курили и смеялись двое, парень и девушка, обращаясь к кому-то в проеме напротив, куда Сергей с Кингой и направлялись. Снова дверь и винтовой спуск по оштукатуренной лестнице вниз, довольно резко. Хотелось придержаться за стену, и шагов через десять Кинга почувствовала пальцами впадины кирпичной кладки. Появилась музыка и вместо ожидаемой сырости подземелья — тепло и запах сигаретного дыма.

Ниже на ступеньках сидел какой-то парень, едва не закрывая узкий проход целиком. Сергей протиснулся, видимо, все же задел его за плечо, но тот только и сказал:

— Привет!

Когда Кинга проходила мимо него, заметила расстегнутую белую рубашку и слишком плавное движение руки.

— Привет, я Лёпа, — он протянул Кинге руку.

— Привет, меня Кинга зовут, — она хотела пожать ладонь, но он не попытался ее сомкнуть, и получилось скорее, романтическое кинопрощание.

— О, иностранцы! Люди тянутся к прошлому. Будь в тренде, — белая рубашка с ее глиссирующим «е» осталась позади.

Сергей остановился, уступив Кинге три ступени, и сказал уже по-русски:

— Совсем ненадолго, вы извините, что мы сюда пришли, им надо убедиться, что вы действительно приехали.

— Ночной клуб?

— Не бойтесь.

Разговаривать все еще было возможно, музыка потекла каким-то эмбиентом, спуск завершился небольшим сводчатым залом, расходившимся в три стороны. Кирпичные замковые своды, довольно высокие для подземелья. Освещение пряталось светящимися линиями между кирпичей, в расстояниях между полосками света угадывалась какая-то логика.

Посреди зала стоял старенький минивен белого цвета с готической надписью — граффити на борту «Туда-сюда». Кинга и Сергей обошли его сзади, и оказалось, что большая пассажирская дверь с другой стороны отсутствовала. Сергей подал Кинге руку, они сели в черные кресла, в салоне уже находились пассажиры и, не дожидаясь больше никого водитель, окинув салон взглядом, нажал на газ. Минивен понесся, включив фары по какому-то подземному прямому коридору, стены настолько близко, что выйти было бы некуда. Поездка, как показалось Кинге, заняла минуты три, и за это время мелькнуло несколько темных боковых коридоров. Все пассажиры вышли, и тут только Кинга заметила, что машине совершенно негде развернуться.

Обойдя минивен, они свернули вправо, и короткий коридор привел в просторный зал с мягкими креслами-подушками, придвинутыми к каменным плитам — столам. Над входом в зал прибита вывеска «Кровавый суд», черная надпись готическими буквами. Посетителей было немного, Кинга заметила пятерых или шестерых, внимание привлекли необычные столы, ничем не застеленные. Стаканы и бокалы для коктейлей прямо на камне.

В конце зала на такой же плите, расположенной поперек, стояла барабанная установка. Они подошли, и Сергей поздоровался с ударником за руку. Тот отдышал, ожидая, видимо, когда клавишник подаст сигнал с соседней плиты, перестав копать в настройках синтезатора.

Кинга кивнула ударнику, поняла, что в этот момент Сергей ее представляет.

- Что это за место вообще?
- Это замок кенигсбергский.
- Красиво здесь.
- Ударник, поморщился, приглядываясь к Кинге.
- Сказали, что вы из Польши.
- Я из Польши.
- А почему по-русски так говорите?
- Училась.
- А где акцент потеряли?
- На квартирах, бывали там?
- Да, доводилось.

Он сошел с импровизированной сцены и исчез в одной из боковых комнат, вход в которую был завешан тяжелыми бордовыми портьерами, будто бы прожившими предыдущую жизнь в театре.

Оттуда он вернулся, ведя на поводке коротконогую непонятной породы собаку, высунувшую язык от испуга, но глядевшую весело и дружелюбно.

— Вот, забирайте ее, это Тарелка. Не кусается, даже не лает.

Кинга присела на корточки и взяла поводок в руки.

— Что за порода?

— Прусская сторожевая. Есть паспорт, все чин-чинарем. Границу пройдет.

— Ну, идем со мной, — Кинга потянула ласково за поводок, и Тарелка даже не стала дожидаться, когда он натянется.

— Тут сразу наверх можно, я покажу. Сергей и ударник, с которым они так и не успели познакомиться, приобнялись, а Кинга просто кивнула.

Когда они вышли из зала тем же путем, минивена на месте уже не было, следующий ход вел по коридору, от которого в разные стороны ответвлялись узкие переходы, все в кирпиче, подсветке и непонятно откуда звучащей легкой музыке, так странно контрастировавшей с подземельем.

Здесь можно было свободно дышать, никакой духоты. Сергей свернул в один из неразличимых между собой проходов, Кинга последовала за ним с Тарелкой на поводке. Какая умничка эта собака, даром что дворняжка, подумала Кинга, стараясь в узком проходе не наступить ей на лапы. Дальше, за железной дверью начинался крутой подъем, асфальт под ногами вел к автомобильным воротам, Сергей открыл калитку и пропустил Кингу вперед. За воротами подъем продолжался еще метров десять и оказался въездом на подземную парковку какой-то серой многоэтажки. Когда они оказались на самой парковке, Кинга оглянулась.

— Я знаю этот дом! Я его видела много раз.

— Да, это Дом советов, — ответил Сергей и достал сигарету, заглянув в экран смартфона.

— А почему мы здесь не спустились? — Кинга смотрела на собаку у своих ног, явно довольную тем, что удалось выбраться из подземелья.

— Здесь только выход, и не для всех.

— А нам, значит, можно?

— Да, мы, как Санта-Клаусы, выбрались через дымоход клуба. Кинга, простите, вот еще паспорт прививочный, там все в порядке. Кинга развернула наминавший форматом обычный паспорт документ, и из него чуть не выпал свернутый вчетверо лист бумаги. Она развернула его, убедившись, что печать нотариуса на месте, перевод был сделан на английский язык.

Кинга смотрела, как на почти пустую парковку въехал автомобиль, полоснув фарами, как он разворачивался, явно направляясь к ним.

— Это за нами машина?

— Да, вас сейчас в гостиницу отвезут, там с собаками можно. Ваша сумка и пакет с кормом на заднем, я покажу сейчас. Счастливо вам добраться!

— Как здорово, что вы про корм вспомнили! А то я все время думаю об этом.

Сергей открыл сперва заднюю дверь, показал сумку, потом открыл переднюю, Тарелка устроилась у Кинги в ногах. Сергей кивнул всем сразу и закрыл дверь. Кинга помахала сквозь стекло. Поздоровалась с водителем. Тот совсем не говорил на польском.

10

Кшись встречал автобус в своих огромных наушниках, опустив голову. Кинга увидела его, когда свернули к автовокзалу, водителю пришлось надавить на газ, взбираясь на крутой подъем. Отсюда было видно немногочисленных встречающих, а большие черные наушники бросались в глаза больше, чем красные шорты.

Кинга забрала сумку, дождавшись своей очереди, пустила вперед собаку и оказалась у передней двери автобуса еще до того, как Кшись подошел. Тарелка выскочила и узнала хозяина. Поводок натянулся, кажется, в первый раз с момента знакомства Кинги с собакой. Кшись подхватил и поднял ее на руки перед собой, Тарелка весело залаяла, извиваясь, выплескивая эмоции. Хвост вертелся бешеным веретеном. Кшись спустил ее на асфальт и, усевшись на корточки, стал гладить по ушам. Поднял голову, и Кинга увидела слезы на его глазах.

— Кинга, спасибо тебе огромное. Не знаю, что и сказать. Ты увидишь, как она обожает джаз!!! Они ей там всякую гадость крутили в клубе. Сама увидишь! Эта собака жить без джаза не может!

Кшись поднялся на ноги и, старательно убирая испачканные собачьей слюной и шерстью ладони, обнял Кингу. Она прижалась к плечу джинсовой куртки, проведя щекой по пластмассовой пуговице.

По дороге, когда Тарелка спала у нее в ногах перед передним пассажирским, Кинга смотрела на проносившуюся знакомую жизнь и только сейчас осознала, что Кшись вы-

брал старую дорогу между городов. Когда выбрались за Румию, она открыла глаза, поняла, что спала довольно долго, и увидела бесконечное кукурузное поле за окном. Билборд приглашал пережить необыкновенное приключение — лабиринт. Кинга вспомнила, что уже видела его в прошлый раз.

— Кшись, давай остановимся? Я безумно хочу туда зайти.

— Куда, в лабиринт? Он же детский. Ну, давай, я отдохну немного.

— Не пойдешь?

— Нет, но если потеряешься, обещаем вытащить тебя собачьим нюхом и красными штанами.

Машина начала плавно тормозить для того, чтобы съехать на гравий. Хорошо, что Кшись умеет водить, подумала она, даже прекрасно, что умеет.

Бесхитростная самодельная вывеска на полотнище над входом гласила — «Лабиринт для детей и взрослых». Нужно было спуститься с насыпи по гравию, перешагнуть канаву и оказаться у вывески, чтобы приобрести билет у девчушки лет десяти, сидевшей на домашнем стуле справа от входа. Простое бежевое платье, босые ноги и соломенная шляпа. Забавная. Я такой никогда не была, подумала Кинга, отдавая деньги, сидеть целый день у входа в кукурузное поле...

Девчушка равнодушно приняла деньги и потеряла к Кинге всяких интерес, разглядывая собаку, которую хозяин вел по самому краю насыпи на поводке.

Кинга проследила ее взгляд, повернулась и вошла в лабиринт. Дело усложнялось тем, что кукуруза была довольно редко посажена и, даже присев на корточки, трудно было разглядеть, в какую сторону ведет прорубленная дорожка. Все просматривалось, можно было раздвинуть кусты и сократить путь, но Кинга подумала, что стоит сперва соблюсти правила.

Она решила выбрать другой способ и положиться на интуицию. Думать о чем-то постороннем. Под ноги попадались пожухлые срубленные стебли, которые надо было не прозевать и не споткнуться. Она вспомнила, как помогала отцу придерживать каменный памятник, когда он вез его в тачке по кладбищу, и единственное колесо натыкалось на сучья и корни, а памятник то и дело грозился соскользнуть. Кинга шла рядом, придерживая плиту, и ей было противно касаться замшелой грязи руками. Ей казалось, что это могут быть остатки мертвеца, и она касалась ладонью выше грязного основания, будто она действительно в состоянии будет удержать плиту, если та повалится.

Вспомнила, как долго отец тащил ту плиту, как аккуратно, у него грандиозное терпение. Обычно он работал прямо у могил, подолгу выстукивая, восстанавливая надписи, эпитафии, фамилии, даты, Кинга играла у входа на кладбище, у дома смотрителя, иногда бегала к знакомым деревьям, от которых не видно было ограды, а дом все равно можно было разглядеть.

Высокие кусты, колючки, только вокруг стволов толстых деревьев кусты расступались, там были только трава по колено и могильные плиты или осколки камней от них.

Очень редко она играла на кладбище вместе с мальчишкой — сыном смотрителя кладбища. Мать или бабушка, Кинга так и не поняла, привозила его на целый день, видимо, ехать было не так далеко. Игры у него были совсем другие — он нападал на муравейники и часами жег муравьев с помощью лупы. Муравьи почти всегда действовали одинаково, едва на них падал луч — застывали на месте в недоумении, шевеля усиками, потом начинали корчиться и шел дымок. Они погибали, как настоящие герои-защитники. Кинге это было совершенно не интересно.

Как-то они заспорили с мальчиком от скуки:

— Мой отец — смотритель кладбища, — сказал тот, не отрываясь от муравьев.

— Раз мой отец смотрит за могилами американцев, значит, это он смотритель. — Кинга подсчитывала жертвы, десять, одиннадцать, двенадцать...

— Мой отец живет здесь постоянно, а вы только приезжаете.

— Мой отец платит твоему отцу, — спор сбивал ее со счета.

— Ну и пошла отсюда, дура вонючая! — мальчик даже замахнулся на нее, как раз той рукой, в которой держал лупу.

— Отсоси, мудака! — весело крикнула Кинга, убегая.

— Чего? — мальчишка вернулся к своему занятию. К счастью, раненому муравью повезло скрыться в замшелую пропасть между могильных плит.

Кинга убежала. Оставшись одна, она огляделась вокруг. Кладбище было довольно большой рощей, и даже не везде можно было найти могильные плиты. Кое-где сохранились только деревья. Она оказалась у невысокого надгробия, тяжелым прямоугольником опертого о толщину дерева. Текст Кинга читать не стала, ее внимание привлек маленький задумчивый печальный ангел, каким-то чудом сохранившийся, усидевший на плите сверху. Она не удержалась и погладила ангела по замшелой голове.

Как бы далеко Кинга не зашла, выход всегда можно было найти по стуку отцовского молоточка. Испугавшись, что отец ее хватится, Кинга быстрым шагом шла сначала на стук, а когда он был слышен совсем близко, сворачивала и искала глазами ограду и выход, чтобы не беспокоить за работой отца. Но ту плиту они зачем-то везли в багажнике фургона, куда отец со смотрителем смогли затащить ее не с первого раза. Чувствовалось, что фургону гораздо тяжелее ехать теперь. Плита так и лежала в багажнике, когда фургон стоял на парковке, рядом с трейлером. Несколько недель они никуда на нем не выезжали. Время от времени отец открывал крышку багажника и обрабатывал плиту какими-то

жидкостями, поливал из баночек и, понаблюдав, прикрывал дверцу. Потом он выстукивал что-то молотком вечерами, и Кинга ворочалась в трейлере, пытаясь уснуть под этот стук, и сны снились нехорошие, тревожные.

Она услышала лай собаки и поняла, что идет в противоположном направлении. Развернулась и остановилась, ожидая, когда Тарелка снова залает. Минут через пять Кинга оказалась у выхода и увидела Кшыся, Тарелку и девочку-смотрительницу. Над полосой тополей за дорогой начинался великолепный безоблачный закат.

Тем летом в доме, а вернее, в трейлере, появились две новости, Кинга поступила на бесплатное отделение университета в городе N, и спустя две недели отец купил дом-близнец в поселке Стары Бабчи под Гданьском. Она помнила ощущение испуга, ошеломления пространством двух пустых этажей. Теперь можно было уже не стесняться, но одноклассники остались там, навсегда запомнив Кингу девочкой-Элли, живущей в домике на колесах, как однажды неуклюже попыталась объяснить третьеклассникам историю ее жизни учительница математики. Все, что у них с отцом могло перебраться в новое жилище — складной столик, торчавший у входа в трейлер, служивший теперь стационарным обеденным, одежда в больших пакетах по углам и матрасы на втором этаже, где теплее. За аренду парковки для трейлера было оплачено до октября, так что он не переехал в «Стары Бабчи». Возможно, он уже потерял способность передвигаться, подвеска могла проржаветь.

Когда они сняли подушки с диванов трейлера, он выглядел так грустно, что Кинга не удержалась от слез. Трейлер был скорлупой яйца, из которого она, как будто бы вылупилась, уютной, выстраданной и разоренной теперь. Она оставила шторы, они все равно не пригодятся. Однажды

отец сказал, когда она передвинулась за столиком на середину бокового кресла — там бы мама сидела. С тех пор они с отцом всегда сидели напротив, в те редкие моменты, когда вместе оказывались за столом.

Кинга закрыла на ключ дверь трейлера и через месяц заселилась в общежитие в комнату с двумя соседками. В одном из телефонных разговоров отец упомянул, что купил кровать. Она так и представляла себе новый дом — пустым, светлым, и отца, сидящим за книгами в лучах утреннего солнца, на полу белой огромной комнаты. Если бы не конверты, она бы не помнила точного адреса.

Когда отец написал, что сдал дом в аренду, она представила его почему-то несчастным, осенние листья засыпали трейлер, как в детстве, столик вернулся на свое место, и отец стряхивает с его поверхности рукавом листа, и что-то пишет в блокноте. Окно двери трейлера из потускневшего пластика и мир сквозь него выглядит стилизованным, с царапинами, как на выброшенной пластинке, которая старается звучать изо всех сил, только бы не умирать. Запах и скрип трейлера стал еще ярче, осень парковка пустела, сезонные отдыхающие разъезжались со своими трейлерами по дальним городам, а Кинга шла в школу вдоль дороги. Возвращалась всегда с ожиданием чуда, замещавшем очень многое внутри. Большинство одноклассниц Кинги жили в Хеле, были детьми рыбаков или моряков, но ни у кого в классе не было такого большого двора, засыпанного желтыми листьями напротив серой полосы моря сразу за деревьями, своего моря во дворе.

Кинга ловила удивленные взгляды усаживавшихся на места в зале. Тарелка это внимание чувствовала прекрасно и беспокойно вертелась у кресла. Почесывалась, точно, как люди, которые в незнакомой компании поначалу не знают,

куда девать руки. Кинга потрепала ее за ухо, стараясь успокоить. Музыканты расселись по местам, концерт начал Кшись, плавно перебирая палочками-щетками, буквально поглаживая поверхность барабана. Следом вступил бас и клавишные — пианино. Тарелка сразу успокоилась и положила голову на лапы. Кто-то из зрителей еще поглядывал на нее и Кингу, но скоро музыка затянула и их. Глубокий голос вокалистки мог бы успокоить даже хельские волны. Благодаря тому, что сцена в клубе была импровизированной, а вернее музыканты просто сидели в двух метрах от первого ряда стульев зала, они тоже могли видеть зрителей и видели. Но чаще всего было заметно, что каждый заглядывает в себя, отыскивает следующую ноту.

В этом всем не было никакого противостояния между музыкантами и зрителями, каждый в зале занимался тем, что ловил ноты и перебирал их, как четки. Кинга смотрела, как меняются глаза музыкантов, от блеска до тумана, они напоминали задумчивых щенков, сосущих молоко матери. Она поймала взгляд Кшися.

Потом они гуляли по берегу темнеющего успокоившегося моря, там, где тропинка выводила через кусты к закопаным в песок старым военным укреплениям. Тарелка носилась от воды к тонущим в песке ботинкам Кшися и обратно, вступая лапами в набегающий край волны. Кинга шла впереди них, потом обернулась, постояла, наблюдая за этой картиной, и исчезла.

12

Сначала ты уезжаешь, и тебя провожают. Нет, сначала ты решаешь уехать. Или кто-то решает, что ты уедешь.

И вот ты уезжаешь, и даже не скучаешь, а думаешь, что здесь так хорошо, что можно остаться навсегда. Что можно поменяться, подстроиться, втянуться и стать частью этого. Поумнеть, наконец, как мечталось.

Когда все почти уже получилось, и ты приезжаешь домой, в этот свой новый дом, и заходишь в магазин, купить, к примеру, сока, или пива, кто-то в очереди спрашивает тебя, обернувшись, а откуда вы приехали? И ты определенно покупаешь пиво, две банки вместо одной. А выпив его, трогаешь плед на диване, гладишь его, такой домашний. Думаешь, что ничего нельзя поменять, наверное, никуда нельзя уехать. Да и поумнеть тоже, в общем, скорее всего не получится.

Кинга сорвала замок на двери трейлера взятой в багажнике отверткой. Внутри оказалось чисто, и свет падал через окна-иллюминаторы в потолке необычным молочным свечением. Отец протирал их, она представила, как он забирается на крышу, садится на корточки, точно так же, как и у надгробных плит, и протирает окна. Скорее всего, сперва той же самой кистью, это так привычно. Потом влажной тряпкой из трейлера. Сидеть на этой кровати. Она забыла забронировать гостиницу и больше некуда ехать. Да и бессмысленно. Сняла пальто и щелкнула выключателем. Электричество послушалось. Лампа над кроватью.

Стала разбирать стол, чтобы пообедать. Брошенные отцом перед больницей бумаги — письма, в сторону. Нет, на его кровать второго яруса. Она заправлена. Педантизм этот дурацкий передался и ей.

13

Кинга ехала в больницу, думая о том, что раз упустила момент, то так и должно было случиться. Все, что хотелось сказать ему, все, что она привезла, могло быть сказано. Она подумала, что если бы Кшысь не поехал с ней, в больнице все формально, роли расписаны. Она представила больничную кровать в общей палате, то, как она берет его за руку, и он узнаёт ее, сразу открыв глаза. Как он теперь бледен и немощен.

Совсем не хотелось подходить к кровати, брать за руку и молчать рядом. Впрочем, это не о нём.

Так и случилось. Он сидел на скамейке, на самом солнцепеке, хотя рядом были две незанятых в тени деревьев небольшого двора госпиталя. Курил, и шурился, думая о чём-то важном для себя. Так было всегда, его голова всегда была не то, чтобы в облаках, в плотных тучах, трудно вспомнить момент, чтобы он пребывал в нашей реальности дольше дня. Сигаретный дым плыл в пересвеченном воздухе над головой седого мужчины. Она поймала себя на том, что сощурилась точно так же.

— Обнимешь? — ненавижу сигаретный дым, когда не курю сама.

Кинга остановилась в двух метрах. Тихо и все слышно. Голос у него все еще твердый. Вообще, трудно поверить, что внутри что-то уже происходит, разве только по седым волосам.

— Что там с трейлером? Ты ездила?

— Трейлер на месте, пап.

— Слушай, у меня к тебе дело есть.

— Мне он не нужен, — Кинга представить не могла подарка хуже, чем этот фамильный дом на колесах. Но отец умел это прекрасно. Он так предсказуем. Просто не думала, что прозвучит. Вообще не ожидала больницы.

— Нет. Пусть стоит себе. На хрен никому он не сдался теперь. В Бабчи ездила? Но тут дело другое, дочь, тут дело есть.

Господи, даже качнуло. Вместо извинений, последних слёз, просьб забыть обо всём, чего невозможно забыть, деловое предложение. Может быть, это нормальное человеческое устройство? Они же совали мне, а дочкам везли отсюда плюшевые сувениры. И те выросли и любят их, и детей им на джипе завозят по выходным.

Кинга зло улыбнулась.

— Ты уже взял с него деньги, пап?

— Да, и он сильно нервничает. Там все готово. Ты его встреть и отвези, и пусть с миром возвращается.

Чуть было не сорвалось — и ублажить его в прицепе, папочка? А если ты не сидишь снаружи, так он меня трахнет, не боишься... Но не стала этого говорить. Бессмысленно теперь.

— Пока, пап.

— Обещай! Деньги тебе скоро пригодятся. Вот здесь я все записал, и адрес, и сумму. Клиент жирный. Год искал.

Кинга помедлила, давая возможность ему сказать ещё. И он сказал.

— Если мы можем изменить прошлое, значит, мы вообще все можем...

— Плита готова?

— Да, но пришлось переделывать из надгробия Петерса. Теперь его нет. Но он перестал платить еще в прошлом году, так что бог с ним, доченька.

Кинга подумала, что, скорее всего, жена этого Петерса вычеркнула незаметно лишнюю статью расходов из бюджета, решив, что пришло время этой части истории кануть в прошлое. А может, этот Петерс и сам умер, там, в Америке. И могила по фамилии Петерс просто переместилась в пространстве.

Письмо клиенту Кинге пришлось написать с адреса отца, подписавшись своим именем. Без фамилии. Пусть подумает, что она ассистентка. Ответ пришел быстро. Клиент писал, что понимает проблему с больницей, что отец, правда, предупреждал насчет дочери, но все равно он рад знакомству.

14

У въезда в поселок Старые Бабчи заправка и длинный шест. Колесо от телеги и аист, похожий на ненастоящего.

Навигатор указывал сразу на несколько домов, видно, точной карты поселка еще не прописали. Подъехав к

длинному дому, Кинга поняла, что навигатор почти угадал. Двухэтажный вытянутый коттедж принадлежал двоим хозяевам. Граница владений была четко видна, как будто два государства, и одному из них явно не повезло с правителем.

Кинга припарковала Опель на траве у неухоженного забора, калитка не заперта. Она поднялась по ступенькам и постучала. Не так уж много времени прошло, она помнила окна второго этажа. Защелка заедала с самого начала.

Окна были открыты.

Дверь открыл мужчина, почему-то она думала, что откроет именно мужчина, и разговаривать придется с обоими, женщина ждет на кухне, скорее всего, она готова больше, чем он.

— Здравствуй, Кинга, я твой дядя, — протянул ладонь, — Кацпер.

— Кинга, — она пожала крепкую руку высокого, в шортах и футболке мужчины лет шестидесяти на вид. Серые кучерявые волосы, словно облако неудачно село на голову, и дотянуться поправить — высоко.

— Проходите, конечно, я вас сейчас с женой познакомлю и детьми.

Кинга вошла в прихожую, сняла кроссовки, хотя чистота пола не внушала ей доверия, и прошла на кухню. Там за столом сидела женщина лет тридцати, ей подходило определение светлая, и касалось это не только цвета волос, но и бледной кожи и серого платья. Кинга подумала, что она, скорее всего, не носит его дома.

— Вероника. Дети во дворе.

Кинга кивнула. За открытым во двор окном с сеткой билась муха. Других звуков не было. Пахло едой.

Кинга села на предложенный стул. Когда отец успел купить эту мебель?

— Вы по поводу дома вашего папы, конечно.

Кацпер сел рядом. «Больше метра восьмидесяти», подумала Кинга.

Никакого сценария не было, как и опыта. Она не знала, что говорить в таких случаях. Просто положила ладони на стол перед собой и сказала, — да.

— Мы уже третий год снимаем, мы очень признательны вашему папе, он не берет с нас платы, нам трудно, село, двое ребятишек. Сами понимаете.

— А где дети? Кинга спросила неестественным голосом.

— Куба, Ола, быстро сюда, тетя Кинга приехала к вам!

Послышался топот по лестнице, и со второго этажа прибежали мальчик и девочка лет восьми, близняшки, похожие на отца. Девочка на голову выше мальчишки. Вот-вот начнут по-настоящему расти, еще год или два.

— Здравствуйте, — сказали по очереди.

— Привет, я думала, близнецы хором здороваются, — Кинга обрадовалась им, обстановка разрядилась.

— Кинга, у нас к вам предложение, — голос у Вероники тоже светлый, звонкий.

— Можно, мы будем жить на первом этаже? На втором две комнаты. Я беру на себя кухню и вообще, дом. Кацпер во дворе работает целыми днями...

— Вы знаете, вы извините, — Кинга сказала это неожиданно для себя.

— Я подумаю, просто мне нужно уехать. На время.

— Куда же вы поедете? — сказал Кацпер.

— Мне нужно в город N.

— В N? Но зачем?

Кинга поняла, что уже сдала все позиции, что она оправдывается неизвестно за что и непонятно перед кем, и не понимает, как так вышло.

По какому праву этот высокий «дядя» задает ей такие вопросы. И тут ее осенило.

— Вы знаете, я подумаю и напишу вам письмо. Адрес у меня есть. Просто спокойно подумаю.

— И дети вам понравятся, — они такие бесы. Настоящие бесы.

— Я подумаю.

Кинга поднялась и достала из сумочки ключи от автомобиля на брелоке с Эйфелевой башней.

— Войдите в наше положение, прошу вас!

Кацпер снова протянул ей ладонь. Она пожала и еще почувствовала это рукопожатие по дороге в Хель.

15

— Зачем тебе все это, Кристофер, ты же американец?

— Американцев не бывает. Сходи на американское кладбище как-нибудь. Там ирландцы, поляки, чехи, немцы, найдешь могилу американца — позвони мне, хорошо?

— Чем ты занимаешься здесь? — Кристофер разглядывал поля, тянувшиеся вдоль трассы, начавшиеся сразу по выезде из Гданьска.

— Кажется, я только и делаю, что пишу письма — засмеялась, на секунду глянув на его профиль с красным родимым пятном на всю щеку и коротко постриженными висками.

В этом месте трассы поворот настолько резкий, что Кинга, как только видела рощу справа, уже начинала притормаживать, чтобы несущиеся сзади машины начинали осознавать ее маневр, потом сразу включала поворотник, и все равно находился тот, кто недовольно сигналил.

Поворот описывал полукруг, ведя к воротам и дому за ними у входа в рощу. Таких спокойных и широких полей не найти во всей округе. Кристофер слушал, как исчезает трасса, звуки машин стираются птичьими голосами над полем и тишиной ветра.

Она захватила с собой битую, закинув ее в багажник и всю дорогу до кладбища понемногу думала о ней.

Теперь возле кладбища появилась еще и парковка. Если зритель тот же, то уж Кинга точно поменялась. Вряд ли он ее узнает.

Они оказались единственной машиной на засыпанной желтым гравием парковке. Надо было только пройти мимо дома и, если заперто, обойти калитку кустами.

Кристофер кивнул на битую, изобразив на лице удивление. Да, может пригодиться. Шутка.

Они не сразу нашли нужное надгробие, вернее, нашел его сам Кристофер. Молча указал пальцем на свою зеленую фамилию. Прекрасная работа, подумала Кинга.

Обычно после этого лучше было оставить гостя одного у могилы, Кинга с отцом шли разговаривать со зрителем и, вернувшись, заставляли гостя или фотографирующим могилы или сидящим на краю соседнего камня.

Кинга раздвигала битой кусты, зритель совсем запустил территорию, а может, и вовсе уехал надолго. Найти не просто. Некоторые плиты сохранились гораздо лучше других, некоторые совсем исчезли под землей. Как будто судьба могилы продолжала судьбу человека, упокоившегося в ней. Вот соседняя плита, а вот и он. Кинга прицелилась, и, размахнувшись, снесла фигурку ангела в кусты. Погладила место скола. Посмотрела на битую — никаких следов.

Кристофер сидел у могилы со своей фамилией на корточках. Закапывал холмик рядом с надгробием, справа. Прихлопывал землю ладонями.

— Что делаешь? — Кинга тоже опустилась на корточки.

— Прах деда, пусть здесь лежит.

Кинга молча смотрела, как муравей исследует новое, незнакомое пространство. Вот уже вполз на середину и замер.

— Когда он выйдет из больницы?

— Кто?

— Твой отец.

Кинга поднялась на ноги.

— Я завтра уезжаю, — сказала твердо.

Кристофер тоже поднялся на ноги и отряхнул колени. Раскрытая спортивная сумка уже успела превратиться в новую мишень для муравьев.

— Что ж, птицы слетаются к подобным себе.

Когда она высадила его на парковке аэропорта, посадку на рейс уже объявили. Он улыбнулся на прощанье и быстрым шагом направился к входу, держа сумку в правой руке.

СОДЕРЖАНИЕ

Муравьиная злоба	5
Соль	11
Соль просыпается	23
Бася.....	33
Наркоманы	84
Мужчина	92
Дача	100
Часовой мастер	106
Антибиотики.....	122
Ералы	125
ДВХ.....	129
Касание.....	135
Девочка на крыше гаража.....	140
Трамваи ходят по расписанию	146
Хель. <i>Повесть</i>	151

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована в 2023 році

Юрій Серебрянський
ТРАМВАЙ ХОДЯТ
ПО РАСПИСАНІЮ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. № 2809

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 12,5

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 11.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ЮРИЙ СЕРЕБРЯНСКИЙ, казахстанский писатель, культуролог, литературный переводчик. Автор нескольких книг прозы и стихов: «Казахстанские сказки», «Чёрная звезда» (в соавторстве с Б. Момышулы), «Проза», «Алтыншаш». Лауреат государственной премии Республики Казахстан, премии «Алтын Калам» и др. Кавалер ордена «Құрмет». Состоит в Казахском ПЕН-клубе, Союзе писателей Республики Казахстан и Союзе литературных переводчиков Польши. Почетный участник международной писательской резиденции IWP (США). Живет в Казахстане.

ДРУКАРСЬКИЙ ДВИГ
ОЛЕГА ОЕДОРОВА

